This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlus 467 35

Harvard College
Library

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

This volume has been collated by Mrs. Evarts and Mrs. Perlstein, and one portrait, evidently belonging to article VIII in this volume, was removed from one of Mrs Perlstein's sets and inserted here.

AE
1937

ТРУДЫ

и

ЛѢТОПИСИ

ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

УЧРЕЖДЕННАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ VI.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

~~Slav 25.32~~
P Slav 467.35

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

По опредѣленію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва, Марта 18 дня, 1833 года. *Дѣйствительный Членъ и Секретарь Общества Степанъ Шевыревъ.*

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

О

ДАВНЕМЪ ЖЕЛАНІИ

ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ПРИСОЕДИНИТЬСЯ КЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНЫ

ИЗЪ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Хотя Поляки никогда не переставали называть своего Королевства избирательнымъ; но безпрерывный рядъ вѣковъ противорѣчитъ сему общенародному ихъ мнѣнію. Легко доказать можно, что въ первыхъ трехъ династіяхъ Леха, Піяста и Ягеллона обладаніе Польшею переходило изъ рода въ родъ наслѣдственно. Потомки Леховы, по сказанію Польскихъ бытописателей, съ названіемъ Князей, до Попеля II, владѣли около трехъ сотъ лѣтъ. Поколѣніе Піястовъ длилось на Польскомъ престолѣ болѣе пяти вѣковъ; а Ягеллоны царствовали невступно два столѣтія: чему не много найдется примѣровъ и въ Государствахъ постоянно наслѣдственныхъ.

Если бы Польскій народъ всегда властенъ былъ избирать себѣ Королей по своему произволенію, то не для чего было въ 1041 году посылать во Францію отыскивать тамъ постриженнаго въ монахи Казимира I и возвесть его на престолъ Польскій единственно потому, что онъ велъ родъ

свой отъ Піяста. Вельможи Польскіе не возложили бы короны на десятилѣтняго сына Ягеллонова, еслибъ отъ нихъ зависѣло предпочесть ему взрослаго и опытнаго мужа изъ среды своей.

Дѣйствительно избирательною корона Польская сдѣлалась съ тѣхъ поръ, когда, по пресѣченіи рода Ягеллоновъ, начали возлагать ее на другіе роды, и когда перестала она оставаться въ потомствѣ тѣхъ Королей, которые по одному только праву избранія обладали оною.

При первыхъ двухъ династіяхъ Поляки управляемы были самодержавно; улучивъ же возможность свергнуть съ престола Мечислава III, Владислава Ласконога и Владислава Локотка, они обратили мысль свою и на возможность избирать себѣ Королей. Казимиръ Великій, давъ законы подданнымъ своимъ, самъ ограничилъ власть Королевскую, усилилъ Рыцарство разными преимуществами, и предложилъ послѣ себя въ наслѣдники роднаго своего племянника, Короля Венгерскаго, Лудовика. Хотя вельможи и согласились на сіе, но съ нѣкоторыми ограниченіями; а потомъ уже при всякомъ междоцарствіи, убавляя силу верхов-

ной власти, прибавляли свои вольности. Пребываніе Лудовика въ Венгріи и отсутственное его правленіе подали имъ къ тому не одинъ случай. Они заставили его сложить всѣ прежнія государственныя подати, обязали его не накладывать оныхъ вновь, и присвоили себѣ право жаловать чинами и замѣщать упалыя мѣста чиновниковъ; а чрезъ то положили первое основаніе Аристократіи. По кончинѣ Лудовика, распространился въ Польшѣ духъ Республиканскій. Паны Рады, отвергнувъ завѣщаннаго имъ наслѣдника, Маркграфа Брандебургскаго, Сигизмунда, предназначили Польскую корону меньшой Лудовиковой дочери, Королевнѣ Гедвигѣ, съ такимъ условіемъ, чтобъ она приняла себѣ того супругомъ, кого они изберутъ ей, и выборъ палъ на Литовскаго Князя, Ягеллона, бывшаго тогда еще язычникомъ.

Сей-то Государь, подъ именемъ Владислава царствовавшій, безспорно подчинился подготовленной формѣ республиканскаго правленія, которую Вельможи примѣшали къ самодержавію Королевскому и Аристократіи своей, и призналъ избирательное ихъ право. Рѣчь Посполитая Польская состави-

лась тогда изъ трехъ степеней: Короля, Сената и Рыцарства. Первый Генеральный Сеймъ созванъ былъ при Ягеллонѣ. Поводомъ къ тому послужилъ платежъ Кавалерамъ Тевтоническаго Ордена нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ. Какъ предмѣстникъ его обязался не налагать вновь податей, то и надлежало собрать сіи деньги со всѣхъ воеводствъ по Земскому приговору; а удобнѣйшимъ къ тому средствомъ признано было, чтобъ каждый Воевода въ вѣдомствѣ своемъ созвалъ шляхтичей, которые, сдѣлавъ о семъ сборѣ свое сужденіе, прислали бы въ Общее Собраніе отъ себя Депутатовъ для поданія голосовъ. Таково было начальное происхожденіе Сеймиковъ и Генеральныхъ Сеймовъ, гдѣ рѣшалась потомъ участь Королей.

До сего переворота, Короли Польскіе опредѣляли войну и миръ, издавали законы, отмѣняли обыкновенія, уничтожали исполненіе приговоровъ, налагали подати и располагали государственными доходами; но какъ только допустили они всѣмъ симъ пружинамъ могущества перейти во власть Рыцарства, то оно присвоило себѣ и право избранія Королей. Каждый Ко-

роль, при возшествіи своемъ на престолъ; обязанъ уже былъ подтверждать сіе право торжественною присягою.

При всей смѣшенности разнообразныхъ правъ въ тогдашнемъ правленіи Польскомъ, могущество Королевское казалось еще Королю Александру преизбыточнымъ; потому что онъ узаконилъ въ 1505 году, чтобъ Польскіе Короли впредь ни о какихъ дѣлахъ, касающихся до Государства, не судили сами собою безъ согласія Сенаторовъ: черезъ сіе-то Вельможи и сдѣлались неограниченными участниками въ верховной власти.

Несмотря на пожертвованія, вынужденныя Поляками отъ Королей своихъ, Великій Князь Василій Іоанновичъ, по кончинѣ зятя своего Короля Александра, первый изъ Россійскихъ Государей, пожелалъ быть обладателемъ Королевства Польскаго и присоединеннаго къ оному Великаго Княжества Литовскаго. Онъ поручалъ сестрѣ своей, вдовствовавшей Королевѣ Еленѣ Іоанновнѣ, склонять духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, чтобъ они избрали его Королемъ и удостовѣрить ихъ въ нерушимости и охраненіи господствующаго въ Польшѣ вѣроисповѣданія. Королева

отвѣтствовала, что исполнишься сіе не можетъ, отъ того что покойный супругъ ея поступился Государствомъ родному брату своему Королевичу Сигизмунду.

Сродно было Россійскимъ Государямъ простирать свои виды на обладаніе Королевствомъ Польскимъ; потому что великое Княженіе Литовское, вмѣщавшее въ себѣ тогда Кіевъ, Полоцкъ со многими другими городами, Галиція и Волынія были издревле достояніемъ Россіи. Сродно было и обитателямъ тѣхъ земель желать присоединенія къ Россіи, ибо потомки Рюриковы населили тѣ области и построили тамъ города. Славныя имена Князей Россійскихъ, управлявшихъ ими, еще не забыты были. Одно вѣроисповѣданіе, одинъ языкъ и одни нравы имѣли надъ тамошними жителями неисповѣдимую силу притяженія къ Россіи. Князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе, Мезецкіе, Вяземскіе, при установленіи Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ самодержавія, вступивъ добровольно въ подданство Россіи съ городами и волостьми своими, открыли къ тому путь и другимъ сплеменнымъ своимъ единовѣрцамъ.

I.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ КОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ ЦАРЮ ІОАННУ ВАСИЛІЕВИЧУ И СЫНОВЬЯМЪ ЕГО ЦАРЕВИЧАМЪ ІОАННУ ІОАННОВИЧУ И ѲЕОДОРУ ІОАННОВИЧУ, ПРИ ЖИЗНИ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА II И ПО КОНЧИНѢ ЕГО.

Вельможи Коронные Польскіе и Литовскіе, видя бездѣтнаго Короля своего Сигизмунда Августа, послѣдняго потомка Ягеллоновъ, въ изнеможеніи отъ болѣзненныхъ припадковъ, начали помышлять о преемникѣ ему. Спрашась порабощенія себя деспотизму Турецкаго Султана, они условились между собою, отнюдь никого не принимать въ Короли по домогательству Оттоманской Порты; о Римскомъ Цесарѣ разсуждали, что Максиміліанъ II, за изнуреніемъ собственныхъ силъ, не одолѣетъ враговъ Короны Польской и не охранитъ ея: но всѣ единодушно признавали полезнымъ для общественнаго блага отдаться подъ покровительство Россіи и, присо-

единясь къ ней, вручитъ кормило Государства Царю Іоанну Василіевичу, воинственными доблестями препрославленному и могуществомъ своимъ злонамѣренныя покушенія другихъ державъ отвратитъ всегда готовому, или сыну Его Царевичу Іоанну Іоанновичу.

1569. Совѣщанія Вельможъ не утаились отъ народа, и слухъ о томъ разнесся повсюду. Россійскій Государь, не знавъ, на чемъ основалась молва сія, далъ слѣдующее повелѣніе посланному 1569 года гонцу, Ѳедору Мясоѣдову: „Памятъ Ѳедору: про„вѣдати ему того, которымъ обы„чаемъ то слово въ Литвѣ и Поль„шѣ въ людяхъ носится, что хо„тятъ взяти на Великое Княжество „и на Польшу Царевича Ивана, и „почему то слово въ люди пуще„но, обманкою ли, или въ правду „того хотятъ, и всѣ ли люди того „хотятъ, и почему то слово дѣ„ломъ не объявится, а въ людѣхъ „носится.“

1570. Въ слѣдующемъ 1570 году справедливость сихъ слуховъ оказалась на самомъ дѣлѣ. Паны Рады, съ вѣдома Королевскаго, поручили от-

правленнымъ въ Москву Посламъ, Иновращлавскому Воеводѣ Яну Скротошину, Каспелану Минскому Николаю Тальвашу, Старостѣ Рафаилу Злѣшнѣ и Королевскому Секретарю Андрею Иванову, формально предложишь Царю Іоанну Василіевичу: не соизволишь ли онъ вступишь въ бракъ съ сестрою Королевскою Анною, а на Королевство къ нимъ отпустишь сына своего, Царевича Іоанна Іоанновича? Іюня 10 они испросили особенную ауденцію и донесли Царю изустно, что Король ихъ Сигизмундъ очевидно слабѣетъ; а какъ нѣтъ никакой надежды, чтобъ онъ оставилъ по себѣ наслѣдника, то всѣ Вельможи, устраняя отъ выбора на Польскій престолъ всякое не токмо Порты Отоманской, но и другихъ иностранныхъ Государствъ участіе, положили на мѣрѣ избрать себѣ Короля отъ рода Словенскаго, по волѣ своей, и присоединиться къ Обладателю Россіи и къ потомству Его. — Отвѣтъ Царскій на сіе былъ таковъ: *У насъ милосердіемъ Божіимъ и прародителей нашихъ молитвами, Государство и безъ того полно; и намъ вашего чего хотѣти!*

1571. Хотя Скропошинъ и Тальвашъ, возвратясь въ Польшу, возвѣстили Вельможамъ неохотливый отзывъ Царя на предложеніе ему короны Польской; но, не смотря на то, народная молва въ Польшѣ не умолкала, и всѣ радовались соединенію обоихъ Государствъ. Престарѣлая невѣста, Королевна Анна, тщась быть супругою Россійскаго Царя, закупала на приданое дорогія ткани; а Паны съ женами своими, готовясь къ сему произшествію, заказывали уже себѣ шить платье Русскаго покроя и запасались нарядами, въ Москвѣ употребляемыми (*).

1572. Король Сигизмундъ скончался 8 Іюля 1572 года, а съ кончиною его пресѣклось и мужеское поколѣніе Ягеллоновъ, около двухъ вѣковъ Польшею обладавшее. О смерти Коро-

---

(*) Бывшіе тогда въ Варшавѣ Послы Россійскіе: Князь Канбаровъ и Князь Мещерскій, писали отшуда ко Двору: „говорятъ въ Вар„шавѣ: *нехай не вдолзе Польша и Литва „съ Москвою посполъ будетъ. Король старъ „и хворъ и бездытенъ; а опричъ Московского, „иного Государя не искати.* А сказываютъ, „платье, однорядки и кафтаны и шубы и „шапки лисьи черныя и сапоги и сѣдла и саи-

левской извѣстили Государя Литовскіе Вельможи и убѣдительно просили его прекратить военныя дѣйствія въ Лифляндіи. Двумя Грамотами отъ 29 Декабря они уполномочили Посланника своего, Писаря Великаго Княжества Литовскаго, Михаила Богдановича Гарабурду, предложить Царю Іоанну Васильевичу: не угодноль ему отпустить на Королевство Царевича Ѳеодора Іоанновича, или самому принять корону Польскую? — Царь не соизволилъ на сіе предложеніе и отвѣчалъ Гарабурдѣ: *Королевство мнѣ не новина; а сынъ мой молодъ и Государства ему справить не мочно; а прошали бы Ляхи и Литва у Цесаря сына на Государство.* Когдажь Посланникъ усугубилъ свои убѣжденія, то Царь объявилъ ему, что не иначе согласится самъ вступить на Польскій престолъ, какъ на слѣду-

---

„даки Радные Паны причиняютъ дѣлати и многіе „любятъ носити нынѣ съ Московскаго обычья. „А въ Королевнину казну сбираютъ бархаш „ны и камки и сукна всякія цвѣтныя черве„ны, свѣтлозелены, бѣлы цѣнинны на платье „съ Московскагожь обычая. А хочетъ, сказыва„ютъ, Королевна добре, чтобъ ей быти за „Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ.“

ющихъ условіяхъ: 1) чтобъ Королевство Польское и Великое Княжество Литовское присоединены были навѣки къ Россіи и принадлежали бы ему и потомству его наслѣдственно; 2) чтобъ короновалъ его и мѵропомазаніе совершилъ Митрополитъ Россійскій, а не Арцыбискупъ Католицкій; 3) чтобъ управлять ему Россіею, Польшею и Литвою, переѣзжая по временамъ изъ одного Государства въ другое. Потомъ Царь откровеннѣе изъяснилъ свое желаніе Гарабурдѣ, что онъ охотнѣе бы принялъ подъ скипетръ свой одно Великое Княжество Литовское; а Польское Королевство предоставлялъ Цесарю Максимиліану, — и увѣрилъ изустно сего Чиновника Литовскаго, что онъ всѣ вольности соотечественниковъ его нерушимо сохранитъ, чины раздавать будетъ съ общаго согласія Вельможъ и подтвердитъ сіе обѣщаніе крестнымъ цѣлованіемъ.

Намѣреніе Царя Іоанна Васильевича отдѣлить Великое Княжество Литовское отъ Польши крайне потревожило Коронныхъ Вельможъ; а условія его почтены были уничи-

къ VI Части Трудовъ, стран. 117

жительными и съ вольностями народа Польскаго несовмѣстными.

На избирательномъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1573 года, Варшавскомъ Сеймѣ Кандидатами Польскаго Королевства были: сынъ Цесаря Максимиліана Эрцъ-Герцогъ Эрнестъ, братъ Короля Французскаго Генрихъ д'Анжу, сынъ Шведскаго Короля Сигизмундъ и Царь Іоаннъ Васильевичъ. Нѣкоторые предлагали и о Піастѣ, т. е. природномъ Полякѣ; но сіе предложеніе съ посмѣяніемъ тогда отринуто было.

Максимиліанъ II между тѣмъ безпрерывно переписывался съ Царемъ Россійскимъ и увѣрялъ его, что въ Совѣтѣ Германскихъ Чиновъ опредѣлилъ онъ Королевство Польское раздѣлить на двѣ части и присоединить Польшу къ Австріи, а Литву къ Россіи; заключить послѣ сего раздѣла тѣсный съ Россіею союзъ противъ Турковъ и Татаръ и никакъ не допускать на Польскій Престолъ Французскаго Принца, который, по давней приверженности Французовъ къ Портѣ Оттоманской, всегда будетъ на сторонѣ ея,

во вредъ Христіанскимъ Государямъ. Внушая Царю неблагопріятныя мысли о Французскомъ правительствѣ, Цесарь изъявилъ ему прискорбіе и негодованіе свое противъ Короля Карла IX за то, что онъ, заманивъ къ себѣ обманомъ зятя своего, Наваррскаго Короля, Генриха, лишилъ его свободы и приказалъ, въ день Св. Варѳоломея, иновѣрцевъ, во Франціи живущихъ, числомъ до ста тысячъ, не щадя ни женъ, ни младенцевъ, предать смерти.

На предложеніе Цесаря о присоединеніи Польскаго Королевства къ Австріи, а Великаго Княжества Литовскаго къ Россіи, Царь Іоаннъ Васильевичь охотно соглашался; но совѣтывалъ Максимиліану поспѣшнѣе принимать сообразныя тому мѣры, потому что Поляки отправили уже за Генрихомъ посольство во Францію и скоро ждутъ его къ себѣ. Отвѣтную свою къ Цесарю Грамоту Царь заключилъ слѣдующими словами: „о Французскомъ Королевичѣ именно есмя къ Панамъ Радамъ приказывали, чтобъ они его „себѣ за Государя не избирали для „покоя Христіанскаго. А только

„будемъ у нихъ, по ихъ прошенію,
„Король Французъ на ихъ Государ-
„ствѣ, и они захотятъ на Христі-
„анство спояти, складываясь съ бе-
„серменскими Государи. И коли Па-
„нове Рада Короны Польскія и Велика-
„го Княжества Литовскаго на томъ
„не устояли мимо свое прошеніе,
„съ чѣмъ къ намъ присылали бити
„челомъ; а хотѣли, мимо насъ и
„сына твоего, иного Государя, и
„такое дѣло межъ насъ съ тобою
„братомъ нашимъ и съ сыномъ тво-
„имъ не сталось. А впредь тебѣ
„брату нашему дражайшему и сыну
„твоему съ нами вмѣстѣ съ-обща
„заединъ беречи того, чтобъ то Го-
„сударство Корона Польская и Вели-
„кое Княжество Литовское отъ на-
„шихъ Государствъ не отошло, и
„чтобъ Французскій Король на Пре-
„столѣ Польскомъ и на Великомъ Кня-
„жествѣ Литовскомъ не былъ. А что
„ты, братъ нашъ дражайшій, скор-
„бишь, что учинилось у Француа-
„скаго Короля, и о томъ Крестъ-
„янскимъ Государямъ пригоже скор-
„бѣти, что такое безчеловѣчество
„Король надъ подикимъ народомъ
„учинилъ и кровь подику безъ ума
„пролилъ.“

Мая 9, Генрихъ провозглашенъ былъ на Сеймѣ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ. — Августа 18, Польскіе Послы прибыли въ Парижъ и возвѣстили тамъ Сеймовый приговоръ о избраніи его. Новый Король Польскій подписалъ, 10 Сентября, въ Соборной Богородичной церкви, *pacta conventa*, или условія, на которыхъ управлять ему Королевствомъ (*). Поляки составили ихъ по волѣ своей; ибо знали, что Екатерина де Медицисъ желала, во чтобъ то ни стало, возвесть сына своего на Престолъ Польскій. *Еслибъ мы потребовали*, — повѣствуетъ современный ихъ Бытописатель, — чтобъ *Французы сдѣлали чрезъ Вислу мостъ изъ литаго золота, то они бы и въ томъ не отказали.* Въ предложенной Генриху присягѣ упомянуто было: если онъ не сдержитъ хотя единаго изъ обязательствъ своихъ, то самъ разрѣшитъ чрезъ сіе подданныхъ сво-

(*) Constitutie statutu y przywileje Regni Poloniae od Roku Panskiego 1350 az do Roku 1637. pag. 224. Corps universel Diplomatique par du Mont, T. V. partie I. pag. 223 — 226.

ихъ отъ повиновенія (*). Двадцатилѣтнему Королю предложено было вступить въ бракъ съ Польскою Королевною, Сигизмунда I дочерью Анною, которой было тогда пятдесятъ лѣтъ; но за непредъявленіемъ на то письменнаго ея согласія, онъ умѣлъ отговориться и отложить помолвку свою до свиданія съ нею. Получа отъ брата, Короля Французскаго, Карла IX, и отъ Парламента подтвержденіе на избраніе свое, Генрихъ отправился въ Польшу и 20 Февраля 1574 года въ Краковѣ былъ ко- 1574.
ронованъ. На другой день послѣ коронаціи своей, онъ снова подписалъ и присягою утвердилъ разныя узаконенія, Вельможами вновь придуманныя, для ограниченія Королевской власти и для распространенія своей собственной.

До сихъ поръ Польская Корона была больше наслѣдственная и отчасти избирательная изъ царство-

(*) Et si in aliquibus juramentum meum violavero, nullam mihi incolae Regni omniumque Dominiorum uniuscujusque gentis obedientiam praestare debebunt; immo ipso facto eos ab omni fide, obedientia Regi debita liberos facio, absolutionemque nullam ab hoc meo juramento a quoquam petam, neque ultro oblatam suscipiam.

вавшихъ поколѣній; но съ 1573 года сіе смѣшеніе двухъ разнообразныхъ правъ прекратилось, и сдѣлалась она настоящею избирательною. Государственное Уложеніе, подъ названіемъ: Pacta conventa, при вступленіи на Польскій престолъ каждому Королю для наблюденія предлагаемое, всегда имѣло Генриховъ договоръ главнымъ основаніемъ.

Избранію Царя Іоанна Васильевича, по кончинѣ Сигизмунда II, въ Польскіе Короли, воспрепятствовали происки Французской партіи, не щадившей ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, для доставленія сей короны Принцу Генриху. Притомъ же Царь и самъ не пожелалъ еще тогда обладать Поляками; ибо, предувѣдомленъ бывъ о готовности Вельможъ къ возведенію его на Престолъ Ягеллоновъ, онъ не только не приложилъ никакого старанія поддержать общенародное къ тому расположеніе; но властными условіями своими, чрезъ Посланника Гарабурду объявленными, огорчилъ распространяющее свои вольности Дворянство и не терпящее другихъ вѣроисповѣданій Духовенство.

II.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ ЦАРЮ ІОАННУ ВАСИЛІЕВИЧУ И ЦАРЕВИЧУ ѲЕОДОРУ ІОАННОВИЧУ, ПО УДАЛЕНІИ ВО ФРАНЦІЮ КОРОЛЯ ГЕНРИХА.

Стѣсненная власть новаго Поль- 1574.
скаго Короля скоро подала поводъ къ несогласіямъ между имъ и Панами Радами. Взаимныя неудовольствія дошли уже до того, что шесть Сенаторовъ отряжены были объявить Генриху о предстоящемъ ему низверженіи. Въ самое то время онъ получилъ неожиданное извѣстіе, что братъ его, Карлъ IX, скончался. Ему надлежало отправиться въ Парижъ и, по праву наслѣдія, обладать Франціею; но Вельможи воспротивились тому и, безъ созыва Сейма, не хотѣли отпустить его. Не уваживъ своевольныхъ криковъ, Генрихъ легко освободился отъ присмотрщиковъ и, захвативъ съ собою Польскую корону, скрытно уѣхалъ изъ Вар-

шавы; Сенаторамъ же оставилъ извѣстительную о своемъ удаленіи Грамоту и дозволялъ имъ о дѣлахъ Государственныхъ присылать къ нему во Францію Посольства.

На Сеймѣ, послѣ тайнаго отъѣзда Королевскаго собранномъ, опредѣлено было ждать Генриха только до 12 Мая 1575 года; а если къ тому времени онъ не возвратится, то избрать другаго въ Короли Польскіе.

Литовскій Вельможа, Янъ Глѣбовичъ, Кастелянъ Мѣнскій, по единовѣрію, усердствуя Царю Іоанну Василіевичу, убѣждалъ его приложить надлежащее стараніе къ полученію короны Польской, и въ Грамотѣ своей отъ 24 Іюля изъявилъ ему искреннее свое желаніе слѣдующими словами: »Ни одинъ Го»сударь нашему Государству больше »добра принести не можетъ, нiже »Царской вашей милости; вѣдомъ бо »есми многоумства твоего Царска»го; вѣдомъ есми промыслъ въ раз»номъ дѣлѣ, вѣдячи, что не токмо »нашей землѣ, или нашему Царству, »или всему Христіанству надобенъ »бы еси былъ; бо ни одинъ, кромѣ »вашей Царской милости, бусурман-

»ской руки и силы стерти не могъ »бы. Того дѣля сердечне отъ Гос»пода нажидаю, чтобъ ваша Цар»ская милость нашей землѣ Госуда»ремъ былъ и видѣлъ бы, что ин»шимъ обычаемъ исполненныя на»ши права и вольность.« Глѣбовичь къ Грамотѣ своей приложилъ и списки съ тѣхъ условій, по которымъ, удалившійся во Францію Король Генрихъ обязался управлять Польскимъ Королевствомъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, чтобы Царь, примѣняясь къ онымъ, открылъ свою волю Панамъ Радамъ и, сообразуясь съ ожиданіемъ ихъ, убѣдилъ бы ласкою своею къ охотному избранію его на престолъ Польскій. Вскорѣ потомъ и Приматъ, Арцы-Бискупъ Гнѣзненскій, Яковъ Уханскій, прислалъ образцовыя Грамоты, какъ писать къ Рыцарству, къ Духовенству и къ первымъ Сановникамъ Королевства. Россійскому Государю надлежало упомянуть въ оныхъ, что онъ содержитъ вѣру Христіанскую и крещеніе во имя Святыя Троицы, потомъ просить избирателей, чтобъ, по единоплеменству Словенскаго народа съ Сарматскимъ и для обороны Христіанства отъ невѣрныхъ,

провозгласили его *Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ*, предпочтительно предъ прочими искателями сей короны; наконецъ обѣщать клятвенно, что будетъ управлять Королевствомъ по давнимъ правамъ, суды производить обще съ Вельможами и всѣ рѣшенія своеручно подписывать. Сверхъ того, Янъ Хоткѣвичъ, Каштелянъ Виленскій, втайнѣ наказалъ бывшему въ Польшѣ Россійскому гонцу, Ельчанинову, донесть, чтобъ Государь прислалъ, какъ можно скорѣе, своихъ Пословъ съ милостивымъ словомъ ко всѣмъ Вельможамъ, на избраніе его согласнымъ.

1575. Царь Іоаннъ Василіевичъ преклонился къ симъ совѣтамъ и написалъ къ Гнѣзненскому Арцы-Бискупу Уханскому и ко всѣмъ первѣйшимъ Чиновникамъ и Рыцарству Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго; но въ сихъ Грамотахъ никакъ не подчинился предложенному отъ Примаша образцу; а поблагодаривъ токмо каждаго за похвальное ихъ желаніе совокупить три Государства подъ единую державу и тѣмъ самымъ возвеличить

оныя, обѣщалъ наградить ихъ за такое къ общей пользѣ усердіе и далъ имъ знать, что ему пріятно будетъ, если они склонятъ и другихъ къ избранію на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское его самаго, или сына его, Царевича Ѳеодора Іоанновича.

На избирательныхъ Сеймахъ, происходившихъ въ Польшѣ и Литвѣ, провозглашены были Кандидатами Королевства: Царь Іоаннъ Василіевичъ съ Царевичемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, Эрцъ-Герцогъ Эрнестъ, сынъ, и Фердинандъ, братъ Императора Максимиліана, Король Шведскій Янъ съ сыномъ Сигизмундомъ и Князь Моденскій Альфонсъ. Кромѣ Князя Николая Радзивила и Евстафія Воловича, всѣ единогласно назначили быть Королемъ Россійскому Государю. Приверженные къ нему Вельможи не переставали внушать, чтобы онъ скорѣе выслалъ на Сеймъ полномочныхъ Пословъ своихъ; но Царь, безъ нарушенія своего достоинства, не могъ рѣшиться на то, чтобъ его исканіе короны Польской имѣло видъ просьбы предъ Вельможами, и безъ того уже надменными. Съ дру-

гой стороны медлилъ онъ отправленіемъ въ Польшу Пословъ своихъ, и по причинѣ настоятельныхъ убѣжденій ему отъ Максимиліана II о предоставленіи Королевства Польскаго сыну его, Эрнесту. Цесарь, чрезъ присланныхъ въ Россію Пословъ своихъ, Кобенцеля и Принца, обѣщалъ отнять у Турковъ Греческую Имперію и присоединить ее къ Россіи. Не прельстился Царь симъ обѣтованнымъ завоеваніемъ; онъ, по своей политикѣ, желалъ обладать только Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, а потому и далъ знать Вельможамъ, чтобъ они, для блага Христіанъ, избрали себѣ на Польскій Престолъ Эрцъ-Герцога Эрнеста; а Великое Княжество Литовское отдѣльно упрочилибы сыну его Царевичу Ѳеодору Іоанновичу; въ случаѣ же принятія ими на Королевство кого-либо отъ руки Турецкаго Султана, угрожалъ вспять кровопролитною войною.

Цесарскіе въ Польшѣ Послы не щадили денегъ для пріобрѣтенія избирательныхъ голосовъ въ свою пользу: но въ Коронномъ Гетманѣ, Янѣ Замоскомъ, нашли они сильную про-

тивоположность. Декабря 12, произошелъ на Сеймѣ такой раздоръ, что едва не дошло до междоусобія. Одни нарекли Королемъ Цесаря Максимиліана II, а другіе провозглашали Седмиградскаго Воеводу Стефана Баторія; но рѣшительное утвержденіе избранія отложено было до новаго Сейма въ мѣстечкѣ Андреевѣ. Не смотря на сіе разномысліе, Вельможи, желавшіе возвести на Польскій Престолъ Царя Іоанна Василіевича, не теряли еще надежды и даже основывали оную на самой незаконности выбора двухъ Королей въ одно время. Князья Радзивилы увѣряли Россійскаго Посланника, Новосильцова, что чрезъ избраніе Царя исполнится завѣтъ умершаго Короля Сигизмунда I, который, бывъ вопрошенъ предъ кончиною: кому послѣ сына его, если онъ не оставитъ послѣ себя дѣтей, быть Королемъ въ Польшѣ? — отвѣтствовалъ: *быти у васъ на Королевствѣ Московскому Государю.* Царь Іоаннъ Василіевичъ не воспользовался подобными сему благопріятными внушеніями приверженцевъ своихъ; а противоборствующіе ему, огласивъ намѣреніе его отдѣлить

Литву отъ Польши, преогорчили избирателей, и навѣтами своими увеличивали ту опасность, которая отъ сего раздробленія Государства ихъ и отъ усиленія Россіи произойти можетъ. Между тѣмъ Султанъ Турецкій настоятельно требовалъ, чтобъ Поляки ни Цесаря, ни Царя отнюдь не избирали въ Короли, а возложили бы корону на Седмиградскаго Воеводу.

1576. Наконецъ Коронный Гетманъ, Замоскій, одержалъ поверхность. Онъ провозгласилъ сперва Анну, дочь Сигизмунда I, Королевою, а потомъ Стефана Баторія ея супругомъ и Королемъ: но сіе не уничтожило избранія Цесаря Максиміліана; и Польша, имѣвъ въ одно время двухъ Королей, раздираема была внутренними раздорами и крамолами двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна другую низринуть подыскивалась. Приключившаяся Максиміліану II кончина Октября 12. успановила колеблемость народную, и Стефанъ Баторій оспался спокойнымъ обладателемъ Польскаго Престола.

При семъ вторичномъ предложеніи короны Польской, Царь Іоаннъ Василіевичь много обнадѣялся на ощутительную для самихъ Поляковъ выгоду присоединиться къ Россіи; а потому и не употребилъ онъ въ дѣйствіе тѣхъ способовъ, которые присовѣтованы ему были Вельможами. Когда на избирательныхъ Сеймахъ возникли раздоры, и во всемъ Государствѣ распространились смятенія опть выбора двухъ Королей: то въ волѣ его состояло согласить Императора Максимиліана II на раздѣлъ Польши, и силою оружія присовокупить Великое Княжество Литовское къ Державѣ Россійской.

III.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ О СОЕДИНЕНІИ РОССІИ СЪ ПОЛЬШЕЮ, И ИЗБРАНІЕ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ВЪ КОРОЛИ ПОЛЬСКІЕ.

Славно царствовавшій и прочное благо Польши назидавшій Король, Стефанъ Баторій, задолго предусмотрѣлъ неминуемое паденіе своего Государства. Оно сокрывалось въ самой Конституціи: необузданное властолюбіе Вельможъ, буйная независимость Шляхетства и безгласность низшаго состоянія потрясали уже и тогда основанія Королевства Польскаго. Самыя побѣды вразумили Короля Стефана, что Россія, приходя опъ силы въ силу, отнимешъ когда-либо тѣ издревле принадлежавшія ей владѣнія, которыя Королями Польскими въ безвремянье ея присвоены. Будучи бездѣтенъ, онъ предпринялъ соединить Польшу

съ сею мочною Державою и, согласивъ на то первѣйшихъ Государственныхъ Чиновниковъ, готовился созвать Сеймъ для полученія надлежащаго подтвержденія отъ всей Рѣчи Посполитой.

Рѣшась на сіе, онъ вдругъ перемѣнилъ прежнія свои угрозы на миролюбіе, надменность на пріязнь, и, въ началѣ 1586 года, прислалъ къ Царю Ѳеодору Іоанновичу Кашпеляна Минскаго, Михаила Богдановича Гарабурду, въ качествѣ Посла, съ убѣдительною просьбою заключить вѣчный миръ. Гарабурда, при переговорахъ съ Боярами, предложилъ имъ, въ случаѣ безпотомственной смерти Короля своего, соединить Польшу и Литву съ Россіею; равномѣрно, если кончина Царя Ѳеодора Іоанновича безъ наслѣдниковъ воспослѣдуетъ прежде, то Россію присовокупить къ Польшѣ и Литвѣ, и тогда Царству Россійскому, Королевству Польскому и Великому Княжеству Литовскому, составляя одно великое Государство, отражать всѣхъ непріятелей общими силами и владычествовать надъ Сѣверомъ. Бояре, не бывъ приготовлены къ та- 1586.

кому дальновидному предложенію, отвергли оное, даже вознегодовали на Польскаго Посла за изреченіе о смерти Государевой, примолвивъ, что *про Государей говорить того не пригоже*, и вмѣнили ни во что сіе важное преднамѣреніе. — Тщетно покушался Польскій Посолъ завести Бояръ въ подробнѣйшія объясненія: они съ досадою отдаляли всякій поводъ къ тому и заставили его возвратиться въ Польшу ни съ чѣмъ. За сей неблагопріятный отзывъ Вельможи неоднократно упрекали Бояръ, что предлагали Русскимъ хлѣбъ, а они за то пустили въ Поляковъ камни.

Въ слѣдъ за Гарабурдою, отправлено было къ Королю Россійское Посольство, для продолженія срока истекавшему между обоими Государствами перемирію. Тоже самое условіе о соединеніи двухъ Государствъ возобновлено было и въ Польшѣ, безъ чего ни на какое перемиріе Вельможи не соглашались. Россійскіе Послы, Бояринъ Князь Троеруковъ, Дворянинъ Писемскій и Дьякъ Пепелинъ, не могши уклониться отъ такого настоятельнаго

требованія, принуждены были въ Гроднѣ, Сентября 6, заключить договоръ о съѣздѣ 3 Іюня слѣдующаго 1587 года на рѣкѣ Иватѣ, порубежномъ между Смоленска и Орши мѣстѣ, Панамъ Радамъ и Россійскимъ Большимъ Думнымъ Боярамъ для договора и положенія на мѣрѣ тѣхъ способовъ, чрезъ которые Россію, Польшу и Литву совокупить навѣки въ единую, нераздѣльную Державу, въ случаѣ безпотомственной кончины котораго либо изъ владѣющихъ Государей.

Для утвержденія сего соединенія двухъ Государствъ, назначенъ уже былъ Сеймъ въ первыхъ числахъ Января, какъ неожидаемая кончина, 12 числа тогожъ Декабря Королю Стефану приключившаяся, разрушила сіе политическое его предпріятіе.

Извѣстіе о Королевской смерти дошло въ Москву чрезъ три недѣли. При жизни Стефана Баторія, Царь съ недовѣрчивостію принималъ предлагаемое соединеніе обоихъ Государствъ, опасаясь быть жертвою его политики, и, не утвердясь въ своемъ намѣреніи, предавалъ сіе дѣ-

ло на Божію волю; но по кончинѣ его, возжелалъ обладать Королевствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ для блага Россіи, надѣясь сіе совокупное обладаніе сочетать съ пользою ея и тѣмъ осчастливить оба Государства. Вскорѣ отправилъ онъ въ Польшу Посланникомъ Елизарія Матвѣевича Ржевскаго, которому приказалъ изъявить Панамъ Радамъ соболѣзнованіе свое о сиротствѣ Государства ихъ; внушить имъ, что они, избравъ Россійскаго Самодержца Королемъ и присоединивъ Польшу и Литву къ Россійской Державѣ, исполнятъ чрезъ то собственное ихъ желаніе, и исчислить подробно всѣ выгоды, которыми будутъ пользоваться Поляки отъ соединенія съ Россіею, какъ съ сильнѣйшимъ въ свѣтѣ Государствомъ, превосходящимъ въ пространствѣ и могуществѣ не только Швецію, но и самую Австрію. Приближенные Царскіе Бояре о томъ же писали отъ себя къ Польскимъ и Литовскимъ Вельможамъ, убѣждая ихъ, для ускоренія столь важнаго дѣла, прислать безотлагательно въ Москву полномочныхъ Пословъ.

Когда Ржевскій пріѣхалъ въ Варшаву, то Вельможи отозвались, что на Царское изволеніе не могутъ дать никакого отвѣта за несобраніемъ еще Государственныхъ Чиновъ; а присылкою Пословъ въ Москву могутъ нарушить свои постановленія. Они совѣтовали Царю отправить къ 30 Іюня на избирательный Сеймъ своихъ полномочныхъ, научя ихъ подробно, какъ въ семъ преобразованіи двухъ Державъ поступать, и давали знать, что при настоящихъ въ Польшѣ обстоятельствахъ ни одинъ Государь даже не помышляетъ требовать къ себѣ Пословъ Польскихъ; но каждый спѣшитъ выслать въ Варшаву своихъ полномочныхъ. Литовскій же Подканцлеръ, Левъ Сапѣга, съ другими доброхотствовавшими Россіи, предосперегалъ Государя и Бояръ, чтобъ впредь писали въ Грамотахъ своихъ къ Вельможамъ ласковѣе и, по примѣру Цесаря и другихъ искателей короны Польской, къ просьбамъ своимъ присоединяли бы богатые подарки; а при отправленіи на Сеймъ Пословъ Россійскихъ снабдили бы ихъ рѣшительными наказами о двухъ главнѣйшихъ статьяхъ: въ Краковѣ ли коронуется Царь 1587.

и будетъ ли писаться прежде Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, а потомъ уже Московскимъ Государемъ?

Царь Ѳеодоръ Іоанновичь уполномочилъ на избирательный Сеймъ двухъ Боярѣ, Намѣстника Великопермскаго и Костромскаго Степана Васильевича Годунова, Намѣстника Коломенскаго Князь Ѳедора Михайловича Троекурова-Ярославскаго съ Печатникомъ Ближнимъ своимъ Дьякомъ Васильемъ Яковлевичемъ Щелкаловымъ и Думнымъ Дьякомъ Дружиною Пантелѣемъ Петелинымъ. На сихъ великихъ и полномочныхъОсловъ возложено было склонить Сенаторовъ, Рыцарство и Духовенство къ избранію Государя въ Короли и къ соединенію Польши и Литвы съ Россіею, и клятвенно удостовѣрить ихъ, что Царь желаетъ сего единственно для разширенія общими силами обоихъ Государствъ, для истребленія непримиримыхъ враговъ имени Христіанскаго и для защищенія отъ всѣхъ непріятелей, и что, при щедрой всѣмъ наградѣ, онъ сохранитъ всѣ права и преимущества каждаго сословія.

Предрасположивъ такимъ образомъ избирателей въ пользу Россійскаго Государя, велѣно было симъ Посламъ подать на Сеймѣ слѣдующія, въ двѣнадцати статьяхъ состоящія условія, на которыхъ угодно Царю принять верховную власть надъ Королевствомъ Польскимъ и надъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ:

1 е. Царю Ѳеодору Іоанновичу, будучи на великихъ Государствахъ Христіанскихъ, именоваться Царемъ Владимірскимъ и Московскимъ всея Руссіи, Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ; а народамъ обоихъ Государствъ оставаться вѣчно и нераздѣльно подъ Царскою его Державою.

2 е. Противъ Турковъ и Крымскихъ Татаръ идти войною самому Царю со всѣми войсками Россійскими на своемъ иждивеніи. Прежде всего очистить Крымъ, а потомъ, вступя въ союзъ съ Цесаремъ, Испанскимъ Королемъ и Персидскимъ Шахомъ, при помощи Польскихъ и Литовскихъ ополченій, доставить Польшѣ Венгрію, Босніо, Сербію, Молдавію и Валахію по Дунай.

3 е. Дѣйствовать и вспомоществовать всегда Польшѣ и Литвѣ Московскими, Казанскими и Астраханскими войсками противъ всѣхъ ихъ будущихъ непріятелей.

4 е. Правъ и вольностей Польскихъ и Литовскихъ не только не нарушать, но распространить ихъ съ приговора Пановъ Радъ.

5 е. Казнѣ и всѣмъ доходамъ Польскимъ и Литовскимъ оставаться въ самопроизвольномъ распоряженіи Польскаго Правительства, а Царю въ цо не вступаться.

6 е. Какъ Польскимъ и Литовскимъ въ Россіи, такъ и Россійскимъ въ Польшѣ и Литвѣ жителямъ имѣть свободное пребываніе и между собою безпрепятственно въ браки вступать.

7 е. Безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, или совсѣмъ не имѣющимъ осѣдлостей Польскимъ военнымъ людямъ давать земли по рѣкамъ Дону и Донцу.

8 е. Недоплаченные покойнымъ Королемъ войску Польскому долги заплатить Россійскій Государь изъ

своей казны, хотя бы простирались оные до ста тысячъ золотыхъ Венгерскихъ.

9 е. Опредѣленное войскамъ жалованье на содержаніе пограничныхъ между Россіею, Польшею и Литвою городовъ и крѣпостей, какъ излишнее, обратить все на войска обоихъ Государствъ противъ Турковъ и пособлять съ обѣихъ сторонъ людьми безъ найма.

10 е. Обязавъ немедленно Крымскаго Царя Саадетъ Гирея шертью, чтобъ онъ съ Россіею, Польшею и Литвою вѣчно не воевалъ, усмирить съ помощію Польскихъ войскъ и Нагайскую Орду, между Дономъ и Волгою кочующую.

11 е. Лифляндскіе города, Королями Датскимъ и Шведскимъ отторгнутые, кромѣ Нарвы, доставить Польшѣ Россійскимъ оружіемъ.

12 е. Торговымъ людямъ Польскимъ и Литовскимъ дозволить свободный въѣздъ съ товарами ихъ во всѣ Россійскіе города; также пропускать ихъ чрезъ Россію въ Персію, Вухарію, Грузію, Китай и во всѣ Государства.

Россійскіе полномочные Послы, подъѣзжая къ Варшавѣ, остановлены были за 15 верстъ отъ оной въ селѣ Окуневѣ и, по причинѣ ссоръ, происходившихъ тогда между Коронными и Литовскими Вельможами, долго не были допущены на аудіенцію. При избираніи себѣ Короля, Паны Рады раздѣлились на три стороны. Литовскіе свѣтскіе Вельможи и нѣкоторые изъ Коронныхъ, а сначала и самъ Примасъ, единодушно желали соединенія трехъ Державъ подъ единую власть Россійскаго Государя; изъ Коронныхъ же Канцлеръ Замоскій, Маршалъ Коронный Опалинскій, Войловичь, Кишка, по предстательству вдовствующей Королевы Анны, предложили роднаго племянника ея, Шведскаго Королевича Сигизмунда; а другіе, какъ-то: Воевода Познанскій Гурко, три брата Зборовскіе и Ябловицкій старались о возведеніи на престолъ Цесарева брата, Эрцъ-Герцога Максимиліана.

Для извѣданія народной склонности и большинства голосовъ, Августа 2 числа, выставлены были на полѣ три знамя: первое было Рос-

сійское съ изображеніемъ Царской Короны; второе представляло Нѣмецкую шляпу Австрійскаго Эрцъ-Герцога, а на третьемъ Шведскомъ видна была сельдь. Подъ Россійское знамя собралось народа несравненно болѣе, нежели подъ другія два. Въ самое то время многіе изъ Сенаторовъ и Шляхетства подъѣзжали къ Посламъ съ изъявленіемъ преданности своей къ Россійской сторонѣ и навѣдывались о выгодахъ, имъ обѣщаемыхъ.

На третій день, послѣ столь явно обнаруженнаго благорасположенія народнаго къ Россіи, Царскіе Послы приглашены были въ Коло Рыцарское къ Государственнымъ Чинамъ, а встрѣчены были слѣдующими нечаянными вопросами: „Приступитъ ли Государь къ Римской вѣрѣ? — Коронуется ли въ Краковѣ въ Римскомъ костелѣ отъ Арцы-Бискупа? — Дозволитъ ли Арцы-Бискупу муропомазать себя и приметъ ли отъ него опрѣсночное Причастіе? — Соединитъ ли Греческую Церковь съ Римскою? — Будетъ ли послушенъ Папѣ, по примѣру прежнихъ Королей Польскихъ? — Пріѣдетъ ли въ Польшу

чрезъ десять недѣль послѣ избранія въ Короли? — Какимъ образомъ будетъ описывать свой титулъ, чтобъ Польской Коронѣ не быть подъ шапкою Царскою? — Дастъ ли на скорую оборону отъ Турковъ сто тысячъ рублей? — Заключитъ ли вѣчный миръ съ Королемъ Шведскимъ?« — Россійскіе Послы на все сіе отвѣтствовали въ краткихъ словахъ, что Царь Ѳеодоръ Іоанновичь вѣры своей ни для чего не перемѣнитъ и торговать себѣ Польской Короны у Вельможей не хочетъ; а если не желаютъ они избрать его, тобъ по крайней мѣрѣ согласились, для сосѣдняго спокойствія, на избраніе союзника Царскаго, Эрцъ - Герцога Максимиліана. Въ отвѣтъ на сіе послѣднее предложеніе Вельможи сказали: „Цесарева бра„та и помянуть у насъ не хотятъ, „для того, онъ небогатый Госу„дарь, а се къ тому должный; а Це„сарь братъ его и самъ долженъ и „дань даетъ Турскому. И какъ толь„ко у насъ Цесаревъ братъ на Госу„дарствѣ будетъ, и онъ тотчасъ „захочетъ богатѣти, да и долгъ „платить, и то все станетъ „съ насъ лупить. А Турскому Цесарь

„и братъ его великіе недруги; за-
„хочетъ съ Турскимъ воевать и сби-
„рать съ насъ же станетъ, а свое-
„го ему на войну дать нечего. Ма-
„ло ль что сулитъ для своего Госу-
„дарства, а нѣтъ ничего. Да и по-
„тому Цесарева брата не хотимъ:
„которыя Государства поддались
„Цесарю, и онъ у нихъ всѣ права по-
„ломалъ и дань на нихъ положилъ,
„какъ спянуть не льзя. Да и для
„того Цесарева брата и всякаго Нѣм-
„чина не хотимъ, у насъ то писан-
„ное дѣло: что *Нѣмецкій языкъ Сло-*
„*венскому никакъ добра не мыслитъ;*
„и намъ какъ котораго Нѣмчина
„взять себѣ за Государя!«

Августа 8, Замоскій, Опалин-
скій и Примасъ Карнковскій выбра-
ли Шведскаго Королевича, а Гурко
и Зборовскіе чрезъ два дня провоз-
гласили Королемъ Польскимъ Эрцъ-
Герцога Максимиліана. Въ самое то
время Коронные и Литовскіе Сена-
торы, призвавъ Россійскихъ По-
словъ въ свое Собраніе, наказали до-
нести словесно Царю слѣдующее:
„Канцлеръ Замоскій и иные съ нимъ
„немногіе Паны обрали Свейскаго
„сына, а Воевода Познанскій да Збо-

„ровскіе обрали Цесарева брата; а „мы всѣ и Литва и Поляковъ боль„шая половина Пановъ Радъ и Ры„царства, и Кіевъ и Волынь и По„долье и Подляшье и Мазовша всѣ „хотѣли есмя и ждали всѣмъ серд„цемъ Государя вашего, да стало за „вѣрою да за пріѣздомъ, что Госу„дарь вашъ скоро не пріѣдетъ. Шве„да и Цесарева брата не обрали мы „нынѣ и впредь ихъ обоихъ на Го„сударствѣ видѣть не хотимъ. Элек„цію разорвали, а хотимъ съѣздъ „учинить о обираньѣ Государскомъ „инымъ часомъ. А вамъ нынѣ еще про „Государя вашего не отказываемъ, „Государь вашъ стоитъ у насъ на Бо„жьей волѣ.“ Письменный отъ Вельможъ отвѣтъ Посламъ былъ равнаго содержанія: но въ ономъ не умолчали они, что главнѣйшее помѣшательство въ избраніи Царя на Престолъ произошло отъ Духовныхъ.

Когда возвратились изъ Польши Царскіе Послы и донесли Государю о приверженности къ Россіи большой части Поляковъ, а паче Литовцевъ, то немедленно отправлены были туда въ качествѣ Посланниковъ Дворянинъ Ржевскій и

Дьякъ Свіязевъ. Имъ приказано было изъявить, отъ имени Государя, Короннымъ и Литовскимъ Сенаторамъ благодареніе за усердіе ихъ и дать знать, что ему не токмо вѣры Греческой перемѣнить, но и короноваться невозможно гдѣ-либо, кромѣ Москвы или Смоленска, притомъ непремѣнно отъ Первосвященника Греко-Россійскаго; что избраніе его Королемъ и соединеніе трехъ Державъ предпріемлетъ онъ не для почестей своихъ, не для богатствъ, но токмо ради избавленія Христіанъ отъ невѣрныхъ. — Въ Наказѣ Россійскимъ Посланникамъ предписано было: если они удостовѣрятся въ несклонности Литовцевъ къ избранію въ Короли Шведскаго Королевича Сигизмунда, то, обнадеживъ ихъ Царскимъ покровительствомъ во всякомъ случаѣ, объявить имъ, что Россійскій Государь удовольствуется обладаніемъ и одного Великаго Княжества Литовскаго, съ принадлежащими къ оному Воеводствами Кіевскимъ, Подольскимъ, Волынскимъ, Подлящскимъ и Мазовецкимъ.

Сіи внушенія единовѣрнымъ Литовцамъ, дѣятельными мѣрами отъ

Россіи не подкрѣпленныя, остались тщетными. Ржевскій и Свіязевъ допущены были въ Брестѣ, 9 Декабря, къ Вельможамъ Литовскимъ и Рыцарству; но лишь только услышали въ Собраніи, что Царь намѣревается совершить коронованіе не въ Краковѣ, а въ Россіи по закону Греческому, то ревностные Католики въ нѣсколько голосовъ закричали: *этому не бывать!* и заглушивъ возраженія доброжелателей, рѣшительно во всемъ отказали Посланникамъ. Большая часть тутъ присутствовавшихъ погдажъ передалась къ той сторонѣ, которая избрала себѣ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ Королевича Сигизмунда, рожденнаго отъ Королевы Шведской Екатерины, дочери Польскаго Короля Сигизмунда I. Вдовствующая Польская Королева Анна, родная его тетка, раздала для сего много денегъ и тѣмъ преклонила Пановъ на свою сторону. Хотя Королевичъ Сигизмундъ, по воспитанію своему, заранѣе готовился къ Польской Коронѣ, обученъ былъ Польскому языку и принялъ уже Каполическую вѣру; но отецъ его, Король Іоаннъ III,

не хотѣлъ отпустить его въ Польшу, какъ наслѣдника Шведской Короны, и никогдабъ не согласился на то, если-бы Польскіе Вельможи не успокоили его тѣмъ, что изберутъ себѣ въ Короли Царя Ѳеодора Іоанновича, и что усиленная чрезъ то Польша будетъ непримиримымъ и опаснѣйшимъ для Швеціи непріятелемъ.

По совершеніи въ Краковѣ 16 Декабря Сигизмундовой коронаціи, Великій Гетманъ Замоскій немедленно отправился противъ избраннаго другою партіею въ Короли Эрцъ-Герцога, нашелъ его при Бычинѣ, разбилъ бывшее при немъ войско и самаго взялъ въ плѣнъ. Максимиліанъ получилъ свободу не прежде, какъ отказавшись навсегда отъ титла Королевскаго и всякаго притязанія на Корону Польскую.

Вѣчное соединеніе Россіи съ Польшею, при Королѣ Стефанѣ, не состоялось отъ неясности и поспѣшности сдѣланнаго имъ предложенія и отъ незрѣлости тѣхъ мѣръ, которыя для сего заранѣе предуготовить надлежало; избраніе-жъ Царя Ѳеодора Іоанновича послѣ

кончины Королевской, съ одной стороны, служило препятствіемъ высокомѣріе тогдашнихъ Вельможъ Польскихъ. Они, поставивъ себѣ за правило не подчиняться власти, часто доводили Короля своего до того, что онъ самъ отъ нихъ зависимъ былъ. Знавъ, что Царь Россійскій не потерпѣлъ бы такого уничиженія, они заодно съ духовенствомъ Католицкимъ, неблагопріятствующимъ господствующей въ Россіи и той же въ Литвѣ Религіи, отступили отъ правилъ, внушенныхъ имъ отъ Баторія о пользѣ совокупленія двухъ Государствъ. Съ другой стороны, ненасытный честолюбецъ, Борисъ Годуновъ, въ сіе самое время умышлялъ уже проложить себѣ къ Царскому Престолу дорогу и, по своекорыстнымъ видамъ, не находя лично для себя въ томъ выгоды, чтобъ Польша вмѣшалась въ дѣло, до наслѣдія Царскаго касающееся, отклонилъ коварствомъ своимъ предвоспріятое соединеніе съ Россіею.

Хотя намѣреніе бездѣтнаго Короля Стефана заимствовать наслѣдниковъ Престоламъ Польскому изъ

Россіи, а Россійскому изъ Польши и не совершилось въ свое время; но когда прекратилось царствовавшее отъ Рюрика поколѣніе, то нѣкоторые изъ Бояръ на семъ самомъ предложеніи основывали избраніе въ Цари Королевича Владислава.

V.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ ОТЪ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА IV: О СОЕДИНЕНІИ РОССІИ СЪ ПОЛЬШЕЮ И О СДѢЛАНІИ ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ТОГО ДВУХЪ КОРОНЪ.

1634. Послѣ двадцати-лѣтней вражды съ Польшею и послѣ неудачной съ нею войны, стоившей Россіи Смоленска и многихъ другихъ городовъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь принужденъ былъ заключить, 1634 года Іюня 4, на съѣздѣ у рѣчки Поляновки, съ сею непріязненною ему Державою миръ. Существенная польза сего вынужденнаго примиренія состояла только въ томъ, что Король Владиславъ торжественно отрекся отъ всѣхъ прежнихъ своихъ притязаній на Россійскую Корону, уничтожилъ на вѣчныя времена за себя и преемниковъ своихъ заключенное 1610 года Августа $\frac{17}{27}$ дня, объ избраніи его на Царство, съ Гетманомъ Жолкевскимъ

постановленіе; а за то, чтобъ никогда уже не именоваться Царемъ Всероссійскимъ, взялъ Король Польскій 20 тысячъ рублей подъ видомъ уступки Царю Михаилу Ѳеодоровичу города Серпейска.

Предложенное Королемъ Стефаномъ Баторіемъ соединеніе Россіи съ Польшею и Литвою не теряли изъ вида и преемники его. Колеблемость правленія ихъ и видимое приращеніе Самодержавной Россіи, не смотря на предшествовавшія потрясенія и неудачи ея, спрашили предусмотрительныхъ патріотовъ Польскихъ. Владиславъ, желая постепенно приготовить къ тому Бояръ Царскихъ, поручилъ полномочнымъ своимъ (*) на Поляновскомъ съѣздѣ сбли-

(*) На Поляновскомъ съѣздѣ между Вязьмы и Дорогобужа договаривались Польскіе послы: Якубъ Жадикъ, Бискупъ Хельминскій и Канцлеръ Коронный; Кришпофъ Радзивилъ, воевода Виленскій и полный Гетманъ Литовскій; Мартынъ Казановскій, воевода Польскій, Гетманъ полный Коронный; Александръ Корвинъ-Госевскій, воевода Смоленскій, Писарь Литовскій; Александръ Пясочинскій, Каштелянъ Каменецкій; Марціянъ Тризна, Референдарь и Писарь Литовскій; Андрей Рей Знакеловичъ, Комиссаръ

знить Россіянъ съ Польскими уставами чрезъ обряды, при Коронаціи въ обоихъ Государствахъ наблюдаемые, и довести ихъ до участія въ избраніи Королей Польскихъ. Владиславовы полномочные Послы убѣждали внести въ Поляновскій договоръ слѣдующія статьи:

1. Для торжественнѣйшаго означенованія, что Россія и Польша соединяются вѣчно, сдѣлать двойныя Короны, чрезъ которыя означались бы два Государя и нераздѣльное вѣчное Государствъ ихъ соединеніе. Одной изъ сихъ Коронъ хранится въ Польшѣ, и при Коронаціи возлагать ее чрезъ Россійскаго Посла на гла-

---

ный дворянинъ Королевскій; Николай Гнѣвашъ, Хорунжій Любельскій, и Александръ Огинскій, Хорунжій Троцкій; а съ Россійской стороны уполномочены были: Боярин и Намѣстникъ Псковскій Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, Окольничій и Намѣстникъ Суздальскій Князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, Дворянинъ и Намѣстникъ Шацкій Степанъ Матвѣевичь Проестевъ и два Дьяка, Григорій Нечаевъ и Василій Прокофьевъ. Переговоры производились на полѣ, въ шатрахъ, и часто самъ Король Владиславъ, переодѣтый въ простое платье, шутя же присутствовалъ.

ву Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ; а другой быть въ Москвѣ, и возлагать ее чрезъ Польскаго Посла на главу Царей и Великихъ Князей Россійскихъ.

2. Въ случаѣ Королевской смерти, Польскіе и Литовскіе Вельможи должны немедленно возвѣстить о томъ Россійскому Двору и, совѣщуясь обще о избраніи новаго Короля, отнюдь не препятствовать тому, когда вольными голосами Польскій и Литовскій народъ изберетъ на Престолъ Королевича. Для сего избранія прислать Россійскому Государю своихъ Пословъ, которые бы Чинамъ Рѣчи Посполитой въ дѣлѣ Королевскаго избранія могли способствовать, не нарушая ни въ чемъ древнихъ правъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго; новоизбранному же отъ Коронныхъ и Литовскихъ Чиновъ Королю, по учиненіи присяги на охраненіе ихъ правъ и вольностей, тогда же союзъ и договоръ сей, между обоими Государствами постановленный, присягою утвердить, съ обѣщаніемъ соблюдать оный навѣки свято и нерушимо.

3. Не только при избраніи, но и при самой Коронаціи новаго Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго присутствовать Россійскому Послу и, по возложеніи Архіепископомъ и Епископами на главу его Короны, равнымъ образомъ Послу Царскому возложить на Короля другую Корону, особенно для того устроенную.

4. Въ случаѣ смерти сына Королевскаго, не препятствовать Чинамъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго избрать себѣ въ Короли Россійскаго Государя, которому, по учиненіи присяги въ сохраненіи правъ и вольностей Польскихъ и Литовскихъ, бывъ Королемъ добровольно избраннымъ и Обладателемъ двухъ столь славныхъ, сильныхъ и обширныхъ Государствъ, жить два года въ Польшѣ и Литвѣ, а годъ въ Москвѣ для управленія Россіею, такимъ порядкомъ, какой за лучшее признанъ и постановленъ быть имѣетъ.

5. А если, по волѣ Божіей, случится Россійскому Государю умереть, оставя по себѣ наслѣдникомъ Престола сына своего, тогда тому

преемнику его въ присутствіи Польскихъ и Липовскихъ Пословъ, которые отъ Короля присланы быть имѣютъ, утвердить равномѣрно сіе вѣчное соединеніе присягою, съ обѣщаніемъ соблюдать сей договоръ навѣки свято и ненарушимо.

6. При короноваціи новаго Россійскаго Царя Польскому Королевскому Послу возложить на Государеву главу другую Корону, для сего нарочно устроенную.

7. Въ случаѣ безнаслѣдственной Россійскаго Государя кончины, Королю Польскому и Великому Князю Липовскому, Русскому, Прусскому, Лифляндскому и иныхъ быть Государемъ Владимірскимъ, Московскимъ и иныхъ.

Россійскіе Послы, бывъ уполномочены единственно для заключенія съ Польшею мира и не имѣвъ, по содержанію даннаго имъ отъ Государя наказа, никакого повода входить въ такіе рѣшительные о судьбѣ двухъ Государствъ переговоры, отреклись отъ всякаго объясненія по симъ статьямъ и, совсѣмъ отринувъ ихъ, на другой же день отослали

подлинникъ къ Польскимъ полномочнымъ, съ выговоромъ за неисправности въ оном Царскихъ титуловъ.

Слѣдствіемъ недовѣрчивости, съ какою Бояре приняли сіи предложенія, было то, что съ Польской стороны уже не возобновляли ихъ. При тогдашнемъ невыгодномъ въ Россіи мнѣніи о политикѣ Польской, всякое сближеніе съ сею Державою наводило подозрѣніе, и самый полезный совѣтъ Владислава не могъ быть принятъ за благо.

VI.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ВИЛЕНСКИМЪ ДОГОВОРОМЪ, ОТЪ ВЕЛИКИХЪ И ПОЛНОМОЧНЫХЪ ПОЛЬСКИХЪ, ПРИ ПОСРЕДСТВѢ ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛОВЪ, УТВЕРЖДЕННОЕ.

Правленіе Короля Іоанна Казимира ознаменовалось безпрерывными и неукротимыми возмущеніями Козаковъ. Гетманъ ихъ, Богданъ Хмѣльницкій, мстившій Вельможамъ за личныя свои обиды и за притѣсненіе Католиками исповѣдующихъ вѣру Греко-Россійскую, такъ опустошилъ Польскія владѣнія, предавая все встрѣчающееся ему на пути огню и мечу, что прозванъ былъ *новымъ Тамерланомъ*. Не ожидая и себѣ пощады, онъ прибѣгнулъ подъ защиту единовѣрнаго Самодержца Царя Алексѣя Михайловича, и 1654 года Января 6 торжественно вступилъ въ вѣчное подданство Россіи со всею Малороссіею. 1654.

Война съ Польшею была неминуемымъ слѣдствіемъ сего пріобрѣтенія. Россійское войско, подъ предводительствомъ самаго Государя, двинулось къ Украйнѣ и Литвѣ, и на пути своемъ покорило города: Дорогобужъ, Бѣлую, Невль, Полоцкъ, Рославль, Могилевъ, Смоленскъ, Кричевъ, Мстиславль, Мозырь, Гомель и Витебскъ. При такихъ быстрыхъ успѣхахъ Царскаго оружія многіе Поляки и Литовцы сами уже искали случая добровольно поддаться Россіи.

1655. Съ начатіемъ 1655 года, бѣдствія Королевства Польскаго усугубились. Шведскій Король, Карлъ XI, объявилъ войну Іоанну Казимиру, и лишь только вступилъ въ Великую Польщу, то Шляхетство Познанское, собравшееся въ числѣ пятнадцати тысячь, сдалось ему. Потомъ овладѣлъ онъ Варшавою, Краковомъ, наконецъ и Курфирстъ Бранденбургскій присоединился къ Шведамъ. Тогда уже все войско Польское, подъ командою полнаго коронаго Гетмана Ланцкронскаго, поддалось Карлу и присягнуло ему въ вѣрности со всѣми военачальниками.

Съ другой стороны, въ тожъ самое время, Царь Алексѣй Михайловичь завоевалъ Вильну и покорилъ все Великое Княжество Литовское (*). Король Польскій между тѣмъ скрывался въ Силезіи и принужденъ былъ прибѣгнуть къ духовному средству, поручивъ Королевство свое въ опеку Матери Божіей, провозглашенной тогда *Королевою Польскою.*

Еслибы Обладатель Россіи не удержалъ въ сіе время побѣдоноснаго своего оружія, то бѣдствующая Польша дошла бы до конечнаго разрушенія, и вся безъ остатка раздѣленабъ была между воюющими Державами. Великое Княжество Литовское осталось бы за Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; воеводства Познанское, Калишское, Ленчинское и Сирадское уступлены уже были Шведами Курфирсту Бранденбургскому; остальная же часть Польши неминуемо бы поступила въ раз-

(*) Въ продолженіи двухлѣтней съ Польшею войны двадцать шесть городовъ добровольно покорились Россійскому оружію, а шестьдесятъ восемь были завоеваны.

дѣлъ Цесарю Фердинанду III. съ Королемъ Карломъ X, по прикосновенности къ границамъ каждаго. Ибо Австрійскій Дворъ хотя и принималъ на щотъ разъ сторону Польши; но, обнаруживъ уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ намѣреніе свое присоединить къ владѣніямъ своимъ Чермную Россію, никакъ бы не пропустилъ столь удобнаго случая увеличить владѣнія свои.

Существованіе Польши въ сію эпоху зависѣло единственно отъ того, къ которой сторонѣ преклонится Россія. Гибель ея и избавленіе она содержала въ рукѣ своей; одно только предложеніе Царю Алексѣю Михайловичу Короны Польской спасло сіе Королевство отъ уничтоженія. Злополучный Король, Янъ Казимиръ, утрашившій могущество и славу своихъ предмѣстниковъ, будучи бездѣтенъ, принялъ намѣреніе отречься отъ Престола и считалъ себя обязаннымъ предназначить присебѣ преемникомъ Россійскаго Государя, который сей способъ примиренія предпочелъ войнѣ кровопролитной; ибо онъ видѣлъ ясно, что тогда спасеніе Королевства

Польскаго зависѣло единственно отъ принятія сихъ мѣръ, и что будущая судьба онаго могла улучшиться токмо отъ неразрывнаго сопряженія съ Россіею.

Въ слѣдствіе чего присланные отъ Цесаря Фердинанда III для примиренія съ Польшею Послы Алгаретъ де Аллегретесъ и Ятанъ фонъ Лорбахъ, болѣе десяти мѣсяцевъ безполезно въ Москвѣ жившіе, отправились въ качествѣ посредниковъ на съѣздъ въ Вильну, куда поѣхали 1656.
съ ними и Россійскіе полномочные: Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Астраханскій Князь Никита Ивановичь Одоевскій, двое Окольничихъ: Намѣстникъ Алатарскій Василій Александровичь Чоглоковъ и Намѣстникъ Рязанскій Князь Иванъ Ивановичь Лобановъ-Ростовскій и Дьяки: Герасимъ Семеновъ Доктуровъ и Ефимъ Юрьевъ. Августа 12 съѣхались они въ двухъ верстахъ отъ Вильны съ ожидавшими уже ихъ тамъ Польскими Послами: Яномъ Казимиромъ Красинскимъ, воеводою Плоцкимъ; Христопомъ Завишею, Маршалкомъ Литовскимъ, Старостою Минскимъ; Яномъ Довгало-

Завитею, номинатъ-Бискупомъ Виленскимъ; Кипріаномъ Бростовскимъ; Референдаремъ Литовскимъ, и Станиславомъ Сарбіевскимъ, Старостою Грабовицкимъ. Первая конференція началась жаркими спорами. Поляки винили Русскихъ, а Русскіе Поляковъ въ нарушеніи мирнаго постановленія; нагрубивъ же довольно другъ другу и объяснивъ взаимно свои негодованія, они приступили къ дѣлу.

Когда Россійскіе полномочные припомянули Польскимъ о избраніи Царя Алексѣя Михайловича въ Короли: то Поляки отозвались, будто не имѣютъ права вступать о томъ въ переговоры; но, обославшись съ Іоанномъ Казимиромъ и получа на сіе Королевское полномочіе, возобновили 10 Октября конференціи. Прежде всего потребовали они письменнаго объявленія: на какихъ условіяхъ Россійскій Государь желаетъ обладать Престоломъ Польскимъ? — и безотговорочно приняли оное.

Сіе объявленіе состояло въ слѣдующихъ пятнадцати статьяхъ: 1) Объявить Королемъ Польскимъ

и Великимъ Княземъ Литовскимъ Царя Алексѣя Михайловича при жизни владѣющаго Короля Іоанна Казимира; подтвердить сіе избраніе генеральнымъ Сеймомъ; и внесть въ конституцію съ тѣмъ, чтобъ по кончинѣ Королевской никто уже, кромѣ Его Царскаго Величества, въ Короли избираемъ и предлагаемъ не былъ. 2) При жизни Королевской Россійскому Государю не вступать въ правленіе не только Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, но и всѣхъ принадлежащихъ къ онымъ земель, выключая изъ того Украйну, сосподавшую уже въ Россійскомъ подданствѣ со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, съ городами и областями, также и земли Бѣлорусскія, по договору въ Россійскую сторону поступающія. 3) Вѣрѣ Греко-Россійскаго исповѣданія и всякаго духовнаго и мірскаго чина людямъ, церквамъ и монастырямъ остаться при прежнихъ своихъ вольностяхъ, маетностяхъ и урядахъ, и все отнятое возвратить: Римской же вѣры и привилегій, данныхъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, новоизбранному Государю ни въ чемъ не на-

рушать, но объ искорененіи Уніи предложить на будущемъ Сеймѣ. 4) По кончинѣ Королевской, короноваться Царю въ Польшѣ по древнему обряду; а передъ коронаціею своею подписать ему обыкновенную договорную съ Рѣчью Посполитою Грамоту, исключивъ покмо изъ оной предосудительныя о вѣрѣ Греческаго исповѣданія статьи. 5) Россійскому Государю содержать свою вѣру и при Дворахъ своихъ, какъ въ Польшѣ, такъ и Литвѣ, имѣть церкви Греческаго исповѣданія. 6) По вступленіи на Польскій Престолъ, владѣть Государю въ Польшѣ и Литвѣ своею Особою, не установляя Вицероевъ или Намѣстниковъ. 7) Съ которыми Государствами Рѣчь Посполитая нынѣ въ мирѣ и согласіи, съ тѣми и ему подтвердить вѣчную дружбу. 8) Противъ непріятелей Россійскому и Польскому Государствамъ стоять общими силами, а особливо противъ Шведскаго Короля и Курфирста Брандебургскаго. 9) Безъ общаго согласія и сношенія отнюдь не заключать мира съ Швеціею. 10) Въ Грамотахъ титулы Царскіе и Королевскіе писать такъ, какъ въ на-

чалѣ сего договора, будутъ оные изображены; а о будущихъ пунктахъ, по вступленіи на Польскій Престолъ Россійскаго Государя, учинить на Сеймѣ опредѣленіе. 11) Отторженныя отъ Польши земли, особливожъ Лифляндію, всѣми силами стараться Россійскому Государю присовокупить къ Королевству Польскому, изъемля изъ того тѣ города, коими издревле Великіе Россійскіе Князья владѣли; а между тѣмъ всѣ земли до Двины рѣки по Курляндской сторонѣ отдать въ Польскую сторону. 12) Взятые Россійскими войсками въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ военные снаряды, привилегіи, акты, судебныя книги и прочія приказныя дѣла всѣ возвратить, куда слѣдуютъ. 13) Военноплѣнныхъ всякаго чина, званія и пола людей отпустить, по желанію ихъ, съ честію. 14) Съ Крымскими Татарами миръ обоимъ Государямъ сохранять; а въ случаѣ нападенія отъ Крымскаго Хана, воевать противъ него общими силами. 15) Всѣ вышепомянутыя статьи, какъ Государю и Боярамъ, такъ и Польскому Королю съ Вельможа-

ми, присягою утвердить и на будущемъ Сеймѣ внесть въ конституцію.

На все сіе Польскіе полномочные сначала соглашались, потомъ стали упорствовать и прекословить тому, чтобъ Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всею Малороссіею и Бѣлорусскія по рѣку Березу земли оспались вѣчно за Россіею. При каждомъ съѣздѣ сія статья возбуждала шумъ и отводила ихъ отъ окончательности главнаго предмета. Наконецъ, не могши преодолѣть своей запальчивости, Польскіе полномочные отказались продолжать переговоры и готовились уже къ отъѣзду; но, бывъ удержаны посредствующими Цесарскими Послами, заключили 3 Ноября съ Россіею договоръ и условились, чтобъ, для окончательнаго постановленія о избраніи Россійскаго Государя на Престолъ Польскій, отправлено было отъ Царя полномочное на Сеймъ посольство; а до того времени военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ прекратить; съ общими непріятелями, Королемъ Шведскимъ и Курфирстомъ Брандебургскимъ, если онъ

не отстанетъ отъ Шведовъ, производить союзную войну и одной сторонѣ безъ согласія другой не мирится. Польскіе Послы, приложивъ къ сему договору руки свои и печати, размѣнялись экземплярами онаго и отправили съ извѣстіемъ о томъ къ Царю Алексѣю Михайловичу посланца своего Подчашія Полоцкаго и Дворянина Королевскаго Яна Корсака, который, будучи допущенъ Ноября 20 на аудіенцію къ Государю, въ Смоленскѣ тогда находившемуся, именовалъ его *обраннымъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ* и подтвердилъ, что Польскіе полномочные Послы, именемъ всей Рѣчи Посполитой, чрезъ него торжественно изъявляютъ Обладателю Россіи вѣрное и ненарушимое ихъ подданство.

При самомъ еще началѣ происходившихъ подъ Вильною переговоровъ, Царь обратилъ уже свое оружіе противъ Шведовъ и овладѣлъ въ Лифляндіи городами: Динабургомъ, Кокенгаузеномъ, Нейгаузеномъ, Венденомъ и Дерптомъ. Когдажъ онъ возвратился изъ Лифляндіи

въ Полоцкъ: — то, получа отъ полномочныхъ своихъ извѣстіе о подписаніи Виленскаго договора, возвѣстилъ о семъ радостномъ происшествіи Боярамъ, Москвою управлявшимъ, и приказалъ имъ, чтобъ они, созвавъ въ Соборную церковь дворянъ, Стрѣлецкихъ головъ, гостей, приказныхъ, торговыхъ и посадскихъ людей, объявили имъ, что на съѣздѣ подъ Вильною Онъ избранъ преемникомъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, и отправили бы въ Соборной церкви благодарственное молебствіе.

1657. Пріѣхавшіе въ Мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1657 года Польскіе посланники, Владиславъ Комаръ, Судья Ошмянскій, и Секретарь Валеріанъ Пучевскій съ извиненіемъ отъ Короля въ несозывѣ Сейма Варшавскаго, донесли Царю Алексѣю Михайловичу, что на бывшей въ Калишѣ генеральной Радѣ вся Рѣчь Посполитая безпрекословно подтвердила избраніе Его на Престолъ Польскій въ силу Виленскаго договора, и что отлагательство въ собраніи генеральнаго Сейма не должно подавать

Государю никакого повода къ сомнѣнію.

Бѣдствовавшій въ Данцигѣ Іоаннъ Казимиръ, послѣ отъѣзда Карла X въ Швецію, прибылъ въ Ченстоховъ и, созвавъ тамъ частный Сеймъ, предложилъ оному, по силѣ Виленскаго договора, избрать Россійскаго Государя въ преемники Короны Польской. Всѣ присутствовавшіе безпрекословно изъявили тогда желаніе не иному кому, по смерти Королевской, ввѣрить бразды правленія, какъ Царю Алексѣю Михайловичу, который, изобилуя богатствомъ, имѣвъ храбрыя войска, яко ближайшій сосѣдъ и Владѣтель сильнѣйшій, не токмо защититъ Государство отъ всѣхъ нападающихъ, но и завоеванное имъ Литовское Великое Княжество безъ кровопролитія возвратитъ и содѣлается чрезъ то спасителемъ погибающаго Королевства Польскаго. Согласно съ тѣмъ разсуждали и въ Брестѣ-Литовскомъ на Сеймѣ 6 Марта, при Гетманѣ Сапѣгѣ бывшемъ. — Въ слѣдствіе сихъ постановленій Король назначилъ быть и генеральному Сейму въ Брестѣ 18 Мая; но Брестомъ овладѣли Шве-

ды, а потому и назначенный тамъ Сеймъ не могъ состояться.

Между тѣмъ Король Польскій заключилъ Іюля 18 съ Датскимъ Фридерикомъ III оборонительный противъ Швеціи союзъ, а вскорѣ потомъ и съ Курфирстомъ Брандебургскимъ примирился; съ помощію же Австрійскихъ войскъ выгналъ изъ Кракова Шведскаго Генерала Вирца, наконецъ избавился отъ Седмиградскаго Князя Ракоція и 17 Сентября вошелъ въ Варшаву.

1658. День отъ дня болѣе ободряемые своими успѣхами, Поляки не столь уже охотными являлись къ избранію въ Короли Россійскаго Царя, и противоположности тому яснѣе начали обнаруживаться. — Трактатомъ, заключеннымъ съ Императоромъ Фердинандомъ III и подтвержденнымъ отъ преемника его Леопольда, обѣщали они за помощь противъ Швеціи избрать себѣ Короля изъ Дому Австрійскаго. Королева Марія упрочивала Королевство Князю Конде; но въ самое тоже время ѣздила въ Берлинъ къ Курфирсту Фридерику Вильгельму и, для скло-

нения его къ союзу, предлагала Польскую Корону сыну его. На сіе предложеніе Курфирстъ отвѣчалъ Королевѣ, „что Королевство, гдѣ Государь, будучи стѣснень въ своей власти, не можетъ самъ себѣ сдѣлать добра, не приманчиво для него". — Между тѣмъ начались тайныя отъ Вельможъ ухищренія для возмущенія Казаковъ. Хмѣльницкому обѣщано было потомственно удѣльное Княжество, а Полковникамъ Старосства. Сею необстоятельностію въ политикѣ располагала частная корысть и оставляла народъ Польскій въ неизвѣстности о судьбѣ своей. Затѣйливыя партіи колебали умы, не останавливая ни на чемъ рѣшимости. Многіе изъ Коронныхъ Вельможъ Польскихъ предпочитали избрать себѣ Короля изъ Дому Австрійскаго, потому только, что маетности ихъ были ближе къ Цесарскимъ границамъ; а Литовскіе Магнаты желали имѣть своимъ Обладателемъ Государя Россійскаго потому, что Великое Княжество ихъ дѣйствительно уже состояло подъ Державою Царскою, и всѣ помѣстья ихъ находились въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Король Іоаннъ Казимиръ не

имѣлъ твердости духа поступать по своей собственной волѣ и, отъ разнообразности внушаемыхъ ему къ пользѣ Государства видовъ, допускалъ дѣйствовать нелѣпымъ замысламъ своекорыстія. Несбыточное обѣщаніе Польскаго Престола въ одно время Россійскому и Австрійскому Государямъ угрожало ему новою войною отъ недовольной стороны; а противоборствіе Коронныхъ Вельможъ въ выборѣ Королемъ Царя невозвратно отторгало отъ Польши Литву; чрезъ удовлетвореніе же желанію Литовцевъ подверглось бы Государство и раздѣлу и междоусобію.

Колеблемый нерѣшимостію своею, Король Іоаннъ Казимиръ два года безпрерывно извинялся предъ Царемъ въ несозывѣ генеральнаго Сейма то моровымъ повѣтріемъ, то Посполитымъ рушеньемъ, то нападеніемъ непріятелей, и при всякомъ случаѣ клятвенно увѣрялъ въ соблюденіи Виленскаго договора о избраніи Россійскаго Государя въ Короли Польскіе. Но какъ только начался въ Варшавѣ созывательный Сеймъ, то на предложенный во-

просъ: кого по смерти Королевской объявить преемникомъ Польскаго Престола? Краковскій Архіепископъ Любомирскій подалъ голосъ въ пользу Шведскаго Короля Карла X, и ко мнѣнію его присталн многіе свѣтскіе и духовные Коронные Сенаторы; а Литовскій Канцлеръ Пацъ и Бискупъ Виленскій Глѣбовичъ, съ неукротимою дерзостію, возопіяли противъ властительства Царскаго и опредѣлили требовать у Россіи завоеванныхъ ею земель. Самъ Король перестадъ помышлять о обязательствахъ своихъ съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и, въ выборѣ преемника по себѣ, преклонялся иногда по единоплеменству на Шведскую, а иногда по настоянію Королевы своей на Французскую сторону. Наконецъ изданнымъ 17 Сентября Универсаломъ явно открылъ онъ таившуюся ненависть къ Россійскому Государю и, возбуждая своихъ подданныхъ принять противъ него оружіе, приказывалъ имъ спѣшить въ Литву на помощь къ Гетманамъ Сапѣгѣ и Госѣвскому. Не могши поколебать вѣрности Хмѣльницкаго, онъ успѣлъ обольстить поступив-

шаго на мѣсто его Гетмана Ивана Выговскаго и довесть до того, что онъ измѣнилъ Царю и передался Польшѣ. Октября 11, Литовскій Гетманъ Госѣвскій, напавъ нечаянно на обозъ Боярина Князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, подалъ чрезъ то поводъ и Россіи къ началію непріятельскихъ дѣйствій, болѣе семи лѣтъ взаимно продолжавшихся.

1659. Незадолго до явнаго между обоими Государствами разрыва на Сеймѣ, въ Іюнѣ 1659 года бывшемъ, прежній приговоръ о предоставленіи Короны Польской Царю Алексѣю Михайловичу былъ уничтоженъ, подъ предлогомъ неудобности управленія и Россіею и Польшею вмѣстѣ; а опредѣлено просить его, чтобъ, въ случаѣ Королевской смерти, онъ отпустилъ на Королевство сына своего, Царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ семъ опредѣленіи о Царевичѣ изъяснено было, что онъ, будучи еще въ юныхъ лѣтахъ, легко привыкнетъ къ нравамъ Польскаго народа и удобнѣе научится охранять права его и вольности.

VII.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ ЦАРЕВИЧУ АЛЕКСѢЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ, ПРИ ОТРЕЧЕНІИ КОРОЛЯ ІОАННА КАЗИМИРА.

Когда взаимная вражда между Россіею и Польшею прекратилась заключеннымъ 30 Января 1667 года въ деревнѣ Андрусовѣ на пятнадцать лѣтъ перемиріемъ, и когда Король Янъ Казимиръ предварительно возвѣстилъ Государственнымъ Чиновникамъ о непремѣнномъ своемъ намѣреніи отказаться отъ правленія, то народное желаніе избрать на Польскій Престолъ Царевича Алексѣя Алексѣевича обнаружилось во всей силѣ. Нѣкоторые изъ Польскихъ Вельможъ, а болѣе прочихъ Великій Канцлеръ Литовскій, Христофоръ Пацъ, убѣждали Государя прислать безотлагательно на избирательный Сеймъ съ достаточнымъ для сего полномочіемъ Россійскихъ Пословъ; 1667.

но Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ордынъ-Нащокинъ, опасаясь, чтобъ Поляки, подъ предлогомъ Царевичева избранія, не ослабили силы выгоднаго для Россіи Андрусовскаго перемирнаго постановленія и чтобъ не потребовали назадъ Смоленска, Чернигова и уступленныхъ Польшею осмидесяти шести городовъ, отсовѣтывалъ Царю подаваться на сіи предложенія и убѣждалъ его къ тому сими словами: „Нѣтъ никакой нужды ѣхать „на Сеймъ; ибо чрезъ ту поѣздку „вѣчнаго мира тамъ не пріобрѣсть, „а до избранія Царевича въ Короли дѣ„ло къ совершенію не дойдетъ; толь„ко всему прежнему утвержденію „конечное нарушеніе послѣдуетъ. „Вдаватися, Государь, въ избраніе „страшно и мыслить, сколько изъ „Великой Россіи Королевству Поль„скому будетъ дать. Въ Польшу „ѣхать мнѣ Посломъ не на утвер„жденіе, а на разрушеніе мира. Ко„рону Польскую, Государь, переку„пать, какъ товаръ, другіе.“ Въ доказательство трудностей, предстоявшихъ избранію на Престолъ Царевича, осторожный Бояринъ На-

щокинъ препроводилъ къ Государю полученныя имъ отъ Сенаторовъ десять Статей, на основаніи которыхъ предлагали они Корону Польскую Царевичу Алексѣю Алексѣевичу. Содержаніе оныхъ было слѣдующее: 1) Если Царь соизволяетъ Королевство Польское которому-либо изъ сыновей своихъ упрочить, то даровалъ бы Полякамъ старшаго, чтобы могъ управить Государствомъ. 2) Царевичъ не можетъ быть Королемъ иначе, какъ принявъ при коронованіи Римское вѣроисповѣданіе. 3) Унію дозволить, по силѣ отзыва о томъ Греческихъ Патріарховъ. 4) Избранному въ Короли Царевичу надлежитъ отказаться навсегда отъ наслѣдственной Россійской Короны. 5) Всѣ завоеванныя Царемъ, родителемъ его, въ Польшѣ и Литвѣ области возвратить. 6) Содержать вѣчный союзъ обоимъ Государствамъ противъ всѣхъ непріятелей. 7) Войскамъ Коронному и Литовскому для пріятства подарить три милліона рублей. 8) Всѣ долги предмѣстника своего Короля Іоанна Казимира оплатить. 9) Могущимъ способствовать избранію Арцы-Бискупамъ, Бискупамъ,

Воеводамъ Кіевскому, Черниговскому, Иновроцлавскому, Гетманамъ Коронному и Литовскому, Печатникамъ, а наипаче Маршалкамъ, Урядникамъ и Полковникамъ воздать значительную благодарность денежную, чтобъ имъ было чѣмъ дарить и задобривать другихъ. 10) Поелику Шведскій Король, опасаясь лишиться Лифляндіи, и Курфирстъ Брандебургскій Пруссіи, заключили между собою тайно Царевичева избранія тайный союзъ, а Король Французскій намѣревается располагать Короною Польскою по своему соизволенію, то, въ случаѣ явныхъ противоположностей, необходимо будетъ отражать ихъ вооруженною рукою и приготовить для сего два Россійскія ополченія, одно близъ Шведской Лифляндіи, а другое подъ Кіевомъ на сей сторонѣ Днѣпра.

1668. Наконецъ Король Іоаннъ Казиміръ собранному въ Варшавѣ 18 Августа 1668 года Сейму формально объявилъ, что изнуренныя его силы и самая совѣсть не дозволяютъ ему болѣе правительствовать. Разрѣшивъ своихъ подданныхъ отъ присяги, Сентября 6 онъ торжествен-

но сложилъ съ себя Польскую Корону, и отдавъ на произволъ Рѣчи Посполитой избраніе новаго Короля, удалился во Францію, облекся въ монашескую одежду и получилъ тамъ отъ Людовика XIV въ управленіе Сенпъ-Жерменское Аббатство.

За шесть еще лѣтъ предъ симъ Іоаннъ Казимиръ убѣждалъ своихъ подданныхъ избрать преемника ему и въ рѣчи своей на Сеймѣ предсказалъ имъ будущую судьбу Польши. »Безъ сего избранія, произнесъ онъ, »Рѣчь Посполитая доведетъ себя »до расхищенія отъ всѣхъ народовъ. »Москва попановитъ себѣ Великое »Княжество Литовское; Брандеубургскому дому отворено будетъ »порубежье Велико-Польское; Ав»стрія не выпуститъ изъ рукъ сво»ихъ Кракова, и каждый изъ сосѣдей »захочетъ овладѣть ближайшею ча»стію Польши по праву завоеванія.« Несбыточнымъ казалось тогда для Поляковъ пророчество Короля ихъ; но все почти точь въ точь сбылось въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ первымъ извѣстіемъ объ отреченіи Королевскомъ Канцлеръ Пацъ отправилъ къ Управляющему ино-

странными въ Россіи дѣлами Боярину Нащокину нарочнаго, требуя отъ него, именемъ Вельможъ, рѣшительнаго отвѣта, согласится ли Царь отпустить на Королевство Польское старшаго своего Царевича, на тѣхъ условіяхъ, которыя къ нему незадолго предъ тѣмъ отправлены были. Нащокинъ отвѣтствовалъ на сіе: „что Государь избраніе Короля положилъ на волю Всемогущаго; какъ Онъ восхощетъ, такъ и сотворитъ, и кто на Королевство Польское Государемъ выбранъ будетъ, того Царское Величество, равно какъ изъ сыновъ своихъ Государей Царевичей, за брата имѣти будетъ.“

Примасъ Пражновскій призывалъ къ себѣ находившагося въ Варшавѣ Россійскаго гонца Лаврецкаго и, разспросивъ его о лѣтахъ и о здоровьи Царевича Алексѣя Алексѣевича, примолвилъ: „Королевство Поль„ское нынѣ вдовствуетъ; а Государь „вашъ не хотѣлъ ли бы ту пре„красную вдовицу поятии сыну свое„му?“ — При проѣздѣ Лаврецкаго чрезъ Вильну, сильнѣйшія внушенія были ему отъ многихъ Сенаторовъ. Они всѣ изъявляли свое удивленіе,

что Царь, знавъ о близкомъ срокѣ избирательнаго Сейма, не соизволяетъ объявить желанія своего Рѣчи Посполитой и ни къ кому изъ нихъ не пишетъ о избраніи въ Короли Польскіе Царевича Алексѣя Алексѣевича, тогда какъ другіе Государи, а особливо Король Французскій и Принцы Нейбургскій и Лотарингскій, многихъ уже Сенаторовъ склонили на свою сторону, прокладывая себѣ дорогу къ Престолу тайно и явно, силою и лаской. Литовскіе Вельможи поручили Россійскому гонцу удостовѣрить Государя, что Литва едва не вся преклонна къ нему, а изъ Коронныхъ нѣкоторые; войско же все, какъ Коронное, такъ и Литовское, единодушно желаетъ видѣть на Царевичѣ Корону Польскую, и въ росписи Кандидатовъ онъ написанъ первымъ. Великій Гетманъ Литовскій, Михаилъ Пацъ, болѣе всѣхъ радѣвшій Россіи, сказалъ Лаврецкому: „Ежели бы мы „могли вѣдать, хотя духомъ свя„тымъ, что Государь вашъ пово„литъ сына своего: и мы бы на эдек„ціи явно, при доброй отъ Царска„го Величества надеждѣ, говорили и „противную сторону хотя лаской,

„хотя и другими всякими мѣрами „во единомыслiе, за помощiю Божi„ею, приводили.“ Всѣ они наказали донесть Государю, чтобъ изволилъ Онъ, какъ можно скорѣе, прислать на избирательный Сеймъ своихъ полномочныхъ. Напротивъ того Царь Алексѣй Михайловичъ ожидалъ, чтобъ сами Поляки просили его о принятiи Короны Польской; хотя онъ и зналъ, что такое предложенiе было бы вопреки постановленiямъ ихъ; но уповалъ, что рѣшатся пожертвовать симъ обрядомъ благу общеспвенному.

1669. На избирательномъ Варшавскомъ Сеймѣ, начавшемся 2 Мая, между главными Кандидатами предложены были: Императоръ Леопольдъ, Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, Герцогъ Лотарингскiй, Принцъ Конде, Князь Нейбургскiй Филиппъ Вильгельмъ и Курфирспъ Брандебургскiй. Каждый изъ нихъ въ свою очередь опвергаемъ былъ опъ Вельможъ и опъ повѣповыхъ Маршалковъ, и словесно и письменно.

О Царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ разсуждали, что онъ заслужи-

ваетъ предпочтеніе предъ всѣми; ибо, соединивъ два Государства, симъ единствомъ толико усугубитъ силы Польскаго Королевства, что будетъ страшенъ не однимъ сосѣднимъ, но и отдаленнымъ Государствамъ и навѣки обезопаситъ Рѣчь Посполитую отъ враговъ ея. Младость лѣтъ Царевичевыхъ Поляки также въ свою пользу толковали: „что сей-то пти„нецъ орлій, угнѣздившись въ Дому „Ягеллоновъ, обновитъ юность бы„лаго ихъ орла.“ Но въ тоже время сами опровергали ощутительныя свои выгоды мнимыми неудобствами. Страшились они свойственной Россійскому народу предпріимчивости, строгости Самодержавнаго правленія, могущества Россіи, утраты своихъ вольностей и непримиримой за сіе избраніе злости Турковъ, Французовъ и Шведовъ. — Избрать Цесаря не хотѣли потому, что будетъ управлять Польшею чрезъ Вицероевъ своихъ, принудитъ ее участвовать въ войнѣ съ Турецкимъ Султаномъ и, при исполненіи своемъ, не подастъ ей никакой помощи. — Противъ Принца Конде вопіяли, что примѣръ бывшаго въ Польшѣ Королемъ Генриха

и развратные нравы Французскіе, при жизни Королевы Маріи заразившіе Дворъ, сдѣлали для нихъ Французовъ гнусными. — Въ предосужденіе Князю Нейбургскому поставили усильное исканіе имъ Короны Польской и многочадіе его. — Курфирста Брандебургскаго опвергли потому, что маломоченъ и родился въ Кальвинской вѣрѣ. — Одинъ только Лотарингскій Князь, Карлъ Такиноъ, пощаженъ былъ отъ подобнымъ сему укоризнъ.

Большая часть Коронныхъ Вельможъ благопріятствовала Князю Нейбургскому, а Литовцы настаивали о избраніи Россійскаго Царевича; но въ тожъ время составилась между Шляхетствомъ третія партія въ пользу Герцога Лотарингскаго. Отъ сего разногласія произошли на избирательномъ Сеймѣ такіе споры, что обратились въ буйство, и раздраженные противорѣчіями Шляхтичи стрѣляли въ Сенаторовъ изъ пистолетовъ. Для укрощенія сего своевольства, предложенъ былъ къ занятію упраздненнаго Престола воспитанный на лонѣ вольности природный Полякъ, Князь Михаилъ Корибутъ Вишне-

вецкій, и съ выборомъ его въ Короли Польскіе Іюня 9 возмущеніе ушишилось. Но избиратели не осчастливили тѣмъ отчизны своей; — скоро въ неудачномъ своемъ выборѣ раскаялись и ни о чемъ столько не заботились, какъ о низложеніи избраннаго ими. Неспособность къ правленію Короля Михаила съ первыхъ дней обнаружилась. Овладѣвшіе имъ несмысленные и неблагонамѣренные любимцы вовлекли его въ бѣдственную съ Турками войну и, доведши Польское Королевство до гибельной крайности, уговорили его заключить съ Магометомъ IV подъ Бугачемъ постыдный миръ, по силѣ котораго уступалъ онъ Порлѣ Подолію и Польскую Украйну, съ платежемъ ежегодно денежной подати. Послѣ четырехлѣтнихъ неустройствъ внутреннихъ и опасныхъ потрясеній внѣшнихъ, слабый духомъ и немощный тѣломъ, Король Михаилъ скончался во Львовѣ 30 Октября 1673, на 35 году отъ рожденія. День кончины его былъ торжественнымъ днемъ для Поляковъ: они одержали тогда при Хотинѣ знаменитую надъ Турками побѣду.

VIII.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ПОЛЬСКОЙ КОРОНЫ ЦАРЕВИЧУ ѲЕОДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПОСЛѢ КОНЧИНЫ КОРОЛЯ МИХАИЛА ВИШНЕВЕЦКАГО.

1673. Хотя и установлено было на Сеймѣ, чтобъ въ Короли Польскіе предлагаемы были токмо исповѣдающіе Римско-Каполическую вѣру; однакожъ, не смотря на то, по кончинѣ Короля Михаила, возобновились усилія благомыслящихъ Вельможъ доставить Престолъ Польскій Всероссійскому Царскому Дому. Великій Гетманъ Литовскій Михаилъ Пацъ, Воеводы: Троцкій Огинскій, Полоцкій Сапѣга, Витебскій Храповицкій, Брестскій Курчъ и Подскарбій Литовскій Кришпинъ прилагали особенное о томъ стараніе. Пребывающій въ Варшавѣ Россійскій Резидентъ, Полковникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ, былъ

свидѣтелемъ искренняго усердія, съ какимъ желали того не только многіе изъ Шляхетства, но и самая чернь провѣщала уже чаемое изъ сего избранія общее благо.

Февраля 4, 1674 года, пріѣхалъ въ Москву Польскій посланникъ Августинъ Погожево-Константиновичь, Писарь Гродскій и Мстиславскій, съ Секретаремъ Королевскимъ Львомъ Зусмановичемъ, и вручилъ, отъ имени всей Рѣчи Посполитой, Ближнему Боярину Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому и Окольничему Артамону Сергѣевичу Матвѣеву грамоты просительныя о призрѣніи осиротѣлой Польши; а въ Посольскій Приказъ подалъ онъ пять статей, ввѣренныхъ ему отъ всѣхъ Литовскихъ и нѣкоторыхъ Коронныхъ Вельможъ, о возведеніи на Польское Королевство Царевича Ѳеодора Алексѣевича. Въ предисловіи сихъ статей Вельможи, изъяснивъ съ нарочитымъ витійствомъ причины, понуждающія ихъ избрать на Польскій Престолъ Царевича Ѳеодора Алексѣевича, убѣждали Бояръ превозмочь всѣ прежде-встрѣчавшіяся избранію препоны и сблизить оный 1674.

съ возможностію для приведенія сего вожделѣннаго предпріятія въ событіе. Они подробно исчислили всѣ ожидаемыя отъ того выгоды и доказывали, что сходство языка и нравовъ народныхъ при маломъ различіи въ вѣрѣ, прикосновенность границъ, никакими естественными преградами неотдѣляемая, одинаковое сосѣдство, одни и тѣже отношенія обоихъ Государствъ къ чужеземнымъ Державамъ требуютъ нераздѣльности и совокупности ихъ; а чрезъ союзъ съ Цесаремъ содѣлаютъ Россію и Польшу стѣною непреоборимою, какъ для враговъ Креста Господня, такъ и для властолюбивыхъ замысловъ Франціи и Швеціи. Статьи условныя состояли въ томъ: 1) чтобъ Царевичъ принялъ Римско-Каѳолическую вѣру; 2) чтобъ женился на вдовствовавшей Королевѣ Маріи Элеонорѣ, сестрѣ Цесаря Римскаго; 3) чтобъ Россія возвратила Польшѣ завоеванные и по договорамъ уступленные до перемирныхъ лѣтъ города и области; 4) чтобъ вспомогала противъ Порты Оттоманской, какъ войсками, такъ и нѣсколькими милліонами рублей, и 5) чтобъ Царь

Алексѣй Михайловичь соизволилъ вскорѣ отозваться о семъ важномъ дѣлѣ письменно къ Князю Примасу и Сенаторамъ, и отправилъ быОсловъ своихъ на избирательный Сеймъ съ неограниченнымъ полномочіемъ.

На каждую изъ сихъ статей даны были съ Россійской стороны слѣдующіе рѣшительные отвѣты: на 1 ю, Царь Алексѣй Михайловичь сына своего Царевича отпустить въ Польшу не соглашается, а изволяетъ самъ принять Корону Польскую; благочестивой же Вѣры Греческаго исповѣданія не только для Королевства Польскаго, но ниже для обладанія Вселенною не перемѣнитъ. На 2 ю, поелику Царь имѣетъ супругу, то предполагаемое бракосочетаніе со вдовствующею Королевою Польскою и не можетъ состояться; въ разсужденіи чего оставитъ ей свободу располагать своею судьбою на тѣхъ договорахъ, которые въ пользу ея постановлены быть могутъ. На 3 ю, если Государь, по желанію Рѣчи Посполитой, вступитъ на Престолъ Польскій, тогда не будетъ уже никакой надобности ни возвращать завое-

ванныхъ городовъ и областей, ни раздѣлять владѣній рубежами; а права и вольности народа Польскаго сохранитъ онъ нерушимо по древнимъ узаконеніямъ; въ уряды и маетности ни самъ никогда вступаться не будетъ, нижѐ допуститъ до того, за что̀ Сенаторы Коронные и Литовскіе, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, со всею Рѣчью Посполитою обязаны будутъ при короно-ваніи его на Королевство Польское, утвердить свою вѣрность и повиновеніе къ нему торжественною присягою. На 4 ю, по восшествіи на Престолъ, обязывается Государь оборонять Польшу и Литву отъ всякихъ непріятелей Царскими своими ратными людьми, не налагая за то на Коронные и Литовскіе скарбы никакихъ податей; войска Польскія должны будутъ помогать Россійскимъ противъ общаго врага, равнымъ числомъ на собственномъ содержаніи. А поелику Царь никакихъ поборовъ, платимыхъ въ казну Королевской Экономіи, взимать не будетъ и повелитъ раздавать оные на Коронное и Литовское войска; но, уступая сей доходъ въ пользу войска и принявъ на себя защище-

ніе Королевства отъ Турковъ и Татаръ, не имѣетъ уже обязанности никакихъ сверхъ того платить милліоновъ. Разсыпать же деньги и подкупами пріобрѣтать Польское Королевство для Россійскаго Государя неприлично; ибо и безъ того обладаетъ неизмѣримымъ пространствомъ земель и множествомъ различныхъ народовъ. На 5 ю, ежели Поляки при выборѣ себѣ Короля имѣютъ главнымъ предметомъ Государственную пользу; то сами бы прежде прислали къ Россійскому Царю Пословъ своихъ съ прошеніемъ о приняти Польши въ свое владѣніе; послѣ чего и Россійское съ достаточнымъ полномочіемъ Посольство на избирательный Сеймъ отправлено будетъ.

Между тѣмъ, какъ Польскій посланникъ Погожево-Конспантиновичь поѣхалъ обратно съ сими отвѣтными статьями изъ Москвы, Резидентъ Тяпкинъ писалъ къ Государю, что Вельможи и дворянство безотступно домогаются отъ него подлиннаго извѣстія: будетъ ли отпущенъ Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичь на Польское Королевство, и

просилъ снабдить его предписаніемъ, что̀ на сіи вопрошенія отвѣтствовать и какія мѣры предпринимать ему въ дѣлѣ сполъ гласномъ. — Въ руководство Резиденту Тяпкину посланы были тѣжъ самыя отвѣтныя статьи, которыя даны были на предложенія посланника Погожево.

Тяпкинъ, получа ихъ, показывалъ Примасу Князю Чарторискому, Гетману Пацу, Коронному Подканцлеру Бискупу Ольшевскому и другимъ Вельможамъ. Пацъ, прочитавъ оныя, сказалъ, что Греческое вѣроисповѣданіе Россійскаго Государя послужитъ главнымъ препятствіемъ къ избранію на Престолъ Польскій, да и Королеву безъ супружества оставить неможно. Примасъ объявилъ Резиденту, что для соблюденія порядка надлежало бы доставить сіи статьи чрезъ Россійскихъ полномочныхъ Пословъ въ Рыцарское Коло, что со стороны вѣры воспослѣдуетъ на Сеймѣ важное запрудненіе, и что пребываніе Государя въ Россіи также помѣшаетъ избрать Его. Онъ примолвилъ къ тому, что всего бы лучше,

еслибъ Государь согласился на избраніе Царевича. Коронный Подканцлеръ учтиво отозвался, что всѣмъ пріятно слышать соизволеніе Царское быть у нихъ Королемъ; но ему, какъ духовной особѣ, приступить къ дѣлу сему для разновѣрія и для Королевы, въ безбрачіи остающейся, непристойно.

Не одни только Литовскіе, но и Коронные Вельможи, ожидали присылки на Сеймъ Россійскихъ Пословъ, съ объявленіемъ Царскаго согласія на избраніе Царевича, и готовы были утвердить сей выборъ. Гетманъ Пацъ вшайнѣ далъ знать Резиденту Тялкину, что еслибъ Царь согласился на желаемое всѣми избраніе сына Его, тобъ въ одинъ часъ все рѣшилось, и даже въ самой вѣрѣ сдѣлано бы было снисхожденіе.

Всѣ сіи убѣжденія не поколебали твердыхъ правилъ Царя Алексѣя Михайловича. Вразумляя Поляковъ, что не Королевство ему, а онъ Королевству доставитъ счастіе, Обладатель Россіи проницалъ въ будущее и ясно видѣлъ, что прочное благоденствіе Польши и самая цѣлость зависятъ единственно отъ со-

единенія ея съ Россіею, и что не по случайному стеченію обстоятельствъ, но по очевиднымъ послѣдствіямъ Польскаго правленія, сіе когда-либо исполнится. Не постиглобъ столько бѣдствій Польшу, еслибъ она присоединилась когда къ Россіи.

Хитрость искателей Короны Польской всегда торжествовала надъ истинною пользою Государства. Мая 5 въѣхалъ торжественно въ Варшаву Коронный Великій Гетманъ Янъ Собіескій со многочисленнымъ, вооруженнымъ на коняхъ Шляхетствомъ и, расположа преданныя ему войска близъ сей Столицы, облегъ Краковъ, гдѣ хранилась Королевская Корона. Величавостію своею и одержанною незадолго предъ симъ побѣдою надъ Турками, онъ обратилъ на себя вниманіе избирателей. Не могши преодолѣть явную преклонность Литовцевъ къ Россіи, Собіескій научилъ новѣховыхъ Пословъ Подольскаго и Волынскаго предложить на Сеймѣ жалобу противъ военачальниковъ Россійскихъ, будтобы они присоединяютъ къ Украйнѣ принадлежащіе Польшѣ горо-

да и разсылаютъ по всему Подолью и Волыни универсалы съ самовластнымъ повелѣніемъ крестьянамъ привозить къ нимъ всякой запасъ. Подущенные Послы сряду два дни шумно твердили о томъ на Сеймѣ, успѣли чрезъ сіе нареканіе убавить цѣну дѣятельнаго вспоможенія, оказаннаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Польшѣ при нашествіи Турковъ; навели подозрѣніе на доброжелательство его, поколебали приверженныхъ къ нему Вельможъ и Шляхетство и заставили ихъ отступить отъ настоянія своего. Пристрастіе заглушало всякое опроверженіе. Многіе изъ Вельможъ Литовскихъ тогдажъ разъѣхались по домамъ. Сильная партія рѣшилась, не смотря ни на что, избрать Собіескаго, — и 11 Мая онъ провозглашенъ былъ Королемъ Польскимъ подъ именемъ Яна III.

Избраніемъ его въ Короли вся Литва осталась крайне недовольною. Большая часть повѣтовъ почитала вступленіе его на Польскій Престолъ насильственнымъ; ибо при созывномъ Сеймѣ на словѣ положено было не избирать Піаста. Привез-

шій въ Вильну извѣстіе о избраніи Яна III посолъ Брянскаго повѣта изрубленъ былъ въ куски, за то, что согласился на сіе и не остановилъ Сеймоваго приговора; другіе Маршалки, опасаясь такой же участи, долго не смѣли показаться въ свои повѣты. Преогорченные Литовцы просили Царя Алексѣя Михайловича, чтобъ онъ, утвердивъ ихъ въ подданствѣ Россіи, позволилъ сыну своему Царевичу Ѳеодору Алексѣевичу быть надъ всею Литвою и Украйною Удѣльнымъ Великимъ Княземъ, и пребывая въ Смоленскѣ или Кіевѣ, управлять ими и защищать ихъ отъ всякаго непріятеля. Умѣренность Царя Алексѣя Михайловича и благоразумное правленіе Короля Яна III отвратили сію смуту, которая могла бы произвесть между ими новую войну.

IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Съ сего времени Польскіе Вельможи не предлагали уже Короны Королевской Монархамъ Россійскимъ; но въ теченіе всего минувшаго вѣка годъ отъ года сильнѣе испытывали на себѣ приращеніе могущества Россіи и утрату силъ Республики своей. Трехъ Королей, управлявшихъ Польшею съ 1696 по 1795 годъ, приняла она отъ руки Царской.

Послѣ Короля Яна Собіескаго много объявилось Кандидатовъ къ занятію упразднившагося Престола; главными же изъ нихъ были трое: Королевичъ Яковъ Собіескій, Принцъ Конде и Курфирстъ Саксонскій Фридерикъ Августъ. Народная ненависть ко вдовствующей Королевѣ была причиною исключенія сына ея; Конде и Августъ выбраны были Королями, оба въ одинъ день, 17 Іюня 1697 года. Первый, получа о томъ извѣстіе, приплылъ отъ береговъ Франціи къ Данцигу; но чрезъ ходатайство Царя Петра I у Примаса и Рѣчи По-

сполитой, утвержденъ былъ выборъ Курфирста, Принцу же Конде отказано.

Когда Шведскій Король Карлъ XII возвелъ Станислава Лещинскаго на Престолъ Польскій и когда опрекшійся отъ онаго Король Фридерикъ Августъ подписалъ въ Альтъ-Раштадѣ постыдный, а вѣрному своему союзнику предосудительный трактатъ, и Министра Россійскаго Паткуля выдалъ Шведамъ на мучительную казнь: то Царь, имѣвъ на своей сторонѣ Пановъ Радъ, властенъ былъ располагать Польскою Короною. Онъ могъ возложить ее, по произволенію своему, на одного изъ двухъ искателей, Савойскаго Принца Евгенія, либо Седмиградскаго Князя Ракоція. Но Полтавскій побѣдитель, предавъ вѣчному забвенію вѣроломство Августа, вскорѣ возвратилъ ему Престолъ Польскій и принудилъ Станислава искать своего спасенія въ бѣгствѣ. Къ довершенію великодушія своего, заключеннымъ 20 Іюля 1709 года договоромъ, онъ обязался прилагать свое стараніе, чтобъ старшій сынъ Курфирстовъ, при жизни родителя своего, объявленъ былъ наслѣдникомъ Польскаго Королевства.

По кончинѣ Фридерика Августа I, Станиславъ Лещинскій, основываясь на

прежнихъ своихъ правахъ, явился въ Варшавѣ и, на избирательномъ тамъ Сеймѣ, 1 Сентября, снова нареченъ былъ Королемъ Польскимъ; но, чрезъ подкрѣпленіе Россійской Императрицы Анны Іоанновны и Цесаря Карла VI, Сеймъ Прагскій провозгласилъ Королемъ Курфирста Саксонскаго Фридерика Августа II; а Лещинскій, съ малымъ числомъ приверженцевъ своихъ, принужденъ былъ удалиться въ Данцигъ. Пять мѣсяцевъ онъ защищался тамъ отъ войскъ Россійскихъ; когдажъ окруженный ими отовсюду городъ и присланные къ нему на помощь Французскіе полки сдались, то Станиславъ съ опасностію жизни своей едва избавился отъ плѣна. Фридерикъ Августъ II утвердился послѣ того на Польскомъ Престолѣ и обладалъ онымъ около 30 лѣтъ.

Сынъ его, Курфирстъ Ксаверій, искалъ по немъ Короны Польской и получилъ бы ее, еслибъ Императрица Екатерина II и Прусскій Король Фридерикъ II тому не воспрепятствовали. На избирательномъ Сеймѣ Вельможи и Шляхетство положили за непремѣнное избрать въ Короли природнаго Поляка, и 27 Августа 1764 года избрали Графа Понятовскаго Станислава Августа

съ такимъ единодушіемъ, что въ лѣтописяхъ Польскихъ нѣтъ тому примѣра; но при немъ-то и кончилась самостоятельность Польши. Онъ пережилъ свое Государство, изглаженное тогда изъ числа Царствъ земныхъ.

Королевство Польское начало клониться къ упадку съ того времени, какъ Паны Рады, послѣ Короля Сигизмунда Августа, узаконивъ новыя ограниченія Королевской власти, ослабили цѣмъ сверхъ мѣры силу Государственную и составили правленіе свое изъ уродливаго и непрочнаго смѣшенія Монархіи съ Аристократіею и Демократіею. Конечноежъ разрушеніе сего, прежде мощнаго на Сѣверѣ Государства воспослѣдовало отъ многихъ общихъ причинъ, уничтожившихъ въ мірѣ толико Монархій; а сверхъ того и нѣкоторыя частныя происшествія тому содѣйствовали.

Отъ уничтоженія наслѣдственнаго права на Престолъ Польскій и присвоенія Шляхетствомъ власти избирать себѣ Королей произошли гибельныя для сего Королевства злоупотребленія. Поляки искали Правителей во Франціи и Германіи, и находили въ нихъ чуждые Сарматскому поколѣнію нравы, чуж-

дый языкъ, чуждыя обыкновенія и чуждыя сердца. Хотя каждый Полякъ мыслилъ быть самъ Королемъ; но часто продавалъ свою Корону богатѣйшему искателю оной, или невольно принужденъ былъ признавать Королями своими тѣхъ, кого сильнѣйшіе изъ сосѣдей назначали; отъ сего Польша сдѣлалась игралищемъ могущественнѣйшихъ Государствъ и добычею честолюбія. Во время междуцарствій, когда бурное стремленіе страстей и мятежное разномысліе не обуздывались ничьею властію, Поляки, какъ будто сами, приглашали сосѣдей вмѣшиваться въ дѣла ихъ и оканчивать оныя съ ущербомъ народной ихъ вольности.

Главную же причину всѣхъ бѣдствій, постигшихъ сіе Королевство, приписываютъ введенному съ 1652 году праву утверждать всякое законоположеніе на Сеймѣ тогда только, если не послѣдуетъ на оное ни отъ кого противорѣчія (nemine contradicente); ибо сіе вредное право давало возможность одному повѣтовому Маршалку остановить полезнѣйшее узаконеніе и отнять у онаго силу двумя словами: sisto activitatem. Когда неблагонамѣренный Шляхтичъ умышлялъ совсѣмъ разорвать Сеймъ,

по стоило ему только, по произнесеніи сихъ словъ, скрыться. Часто, такимъ образомъ, разрываемы были Сеймы съ первыхъ дней. Часто, среди сихъ совѣщаній о благѣ Отечественномъ, сверкали сабли, и невинная кровь лилась предъ лицемъ самаго правосудія. Liberum veto увлекало Поляковъ за предѣлы благоразумія и обращало въ ничто предвѣдѣніе благомыслящихъ. Оно давало болѣе власти одному дворянину, нежели сколько имѣла вся Республика.

Роскошь и бѣдность, гордость и уничиженіе, упорство и непостоянство, коварство и безразсудность ниспровергли между Поляками то добродушіе, ту правоту и умѣренность, которыми отличались предки ихъ, древніе Сарматы. Немногіе умѣли предохранить себя отъ заразы развратa. Неумѣрное порабощеніе и необузданная вольность давно спорили между собою объ уничтоженіи Польши. Дворянство нарушало безнаказанно законы, а земледѣлецъ не находилъ въ нихъ даже необходимой для себя защиты. Неуравнительность свободы между состояніями въ Республиканскомъ правленіи сдѣлала перевѣсъ на сторону насилія и произвела феодальную анархію.

Тогда какъ Жиды невозбранно пользовались отъ Рѣчи Посполитой полною свободою богослуженія своего, она немилостиво утѣсняла всѣхъ разновѣрцевъ Христіанскаго вѣроисповѣданія. Тщетно за Греческихъ Христіанъ, Люперанъ и Протестантовъ ходатайствовали и вступались Россійскіе Государи, Короли Шведскіе, Прусскіе, а потомъ Англійскіе и Датскіе. Гоненія на Диссиденповъ не укрощались, и внутреннія смятенія отъ того снова возникали: что подало сосѣднимъ Государствамъ благовидную причину для охраненія гонимыхъ единовѣрцевъ вводить въ Польшу свои войска. Когда угрозы не произвели своего дѣйствія: то, по предложенному отъ Прусскаго Короля Фридерика II двумъ Императрицамъ Екатеринѣ II и Маріи Терезіи плану, рѣшено было между сими тремя Державами раздробленіе Польши. Первый раздѣлъ воспослѣдовалъ 5 Августа 1772 года, а 13 Октября 1795 года было послѣднимъ уже днемъ для сего Королевства.

Преобразованіе Наполеономъ отнятыхъ у Пруссіи и Австріи частей въ Варшавское Герцогство было такъ скоротечно, что не воскресило Польши,

и борьба съ Судьбою повергла ее въ объятія Россіи, изведшей ее изъ уничтоженія и даровавшей ей нынѣшнее подъ именованіемъ Царства Польскаго. Если побѣды, оканчивающіяся однимъ укрощеніемъ непріятеля, увѣнчиваются славою, то сугубое геройство устроивать благоденствіе побѣжденныхъ: се побѣда надъ самою побѣдою! Такъ отмстилъ Александръ Благословенный враждебному Галлу, такъ спяжалъ Себѣ Царство Польское.

А. Малиновскій.

О СЛОВѢ ГРИВНА.

Прошли уже столѣтія, и тысячи людей произносили слово гривна, однако никто до сихъ поръ еще не истолковалъ настоящаго его значенія: — явленіе, которое съ одной стороны, судя по всему объему его, не должно показаться страннымъ, а съ другой стороны, безъ сомнѣнія, покажется тѣмъ страннѣе, чѣмъ болѣе старались открыть источникъ, изъ котораго произошло сіе слово. Посему, не распространяясь болѣе о крайней необходимости такихъ истолковательныхъ опытовъ, прогоняющихъ мракъ Исторіи и древностей (*), но предлагая суду любителей и знатоковъ Россійскихъ древностей свое мнѣніе о семъ словѣ, хотя темномъ, однакожъ вездѣ встрѣчающемся, и присовокупляя наконецъ къ разнымъ предшествовавшимъ опытамъ, совершенно новый, — я увѣренъ, что конечно никто не обвинитъ меня, буд-

(*) См. Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Ч. V, стр. 216, 217.

но я слишкомъ много взялъ на себя, или горжусь предположеніемъ, что нашелъ самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ значеній. По крайней мѣрѣ это тотъ путь, по которому мы единственно можемъ болѣе и болѣе приближаться къ истинѣ, и достигнуть цѣли, предположенной для ученыхъ разсужденій такого рода.

Слово *гривна* является на Русскомъ языкѣ въ троякомъ значеніи. Во первыхъ, называли такъ *золотую медаль, служившую знакомъ отличія*, не только для военныхъ, но и гражданскихъ и придворныхъ чиновниковъ; во вторыхъ, *ходячую монету*, которая сначала вѣсомъ серебра равна была Греческой литрѣ или фунту, но время отъ времени уменьшилась до полуфунта, а наконецъ содержала только четверть фунта, или 24 золотника (*); и въ третьихъ, *вѣсъ, равный нашему фунту* (**).

Татищевъ (***) довольно странно производитъ сіе слово отъ *гривы конской* т. е. достоинства коня, основываясь на законѣ Ярославовомъ: *княжему коню цѣна гривна.* Но я спрашиваю своихъ

(*) См. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Въ Харьковѣ, 1818 г. Ч. I, стр. 294; II, стр. 652.

(**) См. тамъ же Ч. II, стр. 699.

(***) См. тамъ же l. c.

читателей: справедливо ли, что достоинство коня можно узнать по гриве, и вероятно ли, что княжескій конь далъ первый поводъ къ названію гривны? Ежели же въ законѣ сказано, что *княжему коню цѣна гривна*, то безъ сомнѣнія слово гривна существовало уже прежде, и не было необходимости производить оное отъ слова *грива*. Позволяетъ ли далѣе здравая критика смѣшивать въ Русскомъ языкѣ по произволу слово *гривна* съ *грива*? Ежели буква *н* была бы гласною, то я, можетъ быть, и согласился бы еще на то; но такъ какъ она согласная, и опять является коренною въ уменьшительномъ имени: *гривенникъ*, то, признаюсь, весьма мудрено производить такимъ образомъ слово *гривна*, основываясь на одномъ только звукѣ, безъ всякихъ другихъ, вѣрному критику столь необходимыхъ, потребностей.

Мнѣніе нѣкотораго *Коха*, который слово: *гривна* производитъ отъ Арабскаго: *херисонъ*, т. е. *отпавшій отъ дерева листъ*, достойно одного посмѣянія (*)

(*) См. *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde von F. ADELUNG.* Petersburg. 1815, pag. 197.

2. *Николай Назарьевичъ Муравьевъ*, въ своихъ Историческихъ изслѣдованіяхъ (*), между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Это приведетъ насъ далѣе „въ древность нашего любезнаго отечества, когда торгаши Ганзейскихъ народовъ приближались чрезъ Польщу „къ предѣламъ нашимъ, въ странахъ Смоленскихъ, Новгородскихъ, и встрѣчая„ючи кочующихъ звѣролововъ, имъ вѣ„роятно прежде знакомыхъ, предла„гали имъ въ горстяхъ слитки серебра, „говоря: *гриф*, не умѣючи лучше объ„ясняться за обоюднымъ незнаніемъ вза„имныхъ языковъ, нарѣчій, впечатлѣ„вали простотѣ сихъ звѣролововъ сло„во *гривна*. Звѣроловы сіи равномѣрно „хватали въ горсть свое излишество, „звѣриныя шкуры, и такъ предлагали: „*гриф на*. Нѣмецъ къ своему *гриф* так„же приложилъ *на*, и вотъ съ обѣихъ „сторонъ *гриф на*, наконецъ *гривна*. „Первый не отдавалъ своего предложе„нія за одно взаимное предложеніе звѣро„лова, и сей удвоялъ, утроялъ, учетве„ряль свое предложеніе. Вотъ и вышли „четыре гривны кунъ за одну гривну се-

(*) *Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новагорода*, etc. С. Петербургъ 1828. стр. 18 etc. *Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Ч. II, стр. 116 и слѣд.

„ребра.“ Не смотря на важныя заслуги, которыя Г. *Муравьевъ* оказалъ Отечеству и Литературѣ, я сомнѣваюсь, чтобъ его мнѣніе могло быть принято, и увѣренъ, что онъ, желая, какъ ученый, только одной истины древнихъ историческихъ событій, охотно позволитъ мнѣ предпослать на видъ свои доводы, служащіе къ опроверженію его мнѣнія. Трудно предположить, чтобъ столь важная торговля, каковая существовала между Новгородцами и Остъ-зейскими народами, производилась такимъ глухимъ образомъ, какъ полагаетъ Г. *Муравьевъ*, и состояла только въ одномъ словѣ: *Grif* или *Grif на*. Положимъ даже, что сіи народы не знали языка Новгородцевъ; но не должно ли думать, что они въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ употребляли для своихъ собственныхъ выгодъ переводчиковъ, или посредниковъ (*)? Да, безъ сомнѣнія, находились такіе люди, ибо въ противномъ случаѣ Любекцы, какъ начальники другихъ, навѣрно оставили бы у Новгородцевъ прикащиковъ съ тѣмъ, чтобы они научились ихъ языку и тѣмъ дали торговлѣ другое выгоднѣйшее направленіе; а вообще, по моему мнѣнію,

(*) См. *Исторія Русскаго народа*. Т. III, стр. 361.

не должно слишкомъ унижать необразованныхъ народовъ въ различныхъ ихъ сношеніяхъ. Сіе самое слѣдствіе выводится уже изъ самыхъ словъ *Карамзина*, который говоритъ (*): „Въ VIII вѣкѣ Славяне сами ѣздили для купли и „продажи въ чужія земли. Карлъ Великій „поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзира„нію своихъ чиновниковъ. Въ среднихъ „вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые „города Славянскіе: Виннета или Юлинъ „при устьѣ Одера, Аркона на островѣ „Рюгенѣ, Деминъ, Волгастъ въ Помера„ніи и другіе.“ Правда, можно утверждать и противное, слѣдуя описанію Арабскаго путешественника *Ибнъ Батуты*, жившаго въ XIV столѣтіи; можно допустить, что торговля въ нынѣшней Россіи производилась глухимъ образомъ, такъ что пріѣзжавшіе съ Юга купцы, положивъ привезенные ими товары на мѣсто, назначенное для мѣны, отходили, и на другой день вмѣсто оныхъ находили желаемыя звѣриныя шкуры; можно принять и то, что, по повѣствованію Иродота, такой же обычай соблюдался между Каѳагенянами и Ли-

(*) См. *Исторія Государства Россійскаго*. Петербургъ, 1819. Ч. I, стр. 65, 66.

бійцами, по сказанію Козьмы, между Аксумитами и Ефіопами, по утвержденію Гёсша, между Мавритянами и Арабами, и по другимъ писателямъ, между другими народами (*). Но въ такомъ случаѣ торговля должна была производиться безъ малѣйшихъ словесныхъ сношеній или объясненій, даже безъ свиданія другъ съ другомъ; а такого хода торговли никакъ не позволяютъ намъ допустить слова Исторіографа, описывающаго тогдашнее политическое состояніе Россіи: „Торговля Славянъ, до введенія Христіанства въ ихъ земляхъ," говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (**), „состояла только въ обмѣнѣ вещей; они не „употребляли денегъ и брали золото отъ „чужестранцевъ единственно какъ товаръ." А въ другомъ мѣстѣ (***), описывая торговлю древнихъ Россіянъ съ сѣверными народами, еще сильнѣе противорѣчитъ сему, говоря: „О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ „и Нѣмецкихъ лѣтописцахъ. Средото-

(*) См. *KOSEGARTEN de Mohammede Ebn Batuta Arabe Tingitano ejusque itineribus.* Jenae 1818 стр. 19. 24. *Journal Asiatique.* Mars 1829, стр. 220.

(**) См. Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 66.

(***) См. тамъ же Т. I, стр. 241, 243.

„чіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со вре„менъ Рюриковыхъ поселились многіе „Варяги, дѣятельные въ морскомъ гра„бежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы „покупали драгоцѣнныя ткани, домовые „приборы, Царскія одежды, шитыя зо„лотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не „могли быть собственнымъ рукодѣлі„емъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что „они покупали сіи богатыя одежды и „ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказа„нію Нестерову, ѣзжали Новогородцы „еще въ Олеговы времена. Въ славной „Виннетѣ и другихъ Балтійскихъ го„родахъ находились купцы Россійскіе. „Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ „Владиміра: тамъ ежегодно бывали мно„голюдныя ярмонки, собирались вес„ною Норвежскіе и другіе купцы, по„купали невольниковъ, мѣха и возвра„щались въ отечество не прежде осе„ни. Торговля наша столь уже слави„лась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣ„тописцы сего времени обыкновенно „называютъ Россію страною изобиль„ною всѣми благами (*).“ Но обратим-

(*) Cll. Замѣчан. 517, стр. 206. Впрочемъ весьма любопытно было бы узнать, какимъ образомъ купцы поступали при своихъ торговыхъ сношеніяхъ въ Царѣградѣ, да и особливо при покупкѣ невольниковъ, гдѣ они, кажется, никакъ не могли употреблять слово *Grif на*.

ся къ прежнему: пусть даже въ самомъ дѣлѣ Новгородцы употребляли слова *Grif на*; по крайней мѣрѣ, можно ли принять, будто они говорили *Grifна?* — ибо слѣдовало бы тогда произносить жестко и коротко *Griff*, т. е. съ двумя *ф*, какъ Г. *Муравьевъ*, кажется, самъ и сознается, присовокупивъ: *Griff von Silber*. Кромѣ того такое словосочиненіе совершенно противно свойству какъ Нѣмецкаго, такъ и Россійскаго языковъ, и странно особливо для того, кто привыкъ производить неизвѣстныя слова изъ извѣстныхъ. Притомъ буква *а* есть окончаніе только Русское, и едва ли можно было соединить долгое *и* въ Русскомъ словѣ *гривна* съ коротким *і* въ Нѣмецкомъ *Griff*. Наконецъ Г. *Муравьевъ* предложилъ таковую Гривну и Полу-гривну. Изъ штемпеля оныхъ, который, по словамъ его, есть: „барсъ или гончій „песъ, стоящій задними ногами на землѣ, „передними же опираясь прямо вверхъ, „загибаетъ голову съ разинутымъ ртомъ, „въ который вскакиваетъ бѣлка, имѣя „свой торчащій пушистый хвостъ сна„ружи и передъ головою животнаго,“ явствуетъ несправедливость сего мнѣнія. Ибо называемый Г-мъ Муравьевымъ *барсъ* или *гончій песъ*, по моему мнѣнію, не что

иное какъ баснословная птица *Гриф*ъ, (даже крылья замѣчаются на шпемпелѣ), ловящая ртомъ бѣлку или куницу. Сія птица *Гриф*ъ, четвероногое крылатое животное, по Латынѣ *Grypus*, *Gryphus*, *Gryfo*, *Griffus*, по Гречески *γρὺψ*, *γρυπὸς*, по Французски *Griffon*, уже съ древнѣйшихъ временъ была любимая эмблема не только сѣверныхъ, но и другихъ народовъ, и является еще до сихъ поръ въ гербѣ разныхъ, на берегу Балтійскаго моря лежащихъ городовъ, какъ то: Любека, Ростока, Грейфсвальда и прочихъ (*). Но такъ какъ она, подобно Фениксу Грековъ и Римлянъ, и Симургу и Анкѣ восточныхъ народовъ, не только означала мудрость и человѣческую душу, не только предсказывала будущее, содѣйствовала къ исполненію великихъ и удивительныхъ подвиговъ, но и защищала преимущественно золото отъ нечестивыхъ рукъ (**); то и употребля-

(*) См. *Gryps Pomeranorum ex oriente illustratus a J. C. DACHNERT.* Gryphiswaldae. 1771, стр. IV. IX.

(**) *Joseph und Suleicha von Vincenz v. ROSENZWEIG.* Wien 1824, стр. 200. cll. *A. TH. HARTMANN Aufklärungen über Asien.* T. I. стр. 137 sqq. 304 sqq. *HUELLMANN Theogonie.* Berlin 1804 стр. 169 sqq. *RHODE* Ueber den Werth einiger morgenländ. Urkunden. Breslau 1817 стр. 98 sqq.

ли часто баснословный ея образъ вмѣсто штемпеля на золотыхъ и другихъ монетахъ. Такія-то монеты разныхъ сортовъ назывались *Grifon*, или *Griffo*, или *Grifo*, и стоили по десяти флориновъ и десяти солидовъ, т. е. около сорока рублей на наши деньги, или менѣе (*). При недостаткѣ почти всѣхъ вспомогательныхъ сочиненій, удалось мнѣ однакожъ найти изображеніе одной таковой монеты (Halif-Griffoen, полугривна), коей рисунокъ я здѣсь и прилагаю. На первой сторонѣ оной изображена птица Грифъ съ надписью кругомъ: Denari Simplex Grifon nomin., а на оборотѣ Австрійскій гербъ съ надписью кругомъ: Deum plus ama quam argent (**).

Изъ всего вышеприведеннаго можно теперь, думаю, вывести слѣдующія заключенія:

1) Русское слово *Гривна* произошло вѣроятно изъ *Grifon* сѣверныхъ народовъ, наиболѣе потому, что какъ

(*) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis ex magnis glossariis Caroli du Fresne.* Halae 1784. T. III, pg. 481.

(**) *Donghevalverde gouden ende silveren Hunte van diverscheConinckrijcken, Hertoochdommen* etc. T'Antwerpen 1575 Bbiij.

въ Русскомъ, такъ и въ иностранныхъ языкахъ находятся всѣ потребныя согласныя и даже продолженное *и*, и кромѣ того *гривна* какъ *Grifon* значитъ не только: монета вѣсомъ въ фунтъ серебра или сорокъ рублей (*), но и монета меньшаго достоинства.

2) Оста-зейскіе народы, можетъ быть, вмѣсто собственныхъ своихъ ходячихъ монетъ, не принимаемыхъ Новогородцами, и притомъ для легчайшаго употребленія, привозили сначала слитки серебра, вѣсомъ въ фунтъ, на которыхъ изображенъ былъ собственный ихъ штемпель, т. е. баснословная птица Грифъ, иногда съ бѣлкою или куницей, а иногда и безъ оной; бѣлка сія служила изображеніемъ главнѣйшаго изъ полученныхъ за данное серебро товаровъ, и Новогородцы въ послѣдствіи времени сами начали по ихъ образцу лишь свои слитки серебра разнаго достоинства, а со временемъ и самыя монеты, присовокупляя на нихъ извѣстный имъ уже штемпель.

(*) Исторія Государства Россійскаго. Т. II, стр. 46. Замѣчан. 79, стр. 48.

3) Отъ того произошло и различіе въ названіи гривны и гривны-куны, по мѣрѣ изображеннаго на нихъ штемпеля, ежели не положить, что сія послѣдняя въ началѣ отличалась вообще отъ первой, какъ чеканенная монета (cuneus) (*) отъ слитка серебра или нечеканенной монеты, или что гривна соотвѣтствуетъ восточному *динаръ* и. п. въ словѣ *динаръ-Копекъ*.

4) Русскіе наконецъ назвали вообще золотую монету или медаль, какъ знакъ отличія (**), вѣсомъ въ фунтъ или полфунта (***), или самый фунтъ именемъ Гривны; потому что гривна была тогда самый большой, имъ извѣстный или ими употребляемый вѣсъ (****).

(*) Въ такомъ смыслѣ принимается въ *Русской Правдѣ*, гдѣ сказано: „Будетъ что потребно купилъ въ „торгу или конь, или портъ, или скотину, то „выведетъ свободна мужа два или мытника; аже „начнетъ незнати у кого купилъ, то иди по немъ „тѣмъ видокомъ на торгу на рогу, а истцу свое „лице взяти, а что съ нимъ погыбло а того ему „желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане „знаетъ у кого купилъ.“

(**) Исторія Государства Россійскаго. Т. II, стр. 7.

(***) См. тамъже Т. II, стр. 90.

(****) См. тамъже Т. I, замѣчан. 298 стр. 115, Т. III, стр. 144. 149.

Не вдаваясь болѣе въ поле историческихъ сравненій, я увѣренъ, что такимъ-по легчайшимъ способомъ можно толковать всѣ, въ Россійской Исторіи встрѣчающіяся мѣста, гдѣ упоминаются слова *гривна*, *гривна серебра*, *гривна кунъ* и *гривна ногатами* или *кунами* (*).

Францъ Эрдманъ.

(*) См. также Т. I, стр. 125. 131. замѣч. 309. 310 стр. 126. стр. 193 замѣч. 415 стр. 164; Т. I стр. 201. замѣч. 510 стр. 204. Т. I, стр. 248 замѣч. 527 стр. 209. 210. Т. II, стр. 12. 15. 46. замѣчан. 79 стр. 48. Т. II стр. 128. 201. 215. Т. III, стр. 13 71. 78. 144. 149. 208. Т. IV, стр. 196 замѣч. 250 стр. 158 и п. и п.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЧЕРНИГОВСКОЙ ГРИВНѢ.

По препорученію Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, разсматривалъ я *новѣйшія разысканія о Черниговской медали* и нашелъ оныя неудовлетворительными, какъ и всѣ прежнія. Пока не будетъ достовѣрно объяснена круговая надпись около головы, окруженной змѣями, на неизвѣстномъ доселѣ языкѣ, дотолѣ не можно вѣрить никакимъ догадочнымъ исполкованіямъ. Сами дѣлавшіе сіи медали вѣроятно не понимали сего смысла: ибо, сличая сію надпись на разныхъ уже донынѣ открытыхъ сего рода медаляхъ, можно находить разночтія или ошибки. Мое мнѣніе есть слѣдующее. Я вѣрю, что 1) медали сего рода суть амулеты, коихъ употребленіе вышло изъ языческаго Востока и распространилось даже по Христіанству. 2) Символическія такія изображенія съ Христіанскими на оборотѣ произошли отъ Синкретическихъ Еретиковъ, Христіанскихъ Гностиковъ: но Православная Христіанская Церковь не принимала и запрещала ихъ, какъ можно видѣть и въ нашей Кормчей Книгѣ

часть I. листъ 26, 51, 80, гдѣ дѣлатели и раздаватели таковыхъ амулетовъ называются узольниками (*), потому что у простаго нашего народа амулеты сіи составляютъ узолки, или такъ называемыя ладонки. 3) Греки, принесшіе къ намъ Христіанскую вѣру, принесли и сіи суевѣрія, что̀ доказываютъ Греческія надписи. Но какой сектѣ Гностиковъ принадлежитъ изобрѣтеніе головы, окруженной змѣями, и непоняшной около ея надписи, доселѣ неизвѣстно: ибо разныя секты имѣли разные амулеты. 4) Медали сіи для Россіянъ изъ Греціи ли были привозимы, или въ Россіи съ образца ихъ дѣланы, также неизвѣстно. Черниговская же медаль вѣроятно дѣлана въ Россіи; потому что на ней Русская надпись: *Гй помози рабу твоему Василію* безошибочна по древнему Словенскому правописанію и произношенію; а Греческая ἅγιος ἅγιος и пр. съ ошибками, чего Грекъ бы не сдѣлалъ. 5) Судя по золотому металлу Черниговской медали можно заключать, что она дѣлана для знаменитой особы *Василія*, каковое имя въ крещеніи имѣлъ и Владиміръ Великій и Владиміръ Моно-

(*) Въ Греческомъ подлинникѣ узолки такіе названы φιλακτήρια, а узольникъ περιάπτης.

махъ. На Нѣжинской же сребряной медали имя *Евфросина* Греческими буквами, а Русской надписи нѣтъ. А что Русскія медали были и при Владимірѣ, тому доказательствомъ его двѣ монеты, въ Кіевѣ найденныя, коихъ рисунки напечатаны въ III части Трудовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 6) Михаилъ Архангелъ на Черниговской и Нѣжинской медали, въ Царскомъ Далматикѣ изображенный (какъ на иконахъ онъ никогда не пишется), вѣроятно, значитъ Гербъ. Ибо, по замѣчанію Гретсера на Кодинову книгу *о чинахъ Церковныхъ*, Константинопольскими Императорами признавался Архистратигъ Михаилъ защитникомъ ихъ Имперіи, и въ Кіевѣ онъ составляетъ городовый Гербъ донынѣ. Въ первой части Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ на стран. 16 видно, что и Тверскіе Великіе Князья употребляли такое изображеніе Архангела Михаила на своихъ печатяхъ. 7) Судя по ушкамъ на всѣхъ таковыхъ амулетахъ, можно заключать, что ихъ носили на шеѣ привѣшенные, какъ и нынѣ нашъ простый народъ привѣшиваетъ дѣтямъ ладонки на шею.

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

О СЕЛѢ ЛИКУРГѢ.

(Изъ Сочиненія подъ названіемъ: Историческое описаніе уѣздныхъ городовъ, урочищъ и другихъ мѣстъ Костромской губерніи, о коихъ упоминается въ Лѣтописяхъ).

Ликурга въ старину Костромская волость, на востокъ отъ старинной Костромской же волости Кореги. Нынѣ верстахъ въ двадцати пяти отъ уѣзднаго города Буя, въ ту же сторону, два села называются симъ именемъ: Ликурга-Троица и Ликурга Рождество, разстояніемъ другъ отъ друга верстахъ въ трехъ. При Великомъ Князѣ Василіи Димитріевичѣ, Ликурга съ Шачебаломъ первоначально находилась во власти Галичскаго Князя, Юрія Димитріевича. Потомъ сей Князь Ликургу съ Шачебаломъ уступилъ родному брату своему, Петру Димитріевичу, который, по духовному завѣщанію отца своего Димитрія Іоанновича Донскаго, владѣлъ въ это время на Вологдѣ Тошнею и Сямою. Послѣ того, Петръ Димитріевичъ Шачебалъ и Ликургу уступилъ родному брату своему Константину, также

сыну Донскаго. Но въ какіе именно годы Ликурга съ Шачебаломъ переходила такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, въ государственныхъ грамотахъ лѣтъ не показано. Изъ Исторіи извѣстно, что Князь Константинъ Димитріевичъ родился послѣ духовнаго завѣщанія отца своего Димитрія Іоанновича Донскаго, и что супруга его въ то время была имъ беременною. Хотя въ томъ завѣщаніи особеннаго Удѣла тогда ему не было назначено; но Димитрій Іоанновичъ въ духовной грамотѣ, въ случаѣ разрѣшенія отъ бремени сыномъ, завѣщалъ, чтобы старшіе сыновья его надѣлили того своего брата, каждый изъ своего удѣла землями, какое надѣленіе они должны были сдѣлать по распоряженію своей матери. Такимъ образомъ, надобно полагать, Константину досталась Ликурга съ Шачебаломъ, изъ части Петра Димитріевича (*). По сей причинѣ, когда Галичскій Князь Юрій

(*) Подобнымъ образомъ Великій Князь Василій Димитріевичъ по духовной грамотѣ 1406 года отдѣлилъ сему Константину Димитріевичу изъ своей части Тошну и Устюжну. Здѣсь онъ Константина называетъ братомъ и сыномъ. Собраніе Государственныхъ грамотъ. Часть I. N0 39. Юрій же Галичскій уступилъ ему нѣсколько изъ Звенигородскихъ волостей. Тамъ же, N0 43 и 44.

Димитріевичь, какъ старѣйшій въ родѣ Донскаго, открылъ замыслы властолюбія противъ Великокняжескаго престола, Великій Князь Василій Васильевичь съ дядями Андреемъ и Константиномъ Димитріевичами, при заключеніи договора 1428 года, къ коему склонилъ Митрополитъ Фотій, выговорили, чтобы Юрій не отнималъ у Константина и не вступался въ уступленныя ему волости Ликургу и Шачебалъ. При семъ договорѣ было постановлено, чтобы дань и ямъ, собираемые для Татаръ, Константинъ Димитріевичь съ Ликурги, Шачебала и Звенигородскихъ волостей по стольку же, какъ было плачено при Великомъ Князѣ Василіи Димитріевичѣ, платилъ Галичскому Князю Юрію Димитріевичу. Въ случаѣ же избавленія отъ Татарскаго ига сіи дань и ямъ Татарскіе оставались въ полномъ распоряженіи самаго Князя Константина, а Галичскій Князь въ нихъ не долженъ былъ вступаться. Поелику въ Ликургѣ и Шачебалѣ, до учиненія сего договора, хотя онѣ и принадлежали уже Петру Димитріевичу, правили Юріевы Волостели, Посельскіе и ихъ Тивуны: то въ договорѣ и касательно сего было упомянуто, чтобы каждая сторона выслала своего Боярина разобрать сіе,

Такъ о семъ сказано въ той договорной грамотѣ: »Такоже, что вѣдали »твои (Юрія Димитріевича) Волостели »и Посельскии и ихъ тивуни отчину »Княжу Константинову Дмитриевича »Шачебалъ, да Ликургу, а по попому »же отослати по Боярину, да учинити »исправа; что̀ будетъ взято право, но »остало; а что̀ будетъ взято криво, »то отдати по исправѣ. А суженое, »положеное, заемное, поручное, кабаль»ное по исправѣ дати; а холопа, робу, »должника, поручьника, бѣглеца, татя, »разбойника по исправѣ выдати.«

Какимъ образомъ Ликурга съ Шачебаломъ перешла во владѣніе Великаго Князя Василія Василіевича еще при жизни Князя Константина Димитріевича, неизвѣстно. Въ договорной же грамотѣ Юрія Димитріевича Галичскаго съ симъ Государемъ, Константиномъ Димитріевичемъ и прочими Князьями, заключенной въ 1433 году, сіи волости упоминаются уже за Великимъ Княземъ. Въ сей грамотѣ сказано: „или что мн „ся (Великій Князь Василій Василіевичь) „еси нынеча опъсступилъ Сурожыка, да „Лучиньского, да Шепковы, и Шачеба„ла и Ликурги; — а того вамъ всего по„до мною (Юріемъ Галичскимъ) и подъ

„моимъ сыномъ подо Княземъ подъ Дми-
„треемъ подъ меньшимъ блюсти, а не
„обидѣти, ни вступатися. Помѣщенное здѣсь имя Димитрія Меньшаго, иначе называемаго Краснымъ, подаетъ довольную причину думать, что Юрій заранѣе его опредѣлилъ наслѣдникомъ Галичскаго Княженія и сихъ областей, какъ близкихъ къ оному, какимъ онъ рѣшительно объявилъ его при своей кончинѣ въ духовномъ завѣщаніи 1434 года. Въ той же договорной грамотѣ помѣщенныя слова: „или что ми ся
„еси отступилъ Бѣжецкаго верьха и
„съ пустьми и съ селы и слободами (Ве-
„ликій Князь Юрію Галическому) о-
„прочь тѣхъ мѣстъ, что еси подавалъ
„изъ Бѣжецкаго верьха брату нашему
„молодшему Константину Дмитріеви-
„чу,“ подаютъ довольную причину заключать, что мѣста въ Бѣжецкомъ верху Великимъ Княземъ даны Константину въ замѣнъ Ликурги и Шачебала, кои остались во власть перваго. Тамъ же именно выговорено, чтобы Галичскій Князь съ уступленныхъ тогда ему волостей дань и ямъ, собираемые Татарамъ, платилъ Великому Князю по тому же разводу, сколько послѣдній собиралъ съ нихъ въ свою казну. Въ случаѣ избавленія отъ Татаръ, Юрій сіи

доходы долженъ обратить въ свою пользу.

Въ Духовной грамотѣ Юрія Димитріевича, хотя прямо не означено, кому именно онъ отказываетъ Ликургу съ Шачебаломъ; но изъ слѣдующихъ словъ грамоты ясно видно, что обѣ сіи волости остались во власти Димитрія меньшаго, какъ удѣльнаго Галичскаго Князя: „а Галичь имается въ семьюпы„сячной выходъ пять сотъ рублевъ и „полъ л̃ рублевъ, и исъ того сынъ мой „Дмитрей возметъ съ Шачебала и съ Ли„курги четвертую чясть, да отве„детъ въ большюю казну, а останокъ „того сынъ мой Дмитрей розведетъ на „Галичь на свой удѣлъ по тому окладу, „колко на которой волости язъ ималъ, „да то отдастъ.“ Изъ договорной грамоты Государя Василія Василіевича съ Дмитріемъ Шемякой (Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ No 52 и 53) видно, что Юрьевичи, оба Димитрія, въ томъ же году, въ которомъ умеръ ихъ отецъ, сдѣлали новый раздѣлъ между собою. Надобно думать, что Ликурга съ Шачебаломъ осталась въ часпи Димитрія меньшаго: ибо на половинѣ Шемякиной онѣ не упоминаются; а упоминаются только уступленныя

съ ними въ 1433 году волости Сурожикъ, Шопкова и Лучинское, кои по новому сему раздѣлу за нимъ и оспались. Въ 1440 году Ликурга съ Шачебаломъ опять находилась во власти Великаго Князя Василія Василіевича: какъ это явствуетъ изъ договорной грамоты его съ обоими Димитріями, Шемякою и Краснымъ, заключенной въ 1440 году. — Такъ въ ней сказано о Ликургѣ съ Шачебаломъ: »а очины ми подъ вами »вашее . . . што ся былъ есми опъ»ступилъ вашому отцу Князю Юрью »Дмитриевичю съ волостьми и селы, »опроче Шачебала и Ликургы и Андо»мы — — — подъ вами всего блюсти« и проч. Слѣдовательно Ликурга съ Шачебаломъ и Андомою (не Андома, а полагаю Андоба, также Костромская волость) въ это время уже не принадлежали ни тому, ни другому изъ сихъ Юрьевичей.

Членъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Священникъ Михаилъ Діевъ.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ УВЕЗЕННОЙ ВЪ 1612 ГОДУ ПОЛЯКАМИ ИЗЪ МОСКВЫ ЦАРСКОЙ КОРОНѢ.

Въ укорительной отъ Россійскихъ Бояръ грамотѣ къ Польскимъ Вельможамъ, отправленной въ 1614 году Декабря 1го съ посланникомъ Желябужскимъ, между прочими упреками значится: что Поляки, вступивъ вѣроломно въ Москву, не только всю казну, изъ давнихъ лѣтъ обладателями Россіи собранную, расхитили, но и утварь Царскую, шапки и *Короны* увезли въ Польшу (*). Желябужскому, на требованіе его о возвращеніи сихъ Коронъ, Вельможи Польскіе никакого отвѣта не дали.

Коберзицкій въ Исторіи о Владиславѣ тожъ самое подтверждаетъ, повѣствуя, что Король Сигизмундъ III

(*) Книга Польскихъ посольствъ въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, хранящаяся подъ No 30, листъ 975.

въ духовномъ завѣщаніи своемъ, взяпую имъ въ Москвѣ *Царскую Діадиму*, приказалъ взнести въ казенную Королевскую палату (*): *Diadema quod Moschovia subacta* e thesauro gentis acceperat, Regni Aerario inferri jussit.

Чрезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ кончины Сигизмунда III увезенная изъ Москвы Царская Корона опять огласилась въ сношеніяхъ дипломатическихъ. Бранденбургскій Курфирстъ Фридрихъ III (потомъ первый Король Прусскій), занявъ вооруженною рукою городъ Эльбингъ за 400 тысячь эфимковъ иска своего на Республикѣ Польской, прислалъ 1699 года въ Москву чрезвычайнаго посланника своего фонъ Принцена просить Россійскаго Монарха, чтобъ онъ употребилъ дружественное свое посредничество въ примиреніи его съ Королемъ Польскимъ Августомъ I, а въ случаѣ войны не отказалъ бы въ своей помощи. Царю Петру I удалось окончить между ими сію распрю дружелюбно. Поляки, не имѣвъ наличныхъ денегъ, отдали тогда Курфирсту въ залогъ разныя Государственныя драгоцѣнности.

(*) Historia Vladislai autore Stanislao Kobierzycko, edit. Dantisci, 1655 in 4, pag. 948.

Петръ I, узнавъ, что между сими заложенными вещами находилась и *Россійская Корона*, въ 1612 году Поляками изъ Москвы увезенная, приказалъ управлявшему иностранными дѣлами Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину чрезъ упомянутаго Прусскаго Посланника дать знать Фридерику, что Россія приметъ за новое доказательство особенной дружбы, если Курфирстъ возвратитъ заложенную ему Поляками *Корону*. Головинъ, не получа на первое свое отношеніе отвѣта, возобновилъ свое настояніе и отъ 6 Марта 1700 года писалъ о томъ къ фонъ Принцену, присовокупивъ, что Государь его беретъ на себя всю отвѣтственность передъ Королемъ Польскимъ и что Курфирстъ не понесетъ отъ уступки Короны ни малѣйшаго убытка. Наконецъ фонъ Принценъ, въ оффиціальномъ письмѣ своемъ отъ 3 Апрѣля, объяснилъ Головину, что Курфирстъ, въ силу заключеннаго имъ съ Королемъ Польскимъ договора, получилъ для платежа въ условленный срокъ нѣкоторыя алмазныя вещи, въ ящикѣ запечатанныя, и не знаетъ, тутъ ли находится требуемая *Корона*; располагать же чужою собственностію никакъ не можетъ, потому что обязанъ возвратить запечатанный

яцикъ Польскимъ Коммиссарамъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ принялъ (*). Еслижъ, паче чаянія, ту *Корону* Поляки не выкупятъ и останется она во власти Курфирста, то онъ съ удовольствіемъ исполнитъ желаніе Царя; ибо чтитъ въ особѣ его друга ближайшаго и союзника славнѣйшаго (**).

Вскорѣ потомъ Рѣчь Посполитая выкупила Государственныя драгоцѣнности, Прусскому Королю заложенныя, и вѣроятно, что сохранила до послѣднихъ дней бытія Королевства Польскаго *Корону Царскую*, какъ трофей прежней славы своей.

Императрицѣ Екатеринѣ II, толико уважавшей отечественныя древности, никто не припомнилъ при раздѣлѣ Польши о возвращеніи сего древняго *достоянія* Царей Всероссійскихъ: вѣроятно

(*) Условіе Польскихъ Коммиссаровъ о закладѣ Бранденбурскому Курфирсту, при возвращеніи Эльбинга, между прочими вещами *Короны Царской* (sive Moscovitica vulgo dicta) помѣщено въ прибавленіи къ Дюмонову Дипломатическому корпусу Т. II. part. I. pag. 454 — 455.

(**) Дѣла Прусскаго двора, въ Архивѣ хранящіяся, 1700 года. No 3.

отъ того, что никому неизвѣстно было о изложенныхъ здѣсь происшествіяхъ. Ключь отъ хранилища въ Краковѣ Королевскихъ Польскихъ регалій оставался у Короля Станислава, и по кончинѣ его присланъ былъ 13 Мая 1799 года съ прочими оставшимися послѣ него вещами въ Москву, для сбереженія въ Оружейной Палатѣ, гдѣ и донынѣ находится.

При благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ и союзѣ всегда тѣсномъ между Россіею, Австріею и Пруссіею, можетъ быть, откроется когда нибудь случай получить обратно то, чего Петръ Великій, при всемъ стараніи, возвратить не могъ и чего при Екатеринѣ II удержать не позаботились. Сіе обрѣтеніе порадовало бы всѣхъ Россіянъ. Въ продолженіе двухъ вѣковъ почитавшаяся утраченною *Корона* сдѣлалась бы не только предметомъ любопытства, но торжествомъ народнымъ и памятникомъ историческимъ.

А. М.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНИХЪ ХОДЯЧИХЪ МОНЕТЪ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ КУНЪ БЫВШИХЪ ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВЪ РОССІИ.

Исторія древней Россійской Нумизматики, намъ весьма еще мало извѣстная, должна по мнѣнію моему, раздѣлена быть на два періода, по различію монетъ, бывшихъ въ употребленіи. Къ 1му періоду принадлежатъ будутъ тѣ времена, когда всѣ счеты производились Гривнами и Кунами; ко 2му тѣ, когда, совершенно оставя прежнія монеты, начали считать новыми, Рублями и Деньгами.

Предполагая говорить о ходячихъ только монетахъ 1го періода, обозрѣніе мое составится изъ разсмотрѣнія четырехъ вопросовъ: 1) какого рода монеты были Куны, дѣйствительныя или условныя? 2) когда началось ихъ употребленіе? 3) сколько различныхъ монетъ было въ обращеніи, въ продолженіи 1го періода? и 4) какая была цѣна каждой монеты?

На 1 й вопросъ: какого рода монеты были Куны? безъ малѣйшаго сомнѣнія, смѣю отвѣчать утвердительно: условныя. Вотъ причины, на которыхъ основывается моя увѣренность:

1. Хотя древніе наши Законы, Грамоты, знакомя насъ съ названіями различныхъ монетъ, бывшихъ въ употребленіи, не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія ни о видѣ ихъ, ни о веществѣ, изъ котораго были сдѣланы; даже и въ древнѣйшихъ нашихъ Лѣтописяхъ того не находимъ, вѣроятно потому, что подобныя объясненія казались совершенно не нужными при именованіи вещей, каждому тогда весьма извѣстныхъ; за то послѣдующіе писатели, тѣхъ уже временъ, когда условныя монеты вытѣснены были серебряными изъ обращенія, дали намъ нѣкоторое о нихъ понятіе, сказавъ: »въ 1410 году Новгородци начаша торговати промежи себѣ »Лобци и Гроши Литовскими и Арпу»гами Нѣмецкими, а Куны отложи»ша (*).« — »Въ 1420 Новгородци нача»ша торговати денги серебряными, »а Арпуги попродаша Нѣмцемъ (**),« —

(*) Новг. Лѣтоп. въ др. Рос. Вивл. стр. 682.

(**) Тамъ же стр. 698.

»Въ 1424 въ Псковѣ денги сковаша, и »почаша по всей Русской земли тор»говати денгами (*).« — Мы знаемъ, что деньги были серебряныя: слѣдовательно Куны были не серебряныя. А два другіе списка къ словамъ: »Куны оплошиша«, прибавляютъ: Никоновскій »иже есть морщки куньи« (**); Русскій Времянникъ »иже есть морщь куней« (***): слѣдовательно Куны были кожаныя, условныя.

2. Сіи слова Лѣтописей подтверждаются еще весьма важнымъ для насъ свидѣтельствомъ иностранцевъ, имѣвшихъ случай лично видѣть монеты тѣхъ временъ:

Бременскіе купцы, начавшіе въ 1184 г. торгъ съ Ливами, народомъ, бывшимъ тогда подъ властію Князей Полоцкихъ, нашли у нихъ монету, бѣличье ушко съ серебряными гвоздиками (Grauwerks-Oehrchen mit silbernen Stiften), которая называлась Ногата (****).

(*) Тамъ же стр. 702.

(**) Ч. V, стр. 42.

(***) Ч. I, стр. 233.

(****) Arndts-Chronik. T. II, p. 3.

Въ 1253 году Рюбрюквисъ (*), отправленный отъ Французскаго Короля Посломъ къ Батыю, проѣзжая чрезъ Россію, видѣлъ бывшія тогда въ обращеніи монеты, и говоритъ, что онѣ были не что̀ иное, какъ небольшіе кожаные лоскутки, распещренные красками (de petites pièces de cuir marquetées de couleur).

3. Самая перемѣна монетъ, кажется, ясно уже свидѣтельствуетъ, что прежнія были не металлическія: ибо, имѣя серебряную монету, какая нужда могла бы заставить Новгородцевъ уничтожить ее, и вмѣсто оной ввести въ употребленіе иностранную, а потомъ черезъ 10 лѣтъ начать снова дѣлать свою собственную, но подъ другимъ уже названіемъ, и о которой Лѣтописецъ не упускаетъ объявить, что она была уже серебряная! Какая нужда могла заставить и всѣ Княжества, Россію тогда составлявшія, оставить употребленіе прежнихъ монетъ, и вмѣсто ихъ не только начать дѣлать новыя по образцу Татарскихъ монетъ, но занять отъ Татаръ даже и названія всѣмъ своимъ монетамъ! Алтынъ, денга,

(*) Voyage de Rubruquis. p. 91.

пулъ, даже и названіе рубля почитаю заняпымъ отъ Тапаръ, а не отъ глагола, рубить, происшедшимъ.

Нѣкоторые сомнѣваются (*) однако же, чтобы кожаные лоскутки, клейменые, могли обращаться въ Россіи вмѣсто монеты, полагая, что вѣрить сему, значило бы то же, что вѣрить существованію Государственнаго кредита въ такое время, когда онъ не только созрѣть, но и прозябнуть еще не могъ; а безпрестанное пониженіе Кунъ въ цѣнѣ противъ металлической гривны, почитаютъ только мнимымъ, остроумнымъ объясненіемъ Историковъ, которымъ лоскутки сіи представлялись Государственными ассигнаціями. Но таковое сомнѣніе не основательно. Кожаные лоскутки, расцвѣщренные красками, по свидѣтельству самовидца ихъ, Рюбрюквиса, точно обращались въ Россіи вмѣсто монеты; расцвѣщреніе же оныхъ красками, думаю, было не что иное какъ надпись, слѣдовательно знакъ, клеймо, означавшая названіе, или цѣну монеты, то есть: какую часть гривны каждый лоскутокъ представлять назначенъ; и сіи лоскутки, имъ

(*) Вѣстн. Евр. 1827 года. No 21, стр. 125.

видѣнные, были, безъ сомнѣнія, Куны и Вѣкоши, которыхъ употребленіе вмѣсто монеты, по свидѣтельству всѣхъ нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, было всеобщее во всей Россіи. Государственный кредитъ тогда еще не существовалъ, и въ томъ ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія; но онъ и не нуженъ былъ для поселенія въ народѣ довѣренности къ новоучреждаемой монетѣ: она, и при томъ самая полная, должна была неминуемо родиться сама собою отъ удручающей, такъ сказать, всѣхъ и каждаго, необходимости въ ходячей монетѣ. Но лоскутки сіи никогда не были, и не знаю, кому они могли представляться Государственными ассигнаціями, ибо ихъ назначенія были совершенно противоположныя: ассигнаціи сотворены для усиленія и облегченія въ оборотахъ капиталовъ, и требуютъ непремѣнно всегдашней готовности наличной ходячей монеты для своего размѣна; Куны же, напротивъ, для того только и сотворены были, чтобъ сами служили размѣнною монетою для гривенъ серебра, и тѣмъ облегчали ходъ внутренней торговли, не имѣя ни малѣйшаго вліянія на капиталы. Что же касается до цѣны ихъ въ отношеніи къ серебру, то она не

мимо, а дѣйствительно безпрестанно понижалась отъ того, что по времени, при размноженіи сихъ монетъ, ежегоднымъ приращеніемъ вновь дѣлаемыхъ, количество оныхъ, вѣроятно, далеко уже началò превосходить народную въ нихъ нужду, а съ тѣмъ вмѣстѣ начала̀ уменьшаться первоначальная къ нимъ довѣренность, и онѣ начали терять цѣну, имъ при учрежденіи присвоенную. По Лѣтописямъ видна слѣдующая постепенность въ пониженіи цѣны ихъ: съ 1144 года онѣ начинаютъ уже означать, о какой гривнѣ говорится, серебра или Кунъ: знакъ, что послѣднія уже слишкомъ много потеряли цѣны своей, чему находимъ и доказательство въ сличеніи нашихъ Лѣтописей съ Польскими: въ Несторовой Лѣтописи (*) подъ 1100 годомъ сказано, что при переговорахъ предложено было Князю Давиду Игоревичу отъ В. К. Владиміра Всеволодовича Мономаха 200 гривенъ, и отъ Князей Давида и Олега Святославичей также 200 гривенъ; а Длугошъ (**), разсказывая о семъ, говоритъ по 100 Марокъ. Извѣстно, что Гривна серебра и Марка были равноцѣнны,

(*) Стр. 166.

(**) Hist. Polon. F. Lipsiae. 1711. T. I, pag. 544.

и потому явно, что первый считалъ гривнами Кунъ, а послѣдній гривнами серебра: слѣдовательно въ концѣ XI столѣтія гривна серебра равнялась уже двумъ гривнамъ Кунъ; въ 1229, въ Смоленскѣ, гривна серебра содержала въ себѣ 4, а въ Новгородѣ, въ 1230 году, $7\frac{1}{2}$ гривенъ Кунъ; во Псковѣ же, въ 1409, платили уже 30 гривенъ Кунъ за гривну серебра.

Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія, что въ теченіи перваго періода ходячія въ Россіи монеты, Куны, были условныя, не нахожу нужнымъ присовокуплять доказательствъ, что металлической ходячей монеты до нашествія Татаръ въ Россіи не было: я уже предложилъ ихъ въ мнѣніи моемъ о *Серебрѣ Ярославлѣ* (*), читанномъ въ Собраніи нашего Общества; но долженъ сказать нѣсколько словъ о Щлягахъ, которыми собиралась дань въ IX и X столѣтіяхъ съ Радимичей и Вятичей. Лѣтописи не даютъ намъ о нихъ никакого понятія; даже самое названіе сей дани, не только въ разныхъ спискахъ, но и въ одномъ въ разныхъ мѣстахъ, написано

(*) Зап. и Труды Общ. Ист. и Др. Рос. Ч. II, стр. 124.

различно. Мнѣнія новѣйшихъ нашихъ писателей о Щлягахъ также различны: одни почитаютъ ихъ металлическими монетами, другіе звѣриными шкурками, производя сіе названіе отъ Нѣмецкаго слова, Schin, кожа. Мудрено однако же постигнуть, что́ могло заставить нашего Лѣтописца называть звѣриную шкурку испорченнымъ Нѣмецкимъ словомъ! Ближе всѣхъ къ истинѣ, кажется мнѣ, догадка Круга (*). Онъ, по названію, *Стерляхъ*, какъ написано въ Архангелогородскомъ спискѣ, подозрѣваетъ, что это были Греческія серебряныя монеты, похожія, можетъ быть, на Англійскіе стерлинги, извѣстные Варягамъ по ихъ походамъ въ Англію, а потому и сіи прозваны были ими также *Стерлингами*. Ближе къ истинѣ, говорю потому, что въ Софійскомъ Временникѣ (**) Щлягами, Стлязями, называются именно Греческія монеты, только не серебряныя, а золотые Солиды, считая оныхъ 72 въ Литрѣ. Рукопись сего Временника, разумѣется оригинальную, а не списокъ до насъ дошедшій, почитаю принадлежащею къ XIII вѣку, по опредѣленію въ ней цѣ-

(*) О др. Рос. монетахъ, стр. 269.

(**) Ч. I, стр. 132 и 133.

ны Кунъ въ отношеніи къ серебру (*): »взяти гривну серебра, а за гривну се»ребра полъосмы гривны Кунъ;« точно такое же содержаніе Кунъ къ серебру находимъ и въ Новгородскихъ Лѣтописяхъ подъ 1230 годомъ. Извѣстіе Лѣтописца, жившаго до нашествія Татаръ, заслуживаетъ, кажется, уваженіе. Можно при семъ усомниться, можетъ быть, въ одномъ только: не слишкомъ ли велика была наложенная дань? Но мы не можемъ вѣрно судить о семъ, не имѣя точнаго свѣдѣнія о промышленности сихъ народовъ. Мы знаемъ, что они были хлѣбопашцы; что земли, ими занимаемыя, почитаются и донынѣ въ числѣ плодороднѣйшихъ; но какія удобства имѣли они для сбыта произведеній земли своей? но что̀ значило ихъ рало? мы не знаемъ, а потому и не можемъ дѣлать безошибочнаго заключенія о соразмѣрности дани съ доходомъ, получаемымъ съ предмета, ею обложеннаго. Впрочемъ то вѣрно, что Шляги, какія бы ни были они монеты, Нѣмецкія или Греческія, серебряныя или золотыя, никогда не бывали ходячими монетами въ Россіи: ибо нигдѣ не упоминается объ употребленіи оныхъ

(*) Тамъ же стр. 148.

въ видѣ монетъ внутри Государства: слѣдовательно, въ продолженіе 1 го періода, кромѣ условныхъ монетъ, никакихъ другихъ въ обращеніи въ Россіи не было.

Но когда началось употребленіе условныхъ монетъ? — Исторія нашей Нумизматики, подобно Исторіи народовъ, въ началѣ своемъ покрыта мракомъ, для насъ конечно уже непроницаемымъ. Кто можетъ опредѣлить точное время первоначальнаго учрежденія условныхъ монетъ въ Россіи, время, тысящелѣтіемъ уже отъ насъ отдѣленное, и никакихъ слѣдовъ по себѣ въ Лѣтописяхъ не оставившее? Есть однако же довольно вѣроятныя, кажется, причины къ предположенію, что оно предшествовало учрежденію Монархіи.

1. Куна, какъ ходячая монета, встрѣчается въ Лѣтописяхъ не прежде какъ въ 1018 году; но слово, Куны, въ смыслѣ нынѣшняго нашего, деньги, то есть, общее названіе ходячихъ монетъ, находимъ уже въ 980 году, въ первый годъ государствованія В. К. Владиміра Святославича: доказательство, что ходячія монеты до него уже существовали.

2. Въ договорѣ В. К. Олега съ Греками въ 912 году, опредѣляются пени за преступленія по закону Русскому. Мы не знаемъ законовъ его времени, но вѣроятно, что они были одинаковы съ законами Ярослава, извѣстными намъ подъ названіемъ Русской Правды, въ которой пени опредѣляются гривнами, и другими монетами, части гривны означавшими, что безъ сомнѣнія и необходимо для различенія мѣры преступленій: по сему можно, кажется, безошибочно полагать, что ходячія монеты существовали уже во времена Олеговы, и даже въ началѣ его Княженія; ибо въ 882 году дань, наложенная симъ Княземъ на подвластные ему народы, опредѣляется Гривнами. Извѣстно, что Гривна была монета числительная, означавшая цѣну 48 золотниковъ серебра. Но такой цѣны, даже и ходячая монета принесла бы мало пользы торговлѣ, особенно внутренней, мелочной, еслибы не было другихъ ходячихъ монетъ различной цѣны, ее размѣнивающихъ; а условная была бы уже совершенно безполезною вещью безъ ходячихъ монетъ, которыя представляли бы различныя части ея цѣны.

3. Учрежденіе ходячей монеты, которой употребленіе, столь выгодное для

торговли, дотолѣ не было еще извѣстно, есть происшествіе весьма важное въ Государствѣ, которое долго сохраняется въ памяти народа; а потому и не думаю, чтобы можно было приписать оное Олегу, въ первые два года его Княженія, нижé предшественнику его Рюрику: ибо Несторъ, жившій довольно еще близко къ симъ временамъ, и ревностно старавшійся собирать всѣ о нихъ извѣстія, могъ бы, безъ сомнѣнія, узнать, если не точно уже годъ учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, имя Князя, при которомъ оно случилось; но онъ ни слова не говоритъ о томъ. Его молчаніе почитаю сильнымъ доказательствомъ, что оно принадлежитъ къ временамъ предшествовавшимъ, и вѣроятно задолго, учрежденію Монархіи.

Предки наши, Славяне, я говорю здѣсь только о Новгородской области, колыбели Россійской Монархіи, мало еще знакомые съ выгодами образованности, мало знакомы были и съ нуждами. Небольшое число ихъ житейскихъ потребностей легко удовлетворяемо было главнѣйшимъ ихъ промысломъ, звѣроловствомъ. На звѣриныя шкуры могли они вымѣнивать все для нихъ необходимое, и онѣ, въ особенности же,

кажется, куньи, служили имъ посредствующимъ примѣнахъ товаромъ и оцѣнкою всѣхъ вещей: а потому въ монетахъ они и не имѣли нужды. Но по времени, торговля съ иностранцами познакомила ихъ съ дорогими металлами, которыми сіи послѣдніе должны были доплачивать имъ за излишне вымѣниваемые у нихъ товары, противъ количества своихъ, которое могли доставлять имъ сообразно съ ихъ нуждами: ибо, вначалѣ, не каждое произведеніе утонченной образованности могло казаться нужнымъ для Славянъ. Иностранцы оцѣнивали всѣ вещи примѣненіемъ къ цѣнѣ дорогихъ металловъ: при торгѣ съ ними и Славяне приняли серебро за посредствующій при мѣнахъ товаръ, отъ которыхъ заимствовали для дорогихъ металловъ и вѣсъ гривны своей, равный ихъ маркѣ; но вначалѣ, только при торгѣ съ ними, а для внутренней торговли посредствующимъ товаромъ оставались по прежнему звѣриныя шкуры. Съ усиленіемъ же торговли съ иностранцами, которые охотно вымѣнивали звѣриныя шкуры, составлявшія, можетъ быть, важнѣйшую отрасль оной, могли встрѣчаться такія времена, въ которыя весь запасъ годоваго ихъ промысла могъ быть про-

данъ и вывезенъ: тогда ихъ внутренняя торговля, необходимѣйшая для каждаго общества, должна была неминуемо страдать отъ недостатка посредствующаго для мѣны повара, который не могъ быть и вознагражденъ прежде наступленія удобнаго времени для звѣроловства.

Для избѣжанія сего неудобства, правительство Новгородское, имѣвшее уже случай узнать отъ иностранцевъ выгоды обращенія ходячей монеты, и видѣвшее притомъ, что серебро дѣлалось уже и во внутренней торговлѣ преимущественно посредствующимъ поваромъ, которымъ оцѣнивались всѣ вещи, а шкуры звѣриныя обратились уже нѣкоторымъ образомъ въ размѣнную, и по весьма неудобную для сего, монету, рѣшилось учредить свою собственную ходячую монету; но по недостатку ли еще въ металлахъ, которые, за неимѣніемъ своихъ собственныхъ, должно было вымѣнивать у иностранцевъ, отъ чего Новгородская торговля могла бы подвергнуться большой зависимости отъ иностранной; или, можетъ быть, по дороговизнѣ оныхъ въ сравненіи съ дешевизною первыхъ жизненныхъ потребностей, учредило только услов-

ную, которая, хотя собственно сама по себѣ никакой цѣны не имѣла, но по согласію всего народа, безъ котораго въ народномъ правительствѣ ничего не дѣлается, присвоенною ей условною цѣною, представляя вообразительно опредѣленныя части гривны серебра, оную размѣнивала, и тѣмъ, облегчая ходъ внутренней торговли, приносила неоспоримо выгоду всему обществу.

Таково было, по мнѣнію моему, происхожденіе древней нашей условной монеты, которое, по сему предположенію, должно относиться къ временамъ перваго знакомства Новгородцевъ съ Варягами, обложившими ихъ данью, но съ тѣмъ вмѣстѣ открывшими имъ и пути къ обширнѣйшей торговлѣ.

Въ началѣ разсматриваемаго нами періода, находимъ во всѣхъ до насъ дошедшихъ письменныхъ памятникахъ четыре названія ходячихъ монетъ: *Куна*, *Вѣкошь*, *Ногата* и *Рѣзана*, которыя сохранились въ употребленіи до самаго конца періода. Въ послѣдствіи же, въ XIV уже столѣтіи и позже, встрѣчаются еще нѣкоторыя названія, какъ-то: *Долгія*, *Мордка*, *обѣушная Мордка* и

бѣльи Лобки; но какъ сіи названія были только или частными, временными названіями одной изъ вышеупомянутыхъ, или монетъ, употребляемыхъ только мѣстно въ одномъ городѣ: то, хотя ниже предложу и о нихъ мое мнѣніе, но прежде главное вниманіе обратимъ на первыя четыре, какъ составляющія истинную монетную систему тѣхъ временъ.

До появленія въ свѣтъ Карамзина Исторіи Государства Россійскаго, опредѣленіе цѣны симъ монетамъ было не что иное, какъ простыя догадки: каждый назначалъ старшинство монетъ и цѣну ихъ по своему соображенію, не опираясь ни на какія историческія указанія. Въ одномъ только всѣ согласны были, и это казалось историческою истиною: что старшая изъ ходячихъ монетъ была Куна; потому что по ней всѣ ходячія монеты вообще назывались Кунами. Карамзинъ, первый, открылъ истинную цѣну двухъ монетъ, Ногаты и Рѣзаны. Въ Гривнѣ считалось 20 Ногатъ и 50 Рѣзанъ.

Открытіе весьма важное для нашей Нумизматики! Оно хотя и не представляетъ еще въ полной ясности

всего древняго монетосчисленія, но весьма уже облегчаетъ возможность къ тому, служа твердымъ основаніемъ къ продолженію дальнѣйшихъ разысканій.

Вѣрность вычисленій, изъ которыхъ заимствовано извѣстіе о цѣнѣ двухъ монетъ, не можетъ быть подвержена ни малѣйшему сомнѣнію; но спрашиваю: 1) отъ чего писавшій сіи вычисленія, служащія послѣдствіемъ статьи о рѣзоимствѣ изъ Русской Правды, называетъ по обыкновенію ходячія монеты Кунами, а считаетъ только Ногатами и Рѣзанами, тогда какъ въ Русской Правдѣ употребительнѣйшая, или лучше сказать, единственная монета для означенія частей Гривны, есть неоспоримо Куна, а по ней, для означенія уже ея частей, Вѣкошь; Ногата же и Рѣзана, хотя также встрѣчаются въ ней, но рѣдко, и всегда отдѣльно?

2) Мы видѣли выше, что изъ ходячихъ монетъ, по весьма основательной причинѣ, старшею почиталась Куна. Хотя мы доселѣ еще и не знаемъ вѣрно ея цѣны, но по всѣмъ соображеніямъ явно, что въ гривнѣ считалось болѣе 20 Кунъ: слѣдовательно, стар-

шая была Ногата: отъ чего же всѣ монеты вообще прозваны Кунами? и 3) въ Ногатѣ считалось $2\frac{1}{2}$ Рѣзаны: какая нужда могла заставить употребить дроби при назначеніи цѣны новоучреждаемой монетѣ?

Для рѣшенія сихъ вопросовъ, должно обратиться къ первоначальному учрежденію условной монеты, предшествовавшему, какъ выше сказано, учрежденію Монархіи, составившейся не изъ однихъ Славянъ Новгородскихъ, но изъ разныхъ народовъ. Каждый изъ нихъ, совершенно одинъ отъ другаго не зависѣвшій, пользовался полнымъ правомъ распоряжать по своей волѣ всѣмъ, до внутренняго правленія касающимся: слѣдовательно пользовался правомъ дѣлать для себя и монету, по своему произволу. Не буду утверждать, чтобы каждый имѣлъ непремѣнно свою особенную; напротивъ, нѣкоторые, можетъ быть, ея со всѣмъ не имѣли; другіе дѣлали ее по образцу тѣхъ, которыя видѣли у своего сосѣда; но были безъ сомнѣнія и такіе, которые дѣйствительно имѣли свою собственную, совершенно отличную отъ Новгородской и видомъ и цѣною. Таковою почитаю я Ногату, принадлежавшую Кривичамъ,

и въ особенности, можетъ быть, городу Полоцку, какъ ближайшему и болѣе другихъ сношенія имѣвшему съ Ливами, у которыхъ Бременскіе купцы нашли ее. По учрежденіи Монархіи, народы, вошедшіе въ составъ оной, и послѣ того къ ней присоединяемые, не лишались, вѣроятно, прежняго права, дѣлать для себя монету, права, сохранившагося и при употребленіи серебряной уже монеты; а потому каждый народъ и продолжалъ пользоваться исключительно своими собственными монетами. Но по времени, когда связи между ими, посредствомъ единодержавія и торговли, начали дѣлаться тѣснѣе, тогда и монеты ихъ начали входить въ употребленіе и въ другихъ областяхъ; словомъ: сдѣлались наконецъ общими монетами всей Россіи. Каждая однакоже монета сохранила и во всеобщемъ употребленіи свое названіе и свою условную цѣну безъ малѣйшей перемѣны. — Такимъ только образомъ, думаю, можетъ объяснена быть причина, отъ чего въ цѣнѣ монетъ, въ отношеніи однѣхъ къ другимъ, произошли дроби; равно какъ и то, почему ходячія монеты прозваны Кунами, а не Ногатами: Куна и Вѣкошь были коренныя монеты Новгородскія, по учреж-

денію современныя, но по цѣнѣ Куна была старшая; таковою же перешла она и въ Кіевъ съ Новгородскими Князьями, онымъ овладѣвшими, и своимъ названіемъ означала вообще ходячія монеты. Ногата же, войдя въ общее употребленіе уже по времени, хотя первобытной цѣны своей и не потеряла, и была дороже Куны, но должна уже была уступить ей, какъ коренной старшей монетѣ, преимущество: дать свое прозваніе вообще ходячимъ монетамъ.

Какая же монета была Рѣзана? истинно коренная Новгородская, но не особенная, а таже самая Куна, только подъ другимъ названіемъ. Правительство Новгородское, вознамѣрясь учредить условную монету, чувствовало, что цѣна ея можетъ существовать при общей только къ ней довѣренности народа, и хотя оно имѣло всѣ причины надѣяться, что общая, всѣхъ и каждаго угнетающая нужда въ размѣнной монетѣ необходимо произведетъ сію довѣренность, но желало еще болѣе утвердить оную приноровленіемъ новоучреждаемой монеты, сколько возможно, къ стариннымъ привычкамъ народа, который, изобилуя куньими шкурками, уплачивалъ ими свои повинности;

на нихъ вымѣнивалъ все для себя нужное; словомъ: привыкъ цѣны всѣхъ вещей примѣнять въ цѣнѣ сихъ звѣрей; а потому и опредѣлило: монеты дѣлать изъ кожъ куньихъ; цѣну имъ назначить сообразную съ цѣною куницъ, и даже назвать оныя по имени ихъ Кунами. Народъ, увѣренный въ необходимости размѣнной монеты, охотно принялъ ее подъ тѣмъ названіемъ, которое дано ей отъ правительства; но между себя, для отличія отъ цѣлой шкурки, прозвалъ ее *Рѣзаною*, по производству отъ глагола, *рѣзать*, какъ того дѣйствія, отъ котораго она получила свое существованіе. Сіе производство словъ, съ моей стороны, есть только догадка, слѣдствіе, а не вина моего предположенія, что Куна и Рѣзана были почно одна и та же монета: въ истинѣ сего я убѣждаюсь слѣдующимъ:

1. Въ спискѣ Русской Правды, находящемся въ Новгородской Лѣтописи, слово *Рѣзана* употребляется вездѣ тамъ, гдѣ въ другихъ спискахъ говорится *Куна*. Сего не возможно приписать ошибкѣ переписчика: ошибиться можно въ одномъ, въ двухъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но постоянное употреб-

леніе одного слова вмѣсто другаго, ясно свидѣтельствуетъ, что онѣ почитались равнозначущими, и что переписчикъ, Новгородецъ, привыкшій къ общеупотребительному въ народѣ слову, Рѣзана, предпочтительно ставилъ его вездѣ въ спискѣ своемъ вмѣсто Куны. Потому же точно и писавшій вычисленія, о которыхъ говорено выше, считалъ Рѣзанами.

2. Татищевъ, первый, изъ занимавшихся объясненіемъ Русской Правды, вначалѣ наугадъ опредѣлилъ цѣну всѣмъ монетамъ; но наконецъ рѣшительно признался (*), что онъ не знаетъ, сколько считалось въ Гривнѣ Ногатъ и Рѣзанъ, но Кунъ 50. Жаль, что онъ не указалъ на историческіе источники, изъ которыхъ почерпнулъ сію истину, отъ чего она казалась простою только догадкою, не заслужившею вниманія писавшихъ послѣ него о семъ предметѣ. Истину, говорю потому, что въ Русской Правдѣ опредѣлена пеня за покражу скота 3 Гривны и 30 Кунъ: слѣдовательно въ Гривнѣ считалось болѣе 30

(*) Лекс. Рус. Ист. Геогр. Полит. и Гражд. Ч. II, стр. 133.

Кунъ. Въ Русской же Правдѣ находимъ всѣ десятеричныя числа Кунъ отъ 10 до 90, исключая 50, то есть, истиннаго количества Кунъ, составлявшихъ Гривну; ибо тогда переставали уже считать Кунами, а говорили: Гривна. Но исторически уже доказано, что въ Гривнѣ считалось и Рѣзанъ 50: слѣдовательно Куна и Рѣзана были неоспоримо одна и та же монета.

По сему предположенію, общее монетосчисленіе въ Россіи, въ продолженіе перваго періода, состояло изъ 4хъ монетъ: одной числительной, Гривны, и 3хъ ходячихъ: Ногаты, Куны или Рѣзаны, и Вѣкоши, которыхъ взаимное содержаніе было слѣдующее: въ Гривнѣ 20 Ногатъ; въ Ногатѣ $2\frac{1}{2}$ Куны или Рѣзаны; въ Кунѣ 18 Вѣкошей; то есть, при учрежденіи условной монеты, Ногата представляла цѣну 2хъ золотниковъ и 28 грановъ; Куна 67 грановъ; а Вѣкошь 3 и $\frac{2}{3}$ съ небольшимъ грана чистаго серебра.

Цѣна первыхъ двухъ монетъ, Ногаты и Куны, есть историческая уже истина, не требующая доказательствъ; но цѣна Вѣкоши опредѣлена мною по слѣдующимъ причинамъ. По словамъ Русской Правды: „аще будетъ вира

въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкошей", явно, что въ Кунѣ считалось болѣе 12 Вѣкошей; въ Договорахъ же сказано: Смоленскаго Князя съ Ригою: „платить вѣсцу съ двухъ капей куну;" а въ Готландскомъ съ Новгородомъ: „съ одной капи 9 вѣкошей;" слѣдовательно Куна равна 18 Вѣкошамъ. Заключеніе о цѣнѣ Вѣкошей вывожу хотя изъ договоровъ различныхъ городовъ, тѣмъ не менѣе почитаю его основательнымъ. Цѣна Кунъ, въ отношеніи къ серебру, могла быть не одинакова въ разныхъ городахъ по обстоятельствамъ торговли и другимъ причинамъ; но взаимное Кунъ между собою содержаніе было, безъ сомнѣнія, вездѣ и всегда одинаково.

Остается сказать о прочихъ монетахъ, названія которыхъ были выше упомянуты:

Долгья была исключительно Новгородская монета, потому что сіе названіе встрѣчается только въ Новгородскихъ Грамотахъ, и была совершенно одна и таже съ Куною, только, подобно Рѣзанѣ, подъ другимъ названіемъ, даннымъ ей вѣроятно по ея продолговатой формѣ: ибо въ 3хъ грамотахъ 1305 года сказано *Долгьи*, а въ четвертой

тогоже времени и одинакаго содержанія, вмѣсто *Долгѣи*, сказано *Куны*. По уставу Новгородскаго Князя Святослава Ольговича, 1137 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: »уставилъ есмъ Св. Софіи, ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ Кунъ, иже »выдаваетъ Доможиричь изъ Онѣги;« можно заключать, что монеты дѣлались не всегда одинакой наружности.

Мордка не есть также особенная монета. Лѣтописи называютъ Мордками Куны, что подтверждается и договоромъ Готландцевъ съ Новгородомъ, въ которомъ сказано: »гости должны »дать каждому высланному къ нимъ ло»дошнику 8 Кунъ или Мордокъ.« Сомнѣваюсь однако же, чтобы монеты дѣлались именно изъ однѣхъ только Мордокъ, и думаю, что слово сіе произошло едва ли не отъ Нѣмецкаго названія Куницы, *Marder*.

Въ Грамотахъ XIV столѣтія встрѣчается новое, прежде неизвѣстное названіе монеты, *обѣушная мордка*, о которой ничего болѣе сказать не возможно, кромѣ догадки: не означала ли она двойной цѣны Куну? По крайней мѣрѣ,

не принадлежитъ она къ первоначальнымъ кореннымъ монетамъ перваго періода: ибо въ началѣ онаго подобной монеты не находимъ.

Наконецъ послѣдняя монета, о которой упоминается въ Никоновскомъ спискѣ, *бѣльи Лобки*, если она дѣйствительно и существовала, то не принадлежитъ къ монетамъ перваго періода, обращавшимся въ Россіи подъ названіемъ Кунъ: ибо является въ Новгородѣ въ 1410 году, по уничтоженіи оныхъ. Мнѣніе Карамзина, что Лобками названы не Любскіе ли Пфеннинги, ходившіе вмѣстѣ съ Аршугами въ Ливоніи, кажется мнѣ весьма основательнымъ, тѣмъ болѣе, что въ Новгородской Лѣтописи ихъ и не называютъ бѣльими, а просто Лобци.

Въ заключеніе долженъ слѣдовать вопросъ, весьма важный для исторіи нашей Нумизматики, и весьма затруднительный для рѣшительнаго отвѣта: когда прекратилось употребленіе Кунъ въ Россіи? Мы знаемъ по Лѣтописямъ, что онѣ властію Правительства уничтожены въ Новгородѣ въ 1410 году, во Псковѣ въ 1424; о другихъ же Княжествахъ, Россію составлявшихъ, от-

носительно къ сему вопросу, не имѣемъ никакихъ извѣстій; но вѣроятно, что употребленіе Кунъ прекратилось въ оныхъ несравненно ранѣе, и безъ сомнѣнія не позже, какъ въ началѣ XIV столѣтія, потому что съ 1320 годовъ Лѣтописи совершенно перестаютъ считать оными, хотя и не сказываютъ объ ихъ уничтоженіи: почему и думаю, что время, когда прекратилось употребленіе Кунъ въ Московскомъ и другихъ Княжествахъ, можетъ объяснено быть, если и не точно, то, по крайней мѣрѣ, весьма приблизительно, только при разъисканіи, когда началось въ Княжествахъ употребленіе металлическихъ монетъ, съ появленіемъ которыхъ, вѣроятно, прекратилось дѣло вновь условныхъ монетъ, и онѣ мало помалу изъ обращенія исчезали, не бывъ однако же именно уничтожены закономъ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, отъ чего и Лѣтописцы не могли опредѣлить точнаго времени ихъ уничтоженія. Впрочемъ названія условныхъ монетъ встрѣчаются еще иногда въ Грамотахъ, даже В. К. Дмитрія Іоанновича Донскаго; но сіе должно приписать уже необходимости сношеній съ двумя важнѣйшими по торговлѣ городами, Новгородомъ и Псковомъ, въ которыхъ

употребленіе Кунъ продолжалось еще и въ его время, и которые хотя расплачивались серебромъ, однакожъ считались, вѣроятно, упорствовали по старинному, Кунами.

Иванъ Бекетовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ЗА СВЯТОПОЛКА.

Россія въ первые шестьсотъ лѣтъ своего бытія была театромъ междоусобныхъ войнъ между удѣльными Князьями. Сынъ шелъ на отца, отецъ на сына, братъ на брата: узы крови ни мало не уважались сими дикарями, какъ и современниками ихъ по всей Европѣ, и только слѣпая алчность къ корысти, излишекъ физической силы управляли ихъ дѣйствіями: такъ Олегъ умертвилъ Аскольда и Дира, желая завладѣть ихъ городомъ, Ярополкъ убилъ брата Олега съ тою же цѣлію, Владимиръ Ярополка, Ярославъ пошелъ-было войною на отца своего Владимира, Мстиславъ, братъ его, сражался съ нимъ, а послѣ него начинаются уже безпрерывныя кровопролитія между родными Князьями Русскими до самаго Іоанна III, то есть до половины XV столѣтія. И такъ ихъ жестокость и кровожадность можно назвать пороками, или лучше свойствами вѣка, всего народа, только-что выходившаго изъ состоянія дикости, а не ихъ собственными, личными.

За что же проклинается у насъ преимущественно Святополкъ, велѣвшій умертвить своихъ двоюродныхъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава? Его поступокъ есть самое обыкновенное явленіе въ Исторіи того времени, за которое онъ долженъ отвѣчать потомству, по крайней мѣрѣ наровнѣ со всѣми своими современниками. За что же онъ несетъ лишнее наказаніе? Причина очень ясная. Борисъ и Глѣбъ, несчастныя жертвы обстоятельствъ и времени, ознаменованныя небесной благодатію за свои добродѣтели, сіявшія въ мракѣ варварства, за мученическую смерть, были причтены церковію нашею къ лику Святыхъ; убіеніе ихъ должно было казаться для лѣтописателей, набожныхъ но вмѣстѣ мало образованныхъ монаховъ, преступленіемъ сверхъестественнымъ, превышающимъ мѣру всѣхъ обыкновенныхъ преступленій, и они излили все свое негодованіе на память убійцы, изобразивъ его дѣйствія самыми черными и отвратительными красками.

Мы не станемъ обвинять ихъ въ пристрастіи, уважимъ ихъ правый гнѣвъ, и согласимся, что они не могли смотрѣть на это происшествіе съ другой

почки, то есть не могли отдѣлить въ своемъ понятіи Святополка отъ Святыхъ Бориса и Глѣба; но съ другой стороны согласимся, что позднѣйшіе Историки должны быть внимательнѣе и осторожнѣе, и тщательно различать vitia hominis et vitia saeculi, и пожелаемъ, чтобъ въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ сняты были личныя укоризны съ Святополкова имени. Это желаніе имѣмъ справедливѣе, что вникнувъ глубже въ обстоятельства того времени, разсмотрѣвъ внимательно побочныя происшествія, мы увидимъ, что Святополкъ не только былъ равенъ преступленіями съ своими современниками: Олегомъ, Ярополкомъ, Ярославомъ, но еще легче можетъ оправдываться, нежели они.

По древнему обычаю нашихъ Князей, имѣвшему силу въ первыя времена, когда они еще не размножились, не сынъ отцу, а братъ или вообще старшій въ родѣ былъ преемникомъ. Такъ послѣ Изяслава вступилъ на престолъ братъ Всеволодъ, а не сынъ Святополкъ-Михаилъ, наслѣдовавшій въ свою очередь послѣ Всеволода мимо его сыновей, и т. д. — Слѣдовательно Святополкъ, сынъ старшаго сына Святославова, Яро-

полка, имѣлъ неоспоримое право на Кіевъ, и потому напрасно Исторіографъ называетъ его похитителемъ престола, и говоритъ (И. Г. Р., II, с. 6) что: »обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею.« Престолъ принадлежалъ ему по праву, и не былъ похищенъ имъ. Противъ мнѣній Исторіографа представлю самаго вѣрнаго свидѣтеля — Святаго Бориса. Вотъ что отвѣчалъ онъ сподвижникамъ, которые по полученіи въ походѣ извѣстія о смерти Владимировой, совѣтовали ему идти въ Кіевъ и овладѣть престоломъ: »могу ли поднять руку на брата старѣйшаго! Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцемъ.« Ясно ли, что сами братья не сомнѣвались въ его правѣ?

Между тѣмъ Святополка, кажется, не любили: Исторіографъ говоритъ, описавъ смерть Владимира Святаго (И. Г. Р., I, с. 230): »Святополкъ, усыновленный племянникъ Владимира, находился въ столицѣ; боясь его властолюбія, придворные хотѣли утаить кончину Великаго Князя, вѣроятно для того, чтобъ дать время сыну его Борису возвратиться въ Кіевъ.« — Бори-

су, какъ мы видѣли прежде, то же совѣтовала дружина. — И такъ Святополкъ рѣшился на убійства, почти вынужденный, среди заговоровъ противъ себя, которые были столько гласны и общи, что, видно, дошли до его свѣдѣнія. Опасаясь потерять собственность, по всѣмъ правамъ ему принадлежавшую, престолъ Кіевскій, онъ не столько нападалъ, сколько защищался, стараясь убійствами утвердиться на своемъ престолѣ, и слѣдовательно не только равенъ, повторяю, преступленіями многимъ своимъ современникамъ, Олегамъ, Ярополкамъ, Ярославамъ, но еще легче можетъ оправдываться обстоятельствами, нежели они.

Въ сихъ замѣчаніяхъ своихъ за Святополка, давно мною написанныхъ и давно также прочтенныхъ въ Обществѣ, я имѣлъ удовольствіе сойтися съ Г. Евромъ (см. его Das aelteste Recht der Russen). Я не напечаталъ бы ихъ, еслибъ сочиненіе Дерптскаго Профессора было извѣстно на Русскомъ языкѣ. — Кромѣ нѣкоторыхъ доводовъ, у меня находящихся, у него есть другіе :

Въ убійствѣ Бориса, Глѣба и Святослава Эверсъ видитъ совершеніе Святополкомъ кровавой мести за убіеніе отца его Ярополка отцемъ Святыхъ Му-

ченикъвъ, Владимиромъ, — по коренному обычаю того времени. — Это также можетъ быть.

Къ числу правъ Святополка онъ причисляетъ и то, что сей Князь былъ усыновленъ Владимиромъ, и слѣдовательно былъ старшимъ между братьями, кромѣ того, что происходилъ отъ старшей линіи.

Доказательство, что право Святополково было признаваемо въ то время, онъ видитъ еще въ томъ, что онъ ни гдѣ не нашелъ сопротивленія; народъ безпрекословно спалъ повиноваться ему, какъ законному своему Государю, и не пошелъ на него съ Ярославомъ, которому помогали только наемники и Новогородцы. (Но народъ не могъ оставить Святополка, ибо онъ захватилъ въ свои руки власть, и слѣдовательно могъ принудить насильно повиноваться себѣ, — такъ Кіевляне повиновались Аскольду и Диру, а послѣ убійцѣ ихъ Олегу). — Точно то же должно сказать и о покорности Вышегородскихъ Бояръ, при убіеніи Борисовомъ, которую Эверсъ также причисляетъ къ доказательствамъ.

Въ объясненіе заговора Эверсъ говоритъ: „отецъ Святославовъ (Ярополкъ) былъ свергнутъ съ престола очевидно не безъ помощи многихъ Вельможъ, облагодѣтельствованныхъ Владимиромъ. Всѣ они за себя и за свои семейства должны были опасаться мести Святополковой.“ — Нѣтъ. Это слишкомъ далеко: Святополкъ вступилъ на престолъ чрезъ 35 лѣтъ послѣ умерщвленія своего отца, слѣдовательно такихъ враговъ его, можетъ быть, и не оставалось, еслибы они и были; притомъ онъ могъ и не знать ихъ, ибо послѣ Ярополка оставался еще въ утробѣ матерней; всѣ дѣла тогда дѣлались гораздо проще и посредники были рѣдки.

Касательно ненависти Лѣтописателей къ Святополку Эверсъ говоритъ (231), что сіи монахи видѣли въ Святополкѣ опасность, угрожавшую церкви, и потому нападали на него съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. — Нѣтъ, это яснее: никакая опасность не угрожала церкви отъ Святополка, а еслибы была оная, то лѣтописатели не упустили бы вооружиться за нее. Напротивъ, у нихъ нѣтъ даже намѣка. — Для ихъ ненависти достаточно было причины предложенной выше.

Погодинъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ПЕРВОМЪ ВЪ РОССІИ КАНЦЛЕРѢ БОЯРИНѢ АѲАНАСІѢ ЛАВРЕНТЬЕВИЧѢ ОРДЫНѢ-НАЩОКИНѢ.

Всякое благоустроенное Государство, какъ бы рѣдки ни были сношенія его съ другими сосѣдними народами, имѣло всегда и нарочныхъ чиновниковъ для сихъ сношеній и особенныя вѣдомства для дѣлъ чужеземныхъ. Въ Россіи, до учрежденія Посольскаго Приказа, главными распоряженіями при отправленіи и пріемѣ Посольствъ, также при перепискѣ съ иностранными Владѣтелями, озабочивались сами Великіе Князья съ помощію приближенныхъ Бояръ и опытныхъ совѣтниковъ; но подробная исполнительность по части сей обыкновенно возлагаема была на Думныхъ Дьяковъ. Старшій изъ нихъ, въ званіи Печатника, нашивалъ Государеву печать, привѣшенную на шеѣ. Чужеземные Послы оказывали такое уваженіе къ симъ Дьякамъ, что величали ихъ Канцлерами.

Россійское дворянство изстари предпочитало воинскую службу дѣламъ пись-

меннымъ и въ угрожающихъ Отечеству бѣдствіяхъ охотно стремилось на ратное поле съ пролитіемъ своей крови одержать побѣду надъ непріятелемъ, не озабочиваясь во дни мира и тишины продолжительнымъ ученіемъ и книгочетствомъ. Дѣловые люди изъ средняго состоянія воспитывались въ Монастыряхъ. Научась тамъ Россійской только грамотѣ и писать, они изъ приказныхъ служителей выслуживались въ Дьяки, потомъ пріобрѣтали опытъ навыка достаточныя въ Политикѣ свѣдѣнія и дѣлались совершенно необходимыми для Государственнаго письмоводства. Въ старину говаривали: *какъ помыслитъ Дьякъ, то и быть дѣлу такъ.*

Нѣкоторые изъ прежнихъ Печатниковъ и Дьяковъ Царскихъ славились отличными дарованіями. У Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго былъ Печатникомъ отецъ его духовный, Протопопъ Митяй, блистательными своими качествами и неограниченною къ нему довѣренностію Государя по лѣтописямъ извѣстный.

У единовластителя Великаго Князя Іоанна Васильевича былъ Печатникомъ Грекъ Юрій Дмитріевъ Траханіо-

повъ, который присланъ былъ отъ Кардинала Виссаріона съ предложеніями Государю въ супружество Греческой Царевны Софіи Ѳоминичны, и оставшись въ службѣ Россійской, неоднократно ѣздилъ въ качествѣ полномочнаго Посла къ Цесарю Фридерику III и Римскому Королю Максимиліану съ важнѣйшими порученіями.

У Царя Іоанна Васильевича были въ великой милости безпрерывно одиннадцать лѣтъ управлявшіе Посольскимъ приказомъ Дьяки два брата, Андрей и Василій Щелкаловы. Смѣпливою осторожностію они оба удержались въ званіи своемъ до кончины Грознаго Государя. При вступленіи на престолъ Царя Ѳеодора Іоанновича, получили они названіе *Ближнихъ большихъ Дьяковъ Посольскихъ.* Василій Яковлевичь Щелкаловъ въ 1595 году пожалованъ былъ въ Печатники; а Лже-Димитрій произвелъ его въ Окольничіе; ибо сей похититель Престола ссылался на обоихъ Щелкаловыхъ, будтобъ они спасли его отъ убіенія въ Угличѣ, подмѣнивъ на мѣсто его другаго мальчика. — При Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ, помощникомъ Щелкалова былъ Дьякъ Аѳанасій Влась-

евъ, также съ великими способностями для дипломатической службы.

Царь Мхаилъ Ѳеодоровичь имѣлъ при себѣ умнаго и въ Политикѣ свѣдущаго Думнаго Дьяка, Ивана Тарасьевича Грамотина, который шесть лѣтъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ и находился въ особенной милости у Государя. Зависть не могла опорочить свѣдѣній Грамотина въ производствѣ дѣлъ, но имѣла довольно силы разрушить благосостояніе его и погубила чиновника, Государству полезнаго. Подкинуто было во Дворцѣ безъименное письмо, будтобъ Грамотинъ сперва самъ носилъ волшебный перстень, а потомъ отдалъ его бывшему тогда еще Стольникомъ Ильѣ Даниловичу Милославскому. При вопрошеніи Грамотина о сей нелѣпости, онъ отвѣтами своими прогнѣвилъ Патріарха Филарета Никитича, за что подвергся опалѣ, сосланъ былъ въ Алапырь и содержался тамъ подъ строгою стражею. Всѣ добрые люди жалѣли о немъ. Самъ Царь, изъ угожденія токмо волѣ родителя своего, попустилъ страдать невинному; ибо вскорѣ, послѣ кончины Святѣйшаго, принялъ его въ прежнюю милость, приказалъ выдать ему Государственную печать, пожаловалъ

его въ Думные Дворяне и удовольль помѣстнымъ и денежнымъ окладами. Но шестимѣсячнее страданіе привело въ изнеможеніе тѣлесныя его силы. Онъ скоро умеръ.

Въ первые годы Царствованія Алексѣя Михайловича Посольскаго Приказа Думный Дьякъ Назарій Чистовъ, подавшій поводъ мздоимствомъ своимъ къ народному въ Москвѣ волненію и позорно мятежниками умерщвленный, хотя и замѣненъ былъ Печатникомъ Алмазомъ Ивановымъ, человѣкомъ смышленымъ, но безнравственнымъ.

Впослѣдствіи опытъ доказалъ Царю, что Дьяки при всѣхъ способностяхъ своихъ, не могши имѣть надлежащей для занимаемаго ими мѣста значительности, часто въ дѣлахъ не пользою Государственною руководствовались, а снаровкою и угодливостію приближеннымъ Боярамъ, снискивая себѣ ихъ покровительство. Съ приращеніемъ знаменитости, которую Россія пріобрѣла уже тогда въ Европѣ, необходимо было для умножившихся сношеній учредить, по примѣру другихъ Государствъ, при дворѣ Царскомъ новый чинъ Хранителя Государственной печа-

ти и вѣрить сіе званіе заслуженному и опытному въ Политикѣ вельможѣ, подъ управленіемъ котораго производились бы всѣ дѣла, касающіяся до посольствъ и переписокъ съ иностранными Державами. Въ 1667 году Іюля 15, Царь Алексѣй Михайловичь облекъ въ сіе достоинство Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина и, подчинивъ ему двухъ Думныхъ Дьяковъ Герасима Дохтурова и Лукьяна Голосова, повелѣлъ ему управлять Государственнымъ Посольскимъ Приказомъ.

Отецъ перваго въ Россіи Канцлера, или Хранителя Государственной печати, былъ небогатый дворянинъ Псковскій. Онъ примѣрно воспиталъ своего сына, обучивъ его Латинскому и Нѣмецкому языкамъ и Математикѣ. Такая ученость, по тогдашнему времени, за рѣдкость между дворянствомъ почиталась. Аѳанасій Лаврентьевичь въ первый разъ употребленъ былъ къ Государственнымъ иностраннымъ дѣламъ въ 1642 году. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь отправилъ его тогда на Шведскій рубежъ для осмотра и поправленія по рѣкамъ Меузицѣ и Пижвѣ границъ, и для принятія, по силѣ Столбовскаго съ Королевою Христиною договора,

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Друю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Днѣпреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ Нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѕ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Друю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Дмитреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, спранныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а воромъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ Нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѳ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Дрю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Дмитреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ Нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѕ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Друю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Дмитреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ Нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѕ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Друю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Дмитреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ Нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѕ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

въ Россійское владѣніе, самовольно захваченныхъ Шведами, порубежныхъ земель.

Царь Алексѣй Михайловичь, въ 1656 году, опредѣлилъ его Воеводою въ Друю. По близости сего города къ Курляндіи, онъ довелъ благоразумными поступками своими Герцога Іакова вступить въ подданство Россіи, и заключивъ о томъ съ Курляндцами договоръ, въ десяти статьяхъ состоящій, прислалъ оный въ Москву, 30 Генваря 1658 года. За сію услугу онъ награжденъ былъ чиномъ Думнаго Дворянина. Похвальная Царская къ нему Грамота о семъ повышеніи едва ли не единственная для тѣхъ временъ: ибо доказываетъ уваженіе Государево не только къ усердной Отечеству службѣ, но и къ добродѣтелямъ Христіанскимъ.

Вмѣщаемъ здѣсь ее отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Царевичевъ Дмитреевъ Воеводѣ нашему Аѳанасью Лаврентьевичу Ардину-Нащо-

кину. Пожаловали Мы Великій Государь тебя Аѳанасья, за твои къ Намъ Великому Государю многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и Его Святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и Наше Великаго Государя крестное цѣлованіе исполняешь, Намъ Великому Государю служишь, о Нашихъ Великаго Государя дѣлѣхъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ Свѣйскаго Короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ, указали тебѣ быти въ Думныхъ Дворянѣхъ. И тебѣ бы, Думному Дворянину и Намѣстнику Шацкому Аѳанасью Лаврентьевичу, о Нашихъ Государскихъ дѣлѣхъ радѣть и выше прежнего; а служба твоя предъ Нами Великимъ Государемъ забвенна николи не будетъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ Нашихъ Царскихъ Палатахъ, лѣта зр҃ѯѕ году Апрѣля въ к҃и день.“

По доказаннымъ уже къ дипломатической службѣ способностямъ, Нащокинъ отправленъ былъ съ Бояриномъ Княземъ

воздержный, неутомимый въ дѣлахъ и благоговѣйный чтитель Коронованныхъ Главъ. Говоря о соединеніи Французовъ и Датчанъ съ Голландцами противъ Англіи, онъ изъяснилъ свое мнѣніе сими словами: — »*Удивляюсь, какъ эти два Короля такъ неблагоразумны, что отстаиваютъ и поддерживаютъ такихъ простолюдиновъ противъ Государя Англійскаго. Лучше бы имъ соединиться съ остальными Европейскими Королями и разрушить всѣ Республики, которыя не иное что̀, какъ матери ересей и возмущеній.*« — Онъ при мнѣ говорилъ, что Царь для собственныхъ выгодъ долженъ поддерживать дружественныя сношенія съ Англійскимъ Королемъ, преимущественно предъ всѣми другими Государями Христіанскими. Англичане имѣютъ въ немъ своего единственнаго Покровителя. Когда упрашивали его о впущеніи въ Москву Англійскихъ товаровъ; то показалъ онъ Лондонскій о смертности отчетъ, въ которомъ значилось, хотя и не много умершихъ отъ чумы. »*Какъ же намъ знать*, примолвилъ онъ, *не вывезены ли сюда товары и изъ зараженныхъ домовъ; а довольно одной лишь искры для зажженія цѣлаго куля съ угольями. У васъ странное обыкновеніе разглашать*

свои несчастія. Нищіе обнажаютъ свои раны, для того, чтобы возбудить состраданіе и получить помощь. Но кто объявляетъ о чумѣ, тотъ предостерегаетъ другихъ отъ всякихъ съ нимъ сношеній, подобно, какъ маяки ставятся, чтобы не подходили корабли къ берегу. Но что намъ Русскимъ за дѣло до иноземныхъ обыкновеній? Ихъ платья не по насъ, наши не по нихъ. . .“ Тутъ онъ вдругъ прекратилъ рѣчь свою, какъ будтобы высказалъ болѣе, нежели сколько сказать хотѣлъ. Изъ сего даже вы можете о немъ заключить, что онъ великій политикъ, весьма важный и мудрый Министръ въ Россійскомъ Государствѣ, и, можетъ быть, не ниже ниодного изъ Министровъ Европейскихъ.“

Твердость въ усердіи къ Царю и Отечеству не поколебалась никакими противоположностями завистниковъ и явныхъ враговъ Нащокина. Онъ первый далъ почувствовать всю важность тѣхъ обязанностей, которыя присоединены къ званію *Царственныя большія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегателя*, и проложилъ преемникамъ своимъ, Канцлерамъ, новую стезю къ возвеличенію Государства Россійскаго.

А. Малиновскій.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

No 1.

Дворцовая Записка о бытности у Царя Іоанна Васильевича *на аудіенціи Польскихъ Пословъ Иноврецлавскаго Воеводы Яна Скротошина, Каштеляна Минскаго Николая Тальваша, Старосты Рафаила Злѣшни и Секретаря Королевскаго Андрея Иванова, уполномоченныхъ отъ Пановъ радъ для предложенія Россійскому Государю короны Польской.*

1570, Іюня 10.

Іюня въ 1 день, въ субботу, были у Государя на дворѣ Литовскіе послы Янъ Скрашошинъ съ товарищи; а посыланы по нихъ приставы Ѳедецъ Нагово съ товарищи, а пріѣздъ ихъ и встрѣчи были по прежнему и шли мимо Благовѣщенье папершью.

А Царь и Великій Князь сидѣлъ въ Столовой брусяной избѣ.

А какъ вошли въ избу, и явилъ ихъ Царю и Великому Князю челомъ ударити околничій Василій Ивановичь Умного.

И Царь и Великій Князь велѣлъ посломъ сѣсти, и бояре имъ приподылися и послы боя-

ромъ на обѣ стороны поклонилися. И какъ послы сѣли,

И Царь и Великій Князь велѣлъ посломъ молвити печатнику Ивану Михайлову, чтобъ дворяномъ Королевскимъ велѣли изъ избы вонъ выйти.

И какъ дворяне Королевскіе изъ избы вышли,

И Царь и Великій Князь велѣлъ изъ избы выйти дворяномъ всѣмъ; а остатися велѣлъ бояромъ и околничимъ и приказнымъ людемъ, да дворяномъ тѣмъ, которые у Государя въ думѣ съ бояры живутъ.

И призвалъ Государь къ себѣ бояръ и околничихъ и приказныхъ людей и дворянъ думныхъ, да посломъ велѣлъ къ себѣ приступитися.

И говорилъ Государь посломъ: „Говорили ес„ше нашимъ бояромъ, Михайлу Яковличу да Ми„киѣ Романовичу съ товарищи, что хотите „намъ нѣкоторыя рѣчи изустне говорити; и бо„яре наши тѣ ваши рѣчи до насъ донесли, и „вы намъ изъявите, что ваши рѣчи?“

И говорилъ Янъ: „Милостивый Государю! „Государь нашъ милостивый Жигимонтъ Ав„густъ Король прислалъ насъ своихъ великихъ „пословъ къ тебѣ, брату своему, о доброй смо„вѣ на покой Хрестьянскій и о высвобожеиіи изъ „рукъ невѣрныхъ Хрестьяномъ и о вѣчномъ по-

„становеніи межи вами Государи, науку Госуда-„ря своего твоимъ бояромъ объвили есмя, и то „межи вами Государи не сталось; и говорили ес-„мя о постановеніи мирномъ до урочныхъ лѣтъ, „и науку Государя своего изъявили и писмо го-„родомъ и повѣтовъ рубежи бояромъ твоимъ да-„ли есмя, и тѣ дѣла межъ васъ Великихъ Го-„сударей не подѣлалижеся: а Государя нашего „обѣ рады тебѣ Великому Государю прихиляют-„ся и потомству твоему. А которыя рѣчи те-„бѣ Государю говорити намъ, и тыбъ, Великій „Государь, велѣлъ тѣ рѣчи передъ собою гово-„рити писарю Ондрею секретарю."

И Государь поволилъ имъ чести по ихъ те-трати, и челъ секретарь Ондрей Ивановъ; и какъ дошло въ тетрати до сей статьи:

Разумѣяи есмо тутожъ, милостивый Государю, же смѣли болшій на то смотрити, что ся вще дѣяти можетъ пришлого часу, и яко много доброго съ часомъ тебѣ и потомству твоему моглибъ принести пріязнь добрая зъ Его Королевскія милости Государемъ нашимъ, а милость и зычливость народу Полского и Литовского; але видимъ добре жито у тебе есть у легкой визе, чего зъ немалымъ жалемъ уживаемъ.

И Государь у тое статьи вспросилъ Яна Скратошина съ товарищи: „Чтоже бы вы намъ

„и нашему Государству могли принести прія-
„тельство доброе съ братомъ нашимъ, и что
„намъ и нашему потомству прибыль?“

И Янъ говорилъ: „Государь нашъ Жиги-
„монтъ Августъ Король, радивъ съ обѣма радами
„Коруны Полскія и Великого Княжства Литов-
„ского, и ввелъ ихъ посполъ въ единачество,
„и прирадивъ съ обѣма радами, насъ своихъ по-
„словъ прислалъ къ тебѣ, брату своему; и мы,
„по науку Государя своего, все то черезъ бояръ
„твоихъ объявили. А рада Государя нашего Ко-
„роны Полскія и Великого Княжства Литов-
„ского о томъ себѣ радили посполъ, что у Го-
„сударя нашего дѣтей нѣтъ; и доколѣ Госуда-
„рю нашему Богъ живота продлитъ, и мы во
„всемъ смотримъ на Государя нашего. А нѣчто
„Панъ Богъ милостиваго Государя нашего отъ
„сего свѣта поберетъ, и рады обѣ посполъ о
„томъ не мыслятъ, что имъ Государя себѣ взя-
„ти отъ бесерменскихъ, или отъ иншихъ зе-
„мель Государя; а жедаютъ того, чтобъ имъ
„Государя себѣ избрати отъ Словенского роду,
„по волѣ, а не въ неволю, и прихиляются те-
„бѣ Великому Государю и твоему потомству.
„И тыбъ, Великій Государю, опатрилъ по тому
„писму нашему, что есмя дали списокъ рубе-
„жомъ Полотскому повѣту, и иншимъ замкомъ
„рубежи велѣлъ своимъ бояромъ по тому пере-
„мирное постановеніе дѣлати, чтобъ межъ васъ

„Великихъ Государей могло сстати доброе по-
„ставленіе на избаву Крестьянскую отъ рукъ
„бесерменскихъ.“

И Царь и Великій Князь говорилъ посломъ:
„Тѣ слухи прежъ того и у насъ были, кото-
„рые люди изъ брата нашего земли намъ прі-
„ѣзжали служити и наши люди плѣнные выхо-
„дили, и они тѣжъ вѣсти сказывали.“

И Янъ Скротошинъ молылъ: „Милостивый
„Государю! Которые бѣглецы отъ шибеницы, или
„отъ какого воровства бѣгаютъ, и ихъ рѣчемъ
„чему вѣрити, а плѣннымъ людемъ то дѣло по
„чему увѣдати? А мы, вѣдая Государя своего Ко-
„руны Полское и Великого Княжства Литов-
„ского радъ, то тебѣ Государю и справедливо-
„стне извѣщаемъ.“

И Царь и Великій Князь посломъ говорилъ:
„А у насъ, Божіимъ милосердіемъ и прародите-
„лей нашихъ молитвами, наше Государство и
„безъ того полно, и намъ вашего чего хотѣ-
„ти? А коли ужъ ваше хотѣніе къ прихилности,
„и вамъ пригожъ насъ не раздражати; а дѣлати
„такъ, на чемъ есмя велѣлъ съ вами бояромъ
„своимъ говорити, чтобъ Крестьянство въ по-
„коѣ было.“

И Янъ говорилъ: „Милостивый Государю!
„Государь нашъ милостивый Король и нашего
„Государя обѣ рады что намъ въ посолствѣ

„дали, и мы по тому и дѣлаемъ; и въ чемъ нынѣ „постановеніе сдѣлатися не можетъ, и мы то „писмо до Государя нашего довеземъ: и Госу„дарь нашъ милостивый Король съ своими ра„дами что урадятъ, и съ тобою Государемъ „Государь нашъ обошлется.

Выписано изъ книги Польскихъ посольствъ № 9, стран. 120—124.

NO II.

Списокъ подлинной Грамоты къ Царю Іоанну Васильевичу *отъ Литовскихъ Вельможъ, съ Посланникомъ ихъ Писаремъ Великаго Княжества Михайломъ Гарабурдою полученной: о прекращеніи въ Лифляндіи военныхъ дѣйствій, по случаю кончины Короля Сигизмунда Августа, и объ открытіи Гарабурдѣ соизволенія Царскаго на избраніе въ Короли Польскіе.*

1572, Декабря 29.

Великому Государю Ивану Васильевичу, Божью милостью Государю всея Руси и Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, Великого Государства Княжства Великого Литовского рады: Валеріанъ, зъ ласки Божьи Бискупъ Виленскій; Миколай Пацъ, зъ ласки Божьи Бискупъ Кіевскій; Миколай Юрьевичь Радивилъ, Княже на Дубиникахъ и Биржахъ, воевода Виленскій, канцлеръ Великого Княжства Литовского, староста Лидскій и Мозырскій, державца Борисовскій; Щефанъ Андреевичь Збаражскій, воевода Троцкій; Остаѳей Волѳвичь, панъ Троцкій, подканцлерій Великого Княжства Литовского, староста Бе-

рестейскій и Кобринскій; Янъ Яронимовичь Ходкевича, Грабя на Шкловѣ и Мыши, староста Жомоитскій, маршалокъ земскій Великого Князства Литовского, администраторъ и гетманъ земли Ифлянтское, староста Ковенскій, державца Плотелскій и Тельшовскій; Станиславъ Миколаевичь Пацъ, воевода Витебскій, державца Суражскій; Юрьи Васильевичь Тишкевича Логоискій, воевода Берестейскій, державца Волковыйскій; Янъ Миколаевичь Талвощъ, кашталянъ земли Жомоитское; Юрьи Миколаевичь Зеновьевича, кашталянъ земли Полоцкое, державца Лепелскій; Григорей Воловичь, кашталянъ Новгородскій, староста Слонимскій; Павелъ Пацъ, кашталянъ Витебскій; Миколай Нарушовичь, подскарбій земскій Великого Князства Литовского, державца Марковскій, Ушполскій, Пенянскій и Мяделскій; Миколай Криштофъ Радивилъ, Княже на Олыцѣ и Несвижу, маршалокъ дворный Великого Князства Литовского; Янъ Станиславовичь Кишка, крайчій Великого Князства Литовского, ознаймуемъ вашей милости, ижъ пріѣздили до насъ нѣкоторіе земяне шляхта земли Ифлянтское, оповѣдаючи, же въ теперешнемъ мѣсяцы Декабри люди вашой милости, вшодчи въ землю Ифлянтскую военнымъ обычаемъ, двори и села земянъ Ифлянтскихъ, повѣту Трейденского, Яна Брондебоха Аберната Вефернъ Акготартагерихъ пожгли и маетность ихъ, што колве въ тыхъ имѣньяхъ

было, ощъ мала и до велика побрали, а иншую попалили: але мы, будучи упевнени, листы вашой милости Великого Государа такъ розумѣемъ, же ся што стало не зъ воли и безъ вѣдомости вашой милости. Кгдыжъ ваша милость звыкъ слово свое твердо держати, яко годно Великому Государу Хрестьянскому, и хотяжъ въ листѣхъ вашой милости о Иоляншѣхъ до насъ и до пановъ радъ Полскихъ писано, для чого, што быхмо ранѣе пословъ нашихъ до вашой милости слали, якъ же и послѣ того, вже дошло насъ писанье вашой милости и всказанье черезъ посланца нашого Воропая, оскриваючи намъ волю вашой милости, хотечи зъ воли Божьи на тыхъ великихъ Государствахъ Корунѣ Полской и Великомъ Князствѣ Литовскомъ пановати; а конторимъ обычаемъ мѣло бы кое доброе дѣло стацися, о томъ ваша милость велѣлъ до себе неомѣшкане слати. И мы, врозумѣвши волю вашой милости, а взявши передъ себе кое всказанье вашой милости, и хотечи зъ брацьею нашою паны радами и всими станы Коруны Полское обсылати и на то змовляти, штобы было ку чти и хвалѣ Богу Сотворителю и ку дѣцкому всего Хрестьянства и несмертелной славѣ вашой милости, ради быхмо, вже перзей сего до вашой милости послали, нижли омѣшканье стадося за тымъ, иж есмо не могли зъ брацьею нашою паны Коруны Полское зъѣхацися и сойму сполного мѣти, и самимъ

намъ собранья межи собою вчинити было нелзя за великою казнью, зъ допущенья Божьего, для повѣтрея морового на многихъ мѣстцахъ въ Полщи, и въ Великомъ Князствѣ Литовскомъ. Вѣдже, кгды ся, зъ милосердья Божьего, повѣтрее усмирати почало, мы обсылку зъ собою вчинили и теперъ еще до Варшавы послали и отправили есмо братью нашу съ паны Коруны Полское намовляти часъ и мѣстце зъѣханья всимъ станомъ ку обмовамъ зъ волею Божьею на обиранье Государа. А водлугъ писанья вашой милости, посылаемъ до вашой милости врадника до рады присяглого, писара Великого Князства Литовского пана Михайла Богдановича Гарабурду, хотечи волю вашой милости вѣдати, якимъ обычаемъ тому дѣлу статися; для чого вашой милости просимъ, жебы ваша милость рачилъ волю свою намъ открити. Кгдыжъ при волностяхъ старожитныхъ, зъ ласки Божьи, въ тыхъ Государствахъ розмножоные свободы наши маючи, до волного обиранья Государа приступуючи, звыкли продкове наши помнѣти на ласкавое и святобливое панованье Государей своихъ, яко то зешлые Государы наши славное и святое памети Якгейла Короля для святобливого панованья завжды на елекцыи передъ всими иными Государы Хрестьянскими первшіе голосы и зволенье одностайное ото всихъ становъ посполите каждый съ потомства ихъ милости мевали. Для чого и вашой милости просимъ, абы ваша ми-

лостъ до того ласкою, а доброшливостью своею Государскою, на што Панъ Богъ умыслъ серца вашой милости наклонилъ, приходилъ; а отъ войны и непріязни на земли наши ошклоняти мысль свою рачилъ, ижъ быхмо не пропивъ вашой милости стояли, але на елекцыю зъехавшися, имя вашой милости пановання Хрестьянского выславовали зъ брацьею нашою паны Полскими, змовляючися за такимъ ласкавымъ заставленьемъ вашой милости подъ пановане славного Государства вашой милости зъ волного обиранья нашого приходили; якожъ о всемъ томъ ширей панъ Гарабурда, именемъ нашимъ, словомъ вашой милости мовити будетъ, которого просимъ, жебы ваша милостъ выслухати и вѣрити ему рачилъ. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего Нароженья писача пятъ сотъ семдесятъ второго, мѣсяца Декабра двадцатъ девятого дня.

На оборотѣ сей Грамоты приложено подъ кустодіею пятнадцать восковыхъ печатей, изъ коихъ многія попортились. — *Надпись:* Великому Государу Ивану Васильевичу, Божью милостью Государу всея Руси и Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ.

Подлинникъ хранится въ Архивѣ между Польскими Грамотами подъ No 2.

NO III.

Списокъ подлинной вѣрющей Грамоты отъ Литовскихъ Вельможъ Посланнику ихъ Писарю Великаго Княжества Михайлѣ Гарабурдѣ, на порученныя ему словесныя отъ имени ихъ предложенія Царю Іоанну Васильевичу.

1572, Декабря 29.

Великому Государу Ивану Васильевичу, Божью милостью Государу всея Руси и Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, Великого Государства Княжства Великого Литовского рады: Миколай Пацъ, зъ ласки Божьи Бискупъ Кіевскій; Миколай Юрьевичь Радивилъ, Княжа на Дубиникахъ и Биржахъ, воевода Виленскій, канцлеръ Великого Княжства Литовского, старосста Лидскій и Мозырскій, державца Борисовскій; Щефанъ Андреевичь Збаражскій, воевода Троцкій; Остаѳей Воловичь, панъ Троцкій, подканцлерый Великого Княжства Литовского, старосста Берестейскій и Кобрынскій; Янъ Яронимовичь Ходкевичь, Гра-

бя на Шкловѣ и Мыши, стараста Жомоитскій, маршалокъ земскій Великого Княжства Литовского, администраторъ и гетманъ земли Инфлянтское, стараста Ковенскій, державца Плошелскій и Тедшовскій; Станиславъ Миколаевичъ Пацъ, воевода Витебскій, державца Сурожскій; Юрьи Васильевичъ Тишковича Логоискій, воевода Берестейскій, державца Волковыйскій; Янъ Миколаевичъ Талвошъ, каштелянъ Жомоитскій; Юрьи Миколаевичъ Зеновьевича, каштелянъ земли Полоцкое, стараста Лепелскій; Григорей Воловичъ, каштелянъ Новгородскій, стараста Слонимскій; Павелъ Пацъ, каштелянъ Витебскій; Миколай Нарушевичъ, подскарбій земскій Великого Княжства Литовского, стараста Марковскій, Ушпольскій, Пенянскій и Мяделскій; Миколай Крышпофъ Радивилъ, Княжа на Олыцѣ и Несвижу, маршалокъ дворный Великого Княжства Литовского; Янъ Станиславовичъ Кишка, крайчій Великого Княжства Литовского, отправили и послали есмо до вашей милости пана Михайла Богдановича Гарабурду, врядника до рады присяглого, писара Великого Княжства Литовского, и поручили есмо ему нѣкоторые рѣчи словомъ отъ насъ вашей милости мовити. А такъ вашей милости Великого Государа просимъ, жебы ваша милость пана Михайла Гарабурду выслухати и ему во всемъ томъ, што онъ именемъ нашимъ вашей милости мовити будетъ, вѣрити рачилъ; бо то суть рѣчи, отъ

насъ ему поручоные. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего Нароженья тысяча пять сотъ семдесятъ второго, мѣсяца Декабра двадцать девятого дня.

На оборотѣ сей Грамоты приложено подъ кустодіею четырнадцать восковыхъ печатей.

Подлинникъ хранится въ Архивѣ между Польскими Грамотами подъ No 1.

No IV.

Списокъ Грамоты отъ свѣтскихъ и духовныхъ Вельможъ Польскихъ и Литовскихъ къ Россійскому Митрополиту, Князьямъ, Боярамъ и Дьякамъ ближней думы, съ Посломъ Гарабурдою присланной: о прекращеніи прежде-бывшей между Россіею и Польшею вражды, о заключеніи вѣчнаго мира и о соединеніи обоихъ Государствъ.

1586.

Наяснѣйшаго Великаго Государя Стефана, Божьею милостію Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жемоитскаго, Мазовецкаго, Лифляндскаго, Седмигродскаго и иныхъ, рады духовные и свѣтскіе Коруны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго: Князь Станиславъ Карнковскій, съ Божьей ласки Арцыбискупъ Гнезненскій, первая рада Коруны Польскія: Князь Албрехтъ Борановскій, Бискупъ Премысскій, подканцлерій Коруны Польскія; Кришпофъ Радивилъ, Княжа на Биржахъ и съ Дубинокъ, воевода Виленскій, гешманъ полный Великаго Княжства Литовскаго, староста Солецкій, Борисовскій и Урендовскій; Остаѳей Во-

ловичъ, панъ Виленскій, канцлеръ Великаго Князства Литовскаго, староста Берестейскій, Кобрынскій и Юрборскій; Стефанъ Андреевичъ Корибутовича, Княжа Збаражское, воевода Троцкій, державца Сомилисскій, Жесленскій и Рудницкій; Янъ Глѣбовичъ на Дубровнѣ, панъ Троцкій, подскарбій земскій и писарь Великаго Князства Литовскаго, староста Упитскій; Филонъ Семеновичъ Кмита Чернобыльскій, воевода Смоленскій, староста Оршанскій; Миколай Монвидъ Дорогостайскій, воевода Полоцкій, староста Лепельскій, державца Шерешовскій и Велюнскій, тіунъ въ земли Жомоитской, Кгондынскій и Бойсакгольскій; Павелъ Пацъ, воевода и староста Мстиславскій, староста Вилькомирскій и Дисенскій, державца Радомскій и Бержицкій; Янушъ Корыбутовичъ, Княжа Збаражское, воевода Брясловскій, староста Пинскій и Кремяницкій; Миколай Тальвашъ, кашталянъ Жемоитскій, державца Радунскій, тивунъ въ земли Жомоитской, Бирженянскій; Богданъ Сапѣга, кашталянъ Смоленскій, староста Гомейскій; Янъ Волменскій, кашталянъ Полоцкій; Крыштофъ Зеновичъ, кашталянъ Берестейскій, староста Чечерскій и Пропойскій; Михайло Мышка, кашталянъ Мстиславскій, тивунъ Виленскій, староста Люценскій и Рѣзицкій; Янъ Замойскій съ Замостья, канцлеръ и гетманъ навышшій Коруны Польскія, староста Молборскій, Бѣлзскій, Крешевскій, Кнышскій, Межирѣцкій и Кгарволинскій; Левъ

Ивановичь Сапѣга, подканцлерій Великаго Княжества Литовскаго, державца Марковскій и Мядельскій, Божіею милостію Великаго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи, Володимерскаго, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астороханскаго, Псковскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вяшскаго, Болгарскаго и иныхъ, боярамъ думнымъ, брашьи нашей, Архіепископу и Митрополишу Московскому и всѣмъ Князьямъ, боярамъ и дьякамъ ближнія думы. Не шайно быши можешъ вамъ, брашьи нашей, каковыми поступками, по нашей прозьбѣ и радѣ, наяснѣйшій Великій Государь нашъ до шого приведенъ и умоленъ, чшобы съ Государемъ вашимъ, по смерши отца его, блаженныя памяши Великаго Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича, не починалъ недружбы, какъ великая его милость Государская и промышленье о всемъ добромъ Хрестьянскомъ, шакъ и къ народамъ вашимъ склоняныя и извыклыя доброспи своея ужиши изволилъ рачилъ, ожидаючи, чшобъ Государя вашего великіе послы, съ полною мочью и съ досташочною наукою пришедши, дѣло доброе межи Государей ихъ милосши на покой Хрестьянскій дѣлали, наипаче о городѣхъ и земляхъ и о волосшяхъ, забраныхъ предками Государя вашего, о чемъ ошо многихъ времянъ розлишье крови Хрестьянскія не переставаетъ и пересташи трудно можешъ: ино Государь вашъ, хошяжъ послы свои на сьемъ прошлой къ наяснѣйшему и Великому

Государю нашему послалъ, да того имъ не поручилъ, чѣмъ бы успокоити нелюбости и всѣ недружбы, которыя отъ давняго времяни межи тѣми великими Государствы дѣются. И намъ то было въ великомъ подивленьи, что вы, брашья наша, не промышляете о доброй пріязни, кабы не хотящие видѣти добраго дѣла: мы однако не переспали есмя прозьбами нашими у наяснѣйшаго Государя нашего печаловались, чтобъ еще ожидалъ упомнѣнья Государя вашего и васъ самыхъ узнанья, за которою прозьбою нашею послы Государя вашего какъ отправлены, то уже вамъ вѣдомо. И по нашимъ прозьбамъ и листамъ, въ покоѣ ихъ милость Государи наши и Государства съ обѣихъ сторонъ на се время стоятъ; а посламъ Государя вашего мы, которые съ ними на приговорѣ были, говорили есмя, чтобъ они и самому Государю вашему и вамъ боярамъ и всей землѣ извѣстили, что Великій Государь нашъ, для добра Хрестьянскаго, за пригожимъ постановленьемъ хочетъ съ Государемъ вашимъ въ згодѣ и въ любви жити и всей землѣ вашей, какъ и своимъ Государствамъ, всего добраго хотѣти. За что надѣялись есмя того, что вы, вспамятовавши на то, какая недружба отъ давныхъ временъ межи Государи и Государствы тѣми отъ давныхъ временъ была и крови много Хрестьянскія розливалось, а розсудивши и то, каковы многія великія и добрыя пожитья съ того намъ и вамъ быти могли, колибъ, за милосердіемъ

Божіимъ, шѣ Государсшва въ вѣчную и въ нерождѣльную пріязнь и единачесшво сошли и случилися, промышляши о шомъ будеше, чшобъ есши съ нами не шокмо на одно время въ брашской любви и въ доброй пріязни, въ спокойномъ сусѣдсшвѣ, но шакже во единачесшвѣ вѣчно съ собою будучи, великія бы радосши и славы Государи наши и Государсшва шѣ на обѣ спороны уживали, шо сами плохо добрымъ смошрѣньемъ розсудиши можеше. Колижъ ссия многими дѣлы и рубежи Государсшвъ случоны и кровное связанье и племянсшво въ нѣкошорыхъ домѣхъ межи нами есшь, шакже одное, а не розныя рѣчи и языка съ вами, и сперва идемъ съ собою, кабы изъ одныхъ народовъ, къ шому съ вами одного Бога хвалимъ, многіе изъ насъ будучи шоежъ одное вѣры Хресшьянскія Грешескія, и пошомъ кошораяжъ бы сила непріяшельская прошивъ шакимъ Государсшвамъ въ единачесшво межъ себя случонымъ спояши могла? Поразумѣйшежъ, брашья наши, каковуюбъ похвалу приняли шѣ, кошорые бы межи шѣми Государсшвы шакое дѣло во единачесшво свели на вѣчную намяшь свою и ко всему доброму народамъ шѣмъ! А нынѣ доходяшъ насъ шаковые слухи, чшо шо дѣло и приказъ нашъ у васъ, брашьи нашей, не въ великомъ разсуженью есшь, какъ шо непомалу ся объявляешъ по шому: чшо въ перемирныхъ лисшѣхъ описано, шо ся во многихъ дѣлѣхъ съ вашія спороны нарушаешъ. А къ шо-

му и то насъ изъ розныхъ сторонъ доходитъ, что ищете себѣ и добывати хотите дружбы съ чужими и отъ васъ далекими народами; а что Богъ Сотворитель далъ близко рубежей вашихъ, то минуете, кабы впередъ ласкою Божьею, а потомъ нами и пріязнью нашею гордячи и не ставячи въ ней прибытка, мечете то ни за что, имѣючи въ рукахъ и въ держаньи своемъ многія земли, городы и волости отъ Государства наяснѣйшаго Государя нашего милостиваго, отъ Великаго Княжства Литовскаго въ первыхъ временѣхъ при предкѣхъ Государя вашего отлученыя и забраныя, о которыхъ вѣчнаябъ недружба и ненависть межи нами и вами расти и быти могла, и николи бы подобно кровь Хрестьянская межи нами розливатися не перестала. Чего мы не хотячи и жадаючи съ вами не только на время добраго пожитья, но вѣчныя пріязни, згоды и единачества, какъ до сего времяни прозьбами нашими и печалованьемъ отводили есмя и задерживали наяснѣйшаго Государя нашего милостиваго, чтобъ прямыхъ власностей Государствъ своихъ не съ кровопролитьемъ Хрестьянскимъ, но въ братской милости у Государя вашего доходилъ и поминалъ о томъ. О чемъ о всемъ и о иныхъ великихъ и надобныхъ дѣлѣхъ поручили есмя съ вами говорити брату нашему изъ середи насъ отъ Его Королевской милости до Государя вашего о тѣхъ дѣлѣхъ, которыхъ нарушенье перемирья дѣлаетъ-

ся, и именемъ насъ брашьи вашей напомянуши, чшобъ есшя шакихъ времянъ и шакія милосши Божія, кошорую на народѣхъ нашихъ указуешъ, легко себѣ шого приказа нашего не покладали; но къ шому Государя своего мудрою думою и со всею землею приводили, чшобъ съ нашимъ милосшивымъ Государемъ въ единачесшвѣ учинилося. Колижъ полезная прилеглая пріязнь и силы обще-совокупленыя шруднѣйшія къ розорванью, а намъ съ обѣихъ сшоронъ полезнѣйшія шо ся справиши не можешъ, одно Божьимъ милосердіемъ и нашими добрыми радами и посланьемъ пословъ до Его Королевскія милосши, Государя нашего милосшиваго, съ мочью досшашочною дѣла згожаши и въ пріязнь приводиши, или пакъ съѣханьемъ насъ рады Государей нашихъ при рубежѣхъ, гдѣбъ пригожее, чшобъ мы вмѣсшѣ будучи о шомъ приговаривали; а чшо пожишочнаго и славнаго Великимъ Государямъ и Государсшвамъ ихъ и всему Хрешьянсшву, изыскивали и къ единачесшву приводили, а шѣмъ вѣчный покой въ Государсшвахъ на свободу Хрешьянамъ ошъ невѣрныхъ еднали, какъ шире о шомъ словесне брашъ нашъ рада Государская панъ Михайло Гарабурда, кашшялянъ Менскій и писарь Его Королевскія милосши Великаго Князсшва Лишовскаго, съ вами говориши будешъ; и выбъ шо, брашья наши, ошъ насъ въ любовь пріимали. Колижъ вамъ всего добра, какъ и сами милосшью съ ласки Божьей уживаемъ, вѣрне хошимъ и жа-

даемъ, о томъ бы еспя черезъ негожъ намъ описали и отказали, за чѣмъ бы намъ имовѣрно прозьбы наши къ Его Королевской милости приносити и, что пожитечнѣйшаго изыскиваючи съ полнымъ изволеніемъ, къ доброму концу приводити. Писанъ въ Городнѣ, лѣта Божьяго Народженья аѳпе, мца Декабря въ І день.

‡

Выписано изъ книги Польскихъ посольствъ № 16, стран. 59—65.

NO V.

Переговоры Россійскихъ Бояръ съ Польскимъ Посломъ Гарабурдою: о прекращеніи взаимныхъ неудовольствій, о заключеніи вѣчнаго мира и о соединеніи Россіи съ Польшею.

1586, Апрѣля 15.

Апрѣля въ ёї день Царь и Великій Князь велѣлъ Липовскому послу быти у себя на дворѣ, а пріѣздъ его къ Государю на дворъ и встрѣча были о всемъ по прежнему.

А какъ вшелъ въ палату, и явилъ его Государю челомъ ударити окольничій Иванъ Михайловичь Бушурлинъ.

И Государь велѣлъ послу сѣсти; а посидѣвъ мало, велѣлъ Государь діяку Ондрею Щелкалову послу молыти, чтобъ шелъ въ Отвѣтную палату.

И высылалъ Государь къ послу съ отвѣтомъ бояръ, Ивана Васильевича Годунова съ товарищи; а велѣлъ Государь прочести отвѣтъ противъ панскія грамоты и рѣчей и говорити съ посломъ о вѣчномъ мирѣ.

И какъ бояре въ Опвѣшную палашу вошли, и посолъ всталъ и бояръ вспрѣшилъ, и давъ руки бояре сѣли по мѣстамъ, а говорили бояре послу рѣчь: „Михайло! Которую грамошу „далъ еси намъ и рѣчи опъ братьи нашей па„новъ радъ Коруны Польскія и Великаго Княж„ства Лицовскаго намъ говорилъ, и мы шое „грамошу и рѣчи съ спарщею брашьею нащею съ „Государя нашего бояры выслушали, и Государю „нащему Великому Государю Царю и Великому „Князю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи всѣ посо„полу били есмя челомъ и молили, чшобы Госу„дарь нащъ съ вашимъ Государемъ съ Спефа„номъ Королемъ похошѣлъ быши въ брашской „любви и въ соединеньи: и Государь нащъ Вели„кій Государь Царь и Великій Князь, для нашего „челобишья и моленья и хотя видѣши во Крестьян„спвѣ все доброе, съ брашомъ съ своимъ съ Спефа„номъ Королемъ въ брашской любви и въ соединеньи „и въ докончаньи быши хочешъ, какъ пригоже.“

И говорили бояре послу опвѣшъ прошивъ посольскія грамошы:

„Божіею милосшію Великаго Государя Царя „и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Ру„сіи, Владимерскаго, Московскаго, Новгородскаго, „Царя Казанскаго, Царя Астараханскаго, Государя Псковскаго и Великаго Князя Смоленскаго, „Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вяшскаго, „Болгарскаго и иныхъ многихъ земель Государя,

„бояре вся рада Стефана, Божіею милостію Ве-
„ликаго Государя Короля Польскаго и Великаго
„Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жомо-
„итскаго, Мазовецкаго, Княже Седмиградскаго и
„иныхъ, послу его Михаилу Богдановичу Гара-
„бурдѣ велѣли говорити: „Привезъ еси отъ братьи
„нашія пановъ радныхъ духовныхъ и свѣтскихъ
„Коруны Польскія и Великаго Княжства Ли-
„товскаго, отъ Князя Станислава Карнковскаго,
„Арцыбискупа Гнезненскаго, съ товарищи до пре-
„освященнаго Діонисія Митрополита и до всѣхъ
„Князей и боляръ, братьи нашія, и до дьяковъ
„ближнія думы грамоту и рѣчи съ тобою на-
„казаныя, и мы Великаго Государя Царя и Вели-
„каго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи боя-
„ре и Князи и думные всякіе люди и дьяки
„ближнія думы и вся дума Государская грамоту и
„рѣчи братьи своей духовныхъ и свѣтскихъ пановъ
„радъ Коруны Польскія и Великаго Княжства
„Литовскаго выслушали; и что братья наши Кору-
„ны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго
„къ намъ къ боярамъ съ тобою съ Михайломъ по-
„клонъ приказали, и братья наши Князь Стани-
„славъ Карнковскій, Арцыбискупъ Гнезненскій, и
„всѣ панове рада поздорово ли? А что братья наши
„пишутъ къ намъ въ своей грамотѣ и въ рѣчѣхъ,
„что они Государя своего Стефана, Божіею ми-
„лостію Короля Польскаго и Великаго Князя Ли-
„товскаго, просятъ и наводятъ на то, чтобъ
„Стефанъ Король съ братомъ своимъ, съ на-

„шимъ Государемъ съ Великимъ Государемъ Ца-
„ремъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Иванови-
„чемъ всея Русіи былъ въ брашской любви и въ
„вѣчномъ покоѣ и въ единачествѣ, и Государ-
„ствамъ бы обоимъ быти въ вѣчной пріязни и въ
„соединеньи; а намъ бы потомужъ Государя сво-
„его мудрою нашею думою со всею землею наво-
„дишь на то, чтобъ Государь нашъ Великій Госу-
„дарь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь
„всея Русіи похотѣлъ быти съ брашомъ сво-
„имъ съ Великимъ Государемъ съ Стефаномъ Ко-
„ролемъ въ брашской любви и въ вѣчномъ покоѣ:
„и мы всею думою бояре и всякіе люди думные
„и дьяки ближнія думы Государя своего Велика-
„го Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора
„Ивановича всея Русіи молили и наводили на
„то, чтобъ Государь нашъ Великій Госу-
„дарь похотѣлъ съ брашомъ своимъ съ Великимъ
„Государемъ съ Стефаномъ Королемъ брашскія
„любви и докончанья, а Государствамъ бы обо-
„имъ быти въ соединеньи. И Государь нашъ Ве-
„ликій Государь, по своему милосердому Хре-
„стьянскому обычаю, о всякомъ добрѣ во Хре-
„стьянствѣ жалѣетъ и съ брашомъ своимъ Сте-
„фаномъ Королемъ хочетъ всякаго добраго по-
„житья и вѣчныя пріязни, чтобъ ихъ Государ-
„скимъ сходительствомъ любовнымъ Хрестьян-
„ство въ покоѣ и въ соединеньи было; а бра-
„тья наши то гораздо дѣлаютъ, что жалѣютъ
„о Хрестьянствѣ и хотя того, чтобъ Госуда-

„ри наши были въ покоѣ и въ вѣчной пріязни,
„и Государства бы оба были въ соединеньи: коль-
„ко бы братья наши панове рада Государя сво-
„его Стефана Короля на то наводили, чтобъ
„Государь вашъ Государю нашему отдалъ иско-
„ни вѣчныя вотчины его прародителей, кото-
„рыя держитъ за собою, городы и земли, и Го-
„сударь нашъ Великій Государь Царь и Великій
„Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи съ бра-
„томъ своимъ съ Стефаномъ Королемъ хочетъ
„быти въ братской любви и въ докончаньи и въ со-
„единеньи на всякаго недруга заодинъ."

„А что въ грамотѣ пановъ радъ написано
„о городѣхъ и о волостяхъ и о земляхъ, будто
„Государь нашъ городы и земли держитъ за со-
„бою отъ Великаго Княжства Литовскаго. И
„Государь нашъ Великій Государь Царь и Ве-
„ликій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи чу-
„жаго за собою не имѣетъ ничего, а съ Божьею
„помочью всѣ городы и земли держитъ за собою
„искони вѣчную свою вотчину; и братьи нашей
„панамъ радамъ о томъ впередъ и вспоминать
„непригожъ, что къ доброму дѣлу не приспѣетъ."

„А что паны рада писали и рѣчью прика-
„зывали, что мы ищемъ себѣ и добываши хотимъ
„дружбы съ чужими и отъ насъ далекими наро-
„ды; а что близко рубежей нашихъ, то мину-
„емъ. И Государь нашъ Великій Государь Царь
„и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи,
„по присылкѣ къ себѣ братьи своей Цесаря

„Крестьянскаго и Салтана Турецкаго и Короля „Ишпанскаго и Кизылбашскаго Шаха и иныхъ мно„гихъ Великихъ Государей дальнихъ, ссылается „съ ними по ихъ прошенью, по прежнему обы„чаю, по докончальнымъ грамотамъ дѣда своего „блаженныя памяти Великаго Государя Царя „Василья и отца своего Великаго Государя Ца„ря и Великаго Князя Ивана Васильевича всея „Русіи; а нынѣ тѣ Великіе Государи къ Госу„дарю пишутъ, присылаютъ и просятъ и хо„тятъ и наипаче стараго, чтобъ Государь нашъ „съ ними съ Великими Государи былъ въ брат„ской любви и въ докончаньи и въ соединеньи „на всякаго недруга заодинъ.“

„А что писали паны рада въ своей грамо„тѣ, что и о иныхъ о многихъ дѣлѣхъ наказали „они говорити намъ боярамъ тебѣ Михайлу „Богдановичу словомъ; и тыбъ тѣ всѣ дѣла, что „съ тобою наказаны отъ пановъ радъ, объявилъ „Великаго Государя нашего, Божіею милостію „Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея „Русіи боярамъ, брашьѣ нашей, боярину и дво„рецкому Казанскому и Нижегородскому и на„мѣстнику Резанскому Ивану Васильевичу Году„нову, а боярину и намѣстнику Ржевскому „Князю Ивану Васильевичу Ситцкому съ това„рищи, какъ бы межъ Государей доброму дѣлу „сстатись было мочно на покой Хрестьянскій.“

„А будетъ Государь вашъ Стефанъ Король „похочетъ со Государемъ нашимъ съ Великимъ „Государемъ братскія любви совершенныя, от„ставя прежнія мѣры всякія: и Государь нашъ „Великій Государь Царь и Великій Князь, мимо „всѣхъ Великихъ Государей, братьи своей, похо„четъ съ братомъ своимъ съ Великимъ Государемъ „съ Стефаномъ Королемъ братскія любви и до„кончанья и на всякаго недруга стояти за„одинъ.“

И посолъ Михайло, выслушавъ отвѣтъ, съ бояры говорилъ: „Государь нашъ Король его „милость, хотячи со Государемъ вашимъ брат„скія любви и соединенья и докончанья, при„слалъ меня посла своего съ полною мочью и съ „достатночною наукою о томъ говорити и ста„новити; а паны рада свѣтскіе и духовные Ко„руны Польскія и Великаго Княжства Литов„скаго прислали со мною къ преосвященно„му отцу къ Діонисію Митрополиту и къ вамъ „ко всѣмъ боярамъ къ думѣ Государской грамо„ту о томъ же, чтобы вы Государя своего на „то наводили, чтобы Государь вашъ съ нашимъ „Государемъ учинился въ братской любви и въ „соединеньи, и Панство бы съ Панствомъ было „въ докончаньи и въ соединеньи прошивъ всѣхъ „недруговъ. И коли Государь вашъ на то сшелъ „и со Государемъ нашимъ въ братской любви и „въ соединеньи быти хочетъ, и которыя рѣчи

„промежи насъ о городѣхъ и о волостяхъ, и що „дѣло рѣчь неслушная, тому какъ мочно ссца„шись? Намъ просить у васъ, и вамъ безъ кро„вопролитья какъ мочно отдать что; а вамъ „просить чего у насъ, ино намъ потомужъ безъ „кровопролитья ничего отдати невозможно. „И намъ бы то съ обѣ стороны отставити, а „былъ бы Государь вашъ съ нашимъ Государемъ „въ докончаньи по тому: кто что нынѣ за со„бою держитъ, тотъ то и держи; а никтобъ „ни у кого ничего не просилъ, ни одному у од„ного безъ кровопролитья взяти немочно; и „чѣмъ быти кровопролитью, ино брать у брата „ничего не проси. А дай, Господи, многолѣтство „обѣма Государемъ! А Богъ по душу сошлетъ „Государя нашего Стефана Короля, а потомковъ „у него не останется, и Государствобъ Коро„на Польская и Великое Княжство Литовское „соеднать съ Московскимъ Государствомъ подъ „Государскую руку, Краковъ противъ Москвы, а „Вильна противъ Новагорода, и стояти Госу„дарствамъ обѣма заодно въ докончаньи.“

А про Государя говорилъ противъ того: „Дай, Господи, Государь здоровъ былъ! А Богъ „по душу сошлетъ, инобъ Московскому Госу„дарству быти подъ Государя нашего Стефана „Короля рукою с одного съ Коруною Польскою „и съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ въ „докончаньи, а иного бы Государя вамъ не иска„ти. А то дѣло великое мнѣ Михаилу поручено

„приговорить и записи пописать; а большее „утверженье дѣлать Государя вашего посламъ „великимъ у Государя нашего, или на съѣздѣ на „рубежи, гдѣ пригоже великимъ панамъ съ обѣ „стороны съѣхашись и договоръ и единачество „учинити, о всемъ договоряся, какъ чему при„гожъ статись. А паныбъ великіе и ближніе и „многіе были на съѣздѣ; а съ вашубъ сторону „потомужъ бояре большіе и ближніе были, „которые бы такое великое дѣло могли по„становить.“

И бояре послу говорили: „Намъ про Госу„даря своего про Великаго Государя Царя и Ве„ликаго Князя иного слова, что ты говорилъ, и „помянуть непригоже. Дай, Господи, Государь „нашъ здоровъ былъ и многолѣтенъ на своихъ „Государствахъ! а что дѣло къ доброму дѣлу не „приспоитъ. А что говоришь о докончаньи, „чтобъ Государь нашъ Царь и Великій Князь съ „Государемъ вашимъ съ Стефаномъ Королемъ „учинился въ вѣчномъ миру, и Панство бы съ „Панствомъ было въ докончаньи по тому, что „за кѣмъ нынѣ есть: и мы то донесемъ до Го„сударя своего Царя и Великаго Князя и съ сво„ею брашьею, съ бояры Государя нашего, о томъ „переговоримъ и помыслимъ и тебѣ отвѣтъ „учинимъ инымъ временемъ.“

И шедъ, бояре о томъ сказывали Государю, а послу велѣли ѣхати на подворье.

И Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всея Русіи говорилъ съ бояры, что пригоже ему Государю съ Стефаномъ Королемъ учиниться въ докончаньи по тому, что нынѣ за нѣмъ есть, и Государствуб съ Государствомъ быти въ докончаньи и въ соединеныи.

А о томъ словѣ про Государя бояре отмолыли, что того и говорить непригожъ и словъ никакихъ съ посломъ о томъ и плодить нѣчего.

Выписано изъ Стат. Списка Польскаго Двора, № 16, стран. 71 — 78.

NO VI.

Списокъ подлинной договорной Записи Польскихъ и Литовскихъ Сенаторовъ и Вельможъ съ Россійскими полномочными Послами, Бояриномъ и Намѣстникомъ Коломенскимъ Княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Троекуровымъ-Ярославскимъ, Дворяниномъ и Намѣстникомъ Шацкимъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Писемскимъ и Дьякомъ Петелинымъ, заключенной въ Гроднѣ 6-го Сентября 1586 года: о продолженіи срока перемирію между Россіею и Польшею на два мѣсяца, и о съѣздѣ 3-го Іюня слѣдующаго года на рѣкѣ Иватѣ Панамъ радамъ и Россійскимъ большимъ думнымъ Боярамъ для положенія на мѣрѣ тѣхъ способовъ, чрезъ которые бы возможно было Россію, Польшу и Литву совокупить на вѣки во единую нераздѣльную Державу, на случай безпотомственной кончины котораго-либо изъ Государей.

Наяснѣйшого и Великого Государа Стефана, Божью милостью Короля Полского, Великого Князя Лишовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Ифлянтского, Седмигрод-

ского и иныхъ, мы рады Коруны Полское и Великого Князства Литовского: Албрыхтъ Барановскій, Бискупъ Премыскій, подканцлерій Коруны Полское; Остаѳей Воловичь, панъ Виленскій, канцлеръ Великого Князства Литовского, сшароста Берестейскій, Кобрынскій и Юрборскій; Янъ Глѣбовичь на Дубровнѣ, воевода Троцкій, державца Унишскій; Миколай Монвидъ Дорогостайскій, воевода Полоцкій, державца Щерешовскій и Велюнскій, шивунъ Кгондынскій и Бойсакголскій; Миколай Радивилъ, Княже на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Новгородскій, сшароста Мозырскій и Мерецкій; Миколай Тальвоишъ, кашшелянъ Жомоишскій, державца Радунскій, шивунъ Бирженянскій; Якубъ Поняшовскій, кашшелянъ Брешскій; а Левъ Ивановичь Сапега, подканцлерій Великого Князства Литовского, сшароста Слонимскій, Марковскій и Мяделскій, шшо приходили до Великого Государа нашого, Божью милостью Сшефана Короля и Великого Князя ошъ браша его, Божью милосшью ошъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси, Владимерского, Московского, Новгородского, Казанского, Асшараханского, Псковского, Тверского, Югорского, Пермского, Вяшского, Болгарского и иныхъ, въ посолсшвѣ великіе послы бояринъ и намѣсшникъ Коломенскій Князь Ѳедоръ Михайловичь Троекуровъ-Ярославскій, а двораninъ и намѣсшникъ Шацкій Ѳедоръ Андреевичь Писемскій и

дякъ Ѳома Дружина Паншелеевъ сынъ Пешелицовъ о миру и о добромъ посшановенью: и мы Великого Государа Спефана Короля и Великого Князя рады приговорили и заспановили есмо зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси съ шыми великими послы съ Княземъ Ѳедоромъ Михайловичомъ Троекуровымъ-Ярославскимъ, да съ Ѳедоромъ Андреевичомъ Писемскимъ и зъ дьякомъ Ѳомою Дружиною Паншелеевымъ сыномъ Пешелиномъ, шпожъ зъѣхаписе паномъ радамъ Коруны Полское и Великого Княжспва Литовского, кого Великій Государъ нашъ Спефанъ Король и Великій Князь пошлешъ, зъ браньею нащою зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси зъ болшими думными бояры, конорыхъ, онъ Великій Государъ, и Великій Князь пошлешъ на рокъ и часъ певный, на семую суботу по велицѣ дни въ году пришломъ опъ Нароженья Хрыспова писеча пянь сопъ осмдесяпъ семомъ Іюня шрепего дня, на границы Оршанской и Смоленской, на рѣцѣ Ивашѣ. А зъѣхавшисе Его Королевское милости паномъ радамъ зъ брата его Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси зъ болшими думными бояры на шопъ рокъ и границу, намовляпи и спановиши о добромъ дѣлѣ, яковыми способы Великимъ Государемъ нашимъ и Государспвамъ ихъ быши зъ собою въ любви и въ доброй пріязни, покамѣспа Великіе Государи

наши на своихъ Государствахъ здорови будутъ, и яковыми способы тымъ великимъ Государствамъ сыйти и злучитисе зъ собою въ вѣчное истное и нероздѣлное соединенье послѣ того, какъ Богъ которого Государа зъ сего свѣта взяти рачитъ; а если се то не здѣлаетъ, ино говорити имъ зъ собою о вѣчномъ мирѣ и докончанью и о давно-зашлыхъ дѣлѣхъ, о городѣхъ, о земляхъ, о границахъ и о иныхъ дѣлѣхъ и о кривдахъ. А ижъ перемирье межи Великими Государи нашими только до семое суботы въ иринломъ году постановлено было; ино мы, для договору и становенья о тыхъ добрыхъ и великихъ дѣлѣхъ, постановили есмо зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси зъ великими послы и того перемирья помкнули одъ семое суботы послѣ Велико-дня на два мѣсецы въ году пришломъ осмдесятъ семомъ, отъ третего дня Іюня до третего дня мѣсяца Августа водлугъ старыхъ свѣтцовъ. А гдѣ бы въ тыхъ двухъ мѣсяцахъ не сталосе якое постановенье о вѣчномъ нероздѣлномъ Государствѣ соединенью, албо о вѣчномъ миру и докончанью межи Великими Государи нашими теперешними и по нихъ будучими, также и межи Государствы ихъ; а будетъ ли того потреба, ино паномъ радамъ ихъ милости тымъ, которые се зъ думными бояры на границы зъѣдутъ, приговорити зъ ними, постановити и помкнути того перемирья водлугъ потребы и уваженья ихъ.

А въ томъ часѣ промежъ Великихъ Государей нашихъ раши и войнѣ не быши., и Государу нашому Великому Государу Стефану Королю Полскому и Великому Князю Литовскому до тогожъ сроку войны не вщинаши и не починаши, и по всѣмъ пограничнымъ мѣстомъ у Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси земли воинскихъ людей великихъ и малыхъ не посылаши, и порубежнымъ людемъ обидъ никакихъ не дѣлаши, и торговымъ людемъ съ обѣ стороны ходити по всѣмъ мѣстомъ сухимъ и воденымъ путемъ, и торговаши имъ по першому доброволне и безобидно: а Великому Государу и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всея Руси прошивъ Государа нашого Великого Государа Стефана Короля и Великого Князя до того сроку потомужъ раши, войны не вщинаши и не починаши, и въ Государа нашого земли по всимъ пограничнымъ мѣстомъ Коруны Полское и Великого Князства Литовского воинскихъ людей великихъ и малыхъ не всыдаши, и порубежнымъ людемъ обидъ никакихъ не дѣлаши, и торговымъ людемъ съ обу сторонъ ходити по всимъ мѣстомъ сухимъ и воденымъ путемъ, и торговаши имъ по першому доброволне и безобидно. А рубежи держаши по всихъ мѣстѣхъ по старымъ рубежомъ, какъ до сихъ мѣстъ въ перемирныя лѣта держано, и порубежнымъ людемъ обидъ никакихъ не дѣлаши. А кого Великій Государь

и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь пошлетъ на зѣздъ на рубежъ своихъ болшихъ бояръ зъ Государа нашого Великого Государа Стефана Короля и Великого Князя великими паны рады о тыхъ дѣлѣхъ, и тымъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси бояромъ болшимъ, зъѣхавшисе на рубежъ зъ Государа нашого Великого Государа Стефана Короля и Великого Князя паны радами, о тыхъ дѣлѣхъ зъѣждчашися, говорити, становити, розъѣждчашисе, и со Государемъ своимъ обсылашисе и опять зъѣждчашися толко разовъ, колко того надобе будетъ, и розъѣждчашисе учтиве и доброволне со всими ихъ людми и животы безъ всякое зачепки и хитрости, и обманы надъ ними и хитрости Государа нашого людемъ никоторое не вчинити; а которыхъ пановъ радъ своихъ великихъ пошлетъ Государъ нашъ Великій Государъ Стефанъ Король и Великій Князь на зѣздъ на рубежъ зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси болшими бояры о тыхъ дѣлѣхъ, и тымъ Государа нашого панамъ радамъ потомужъ зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси бояры зъѣждчашисе и розъѣждчашися учтиве и доброволно зо всими ихъ людми и зъ животы безо всякое зачепки и хитрости, и обманы надъ ними Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси людемъ никоторое не вчинати. А зъѣхашисе Государа нашого Великого Государа

Стефана Короля и Великого Князя паномъ радамъ шестма особамъ и двѣма дьякомъ на рубежъ у сего съ писечу людей и коней, а не болшъ: также Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси болшимъ бояромъ шестма особамъ и двѣма дьякомъ зъѣхашисе на рубежи зъ ихъ милостью паны радами въ писечу коней, а не болшъ. А по рубежомъ по всѣмъ Государа нашого Стефана Короля и Великого Князя во всихъ Украинныхъ городѣхъ по всимъ мѣстомъ намѣстникомъ и воеводамъ и старостамъ до шого часу, до шрешего дня мѣсяца Августа, ничимъ въ порубежныхъ мѣстѣхъ обидъ никакихъ не дѣлаши, съ обѣюхъ сторонъ не зачепаши ничимъ, и межъ себе воеводамъ и намѣстникамъ, старостамъ и державцамъ въ обидныхъ дѣлѣхъ зсылашися и управу чинити на обѣ сторонѣ, а лихихъ казнити: также Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси во всихъ Украинныхъ городѣхъ по всимъ мѣстомъ намѣстникомъ и воеводамъ до шогожъ часу, до шрешего дня Августа, ни въ чомъ въ порубежныхъ мѣстѣхъ обидъ никакихъ не дѣлаши, съ обѣюхъ сторонъ не зачепляши ничимъ. И на шомъ на всемъ Великого Государа Стефана Короля и Великого Князя мы рады: Албрихтъ Барановскій, Бискупъ Премыскій, подканцлерій Коруны Полское; Остаѳей Воловичъ, панъ Виленскій, канцлеръ Великого Княжства Литовского,

староста Берестейскій, Кобрынскій и Юрборскій; Янъ Глѣбовичь на Дубровнѣ, воевода Троцкій, державца Упитскій; Миколай Монвидъ Доростайскій, воевода Полоцкій, державца Шерешовскій и Велюнскій, тивунъ Кгондынскій и Бойсакголскій; Миколай Радивилъ, Княжа на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Новгородскій, староста Мозырскій и Мерецкій; Миколай Тальвоишъ, каштелянъ Жомоитскій, державца Радунскій, тивунъ Бирженянскій; Якубъ Понятовскій, каштелянъ Брестскій; Левъ Ивановичь Сапега, подканцлерій Великого Князства Литовского, староста Слонимскій, Марковскій и Мяделскій, зъ Великого Государа и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси зъ великими послы зъ бояриномъ и намѣстникомъ Коломенскимъ съ Княземъ Ѳедоромъ Михайловичомъ Троекуровымъ-Ярославскимъ, а зъ двораниномъ и намѣстникомъ Шацкимъ съ Ѳедоромъ Ондреевичомъ Писемскимъ, а зъ дьякомъ Ѳомою Дружиною Пантелеевымъ сыномъ Петелиномъ договоръ учинили и листы пописали и печати свои къ сему нашему листу приложили; а я Левъ Сапега, подканцлерій Великого Князства Литовского, и руку свою до сего листу подписалъ: што инакъ межи Великими Государы тымъ дѣломъ не быти, и быти по тому, якъ въ семъ листѣ писано. Писанъ у Городнѣ, лѣта Божьего Нароженья въ осмдесятъ шостого, м҃ца Сентебра ѕ҃ дня.

Къ сей договорной Записи приложено подъ кустодіею восемь восковыхъ печатей; внизу находится слѣдующая подпись:

Левъ Сапега, подканцлерій Вел: Князства Литовского, рукою своею подписалъ.

На оборотѣ написано: Лѣта ҂афпѕ году, листъ отъ Олбрихта Барановского, Бискупа Перемышского, съ товарыщи, чтобъ съѣхаться зъ Государевы послы съ Княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Троекуровымъ на рубежъ межъ Смоленска и Орши, на рѣчкѣ Иватѣ, о мирномъ договорѣ.

Подлинникъ хранится въ Архивѣ между Польскими трактатами подъ No 41.

NO VII.

Отвѣтный списокъ Пановъ радъ духовныхъ и свѣтскихъ, также Рыцарства Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, великимъ и полномочнымъ Россійскимъ Посламъ, Боярину Степану Васильевичу Годунову, Боярину Князю Ѳедору Михайловичу Троекурову-Ярославскому, Печатнику и Дьяку ближнему Василью Яковлевичу Щелкалову и Дьяку Петелину, на посольство ихъ; о разномыслiи, оказавшемся у Государственныхъ Чиновъ при избранiи въ Короли Польскіе, и о провозглашенiи въ одно время Королями Эрцъ-Герцога Максимиліана и Шведскаго Королевича Сигизмунда.

1587 года.

Ошказъ ошъ ихъ милосщи пановъ радъ духовныхъ и свѣшскихъ и ошъ рыцерсшва Коруны Польскія и Великого Княжсшва Лишовского, Божью милосшью Велицкого Государа и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи великимъ посломъ, боярину и намѣсшнику Великопермскому и Косшромскому Сшепану Васильевичу Годунову, боярину и намѣсшнику Коломенскому Князю Ѳедо-

ру Михайловичу Троекурову-Ярославскому, печатнику и дьяку ближнему Василью Яковличу Щелкалову и думному діаку Дружинѣ Паншелѣеву сыну Пешелину:

Пришли есше отъ его милосши Великого Государа и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, Государа своего, до ихъ милосши пановъ радъ духовныхъ и свѣшскихъ и до всего рыцерсшва Коруны Польскія и Великого Княжсшва Лишовского о великихъ дѣлѣхъ, и говорили есше намъ о обираньи его милосши Великого Государа вашего и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи на Королевсшво Польское и на Великое Княжсшво Лишовское, указуючи и обецуючи великую славу, прибышки и розширенья не одно намъ Корунѣ Польской и Великому Княжсшву Лишовскому, але и всему Хрсшьянсшву съ шого, кгды бысмы его милосши Великого Государа и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи на шыя Пансшва Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Лишовскимъ обрали. Чшо мы всѣ гораздо вырозумѣли и многіе зъ насъ пановъ радъ свѣшского сшану, шакже и зъ рыцерсшва Коруны Польскія и Великого Княжсшва Лишовского, упашруючи шо быши не одно зъ добрымъ и пожишочнымъ рѣчи посполишое нашое, але и всего Хрсшьянсшва, его милосши Великого Государа вашего на Коруну Польскую и на Великое Княжсшво Лишовское

Государемъ себѣ обрать хотѣли; нижли станъ духовныхъ, а зъ ними нѣкоторые панове рада свѣтскіе вѣры для зъ нами ся въ томъ згажаши не хотѣли, и овшемъ частъ ихъ нѣкоторая Королевича его милости Шведского, а другая частъ Арцы-Княжа его милость Ракуское Максимиліяна на тыя Государства меновали надъ волю и призволенье многихъ насъ панокъ радъ и рыцерства, которые на таковое меноване обудвухъ Государей не позволяючи взялъ есмо то до всей земли братьи нашое, хотячи о томъ зъ нами мовити и радити, штобы зъ добрымъ и пожиточнымъ рѣчи посполитое нашое было. А на сесь часъ иже есмо на обранье его милости Государа вашего на тыя Государства судомъ Божьимъ не згодилися, ино перемирья на двацать лѣтъ зъ вами великими послы поставивши, отправуемъ васъ съ тымъ до его милости Великого Государа вашего, пущаючи на волю Божью, если Его свѣтое милости на то презрѣнье будетъ, его милости Великому Государу и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи быти Государемъ нашимъ на тыхъ Государствахъ на Корунѣ Польской и на Великомъ Княжствѣ Литовскомъ; а еслибы то зъ воли Божое спасися не могло, ино мы и въ тыхъ перемирныхъ лѣтѣхъ зъ его милостью Великимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи и зъ бояры его милости думными межъ Государствы его милости и межъ

Коруною Польскою и Великимъ Княжствомъ Литовскимъ о вѣчномъ миру и о докончаньи мовиши и Государа нашего, которого намъ Панъ Богъ даши рачитъ, на що приводити хочемъ.

А вамъ зичимъ, абы есте до его милости Великого Государа вашего здорови доѣхавши, его милости Великого Государа вашего здоровью огледали, и ошъ насъ его милости наведили и съ челобитьемъ поклонилися.

Выписано изъ Стат. Списка Польскаго Двора, N0 18, стран. 215 — 217.

NO VIII.

Статьи, предложенныя 18-го Мая 1634 года Россійскимъ Посламъ отъ Польскихъ полномочныхъ, бывшихъ съ ними на съѣздѣ у рѣчки Поляновки: о соединеніи Россіи съ Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ въ одно Государство и о сдѣланіи, въ ознаменованіе того, двухъ коронъ.

Способы вѣчного покою и докончанье истинно-вѣрное братерское милости и соединенья межи наяснѣйшимъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, а межи Великимъ Государемъ Московскимъ и Великимъ Княземъ:

Чтобы Король Полскій и Великій Князь Литовскій и иныхъ съ Великимъ Государемъ Московскимъ завсегды были въ любви, въ згодѣ, въ доброй и спашочной, вѣчной пріязни съ собою, потому же панове рады и всѣ иншіе станы духовные и свѣтскіе Коруны Полское и Великого Княжства Литовского и иныхъ зъ боярми думными и со всѣми станы духовными и свѣтскими великого Государства Московского и иныхъ въ згодѣ и въ вѣчной нераздѣлной любви братерской были, яко люди одное вѣры Хрестіянское, одного языка и народа Словенского.

Для совершенного соединенья тыхъ славныхъ Государствъ и освѣщенье передъ всѣмъ свѣтомъ, маютъ быти двоистыя коруны уробленыя, которыя бы значили двухъ Государей и Государствъ ихъ нероздѣлное, вѣчное соединенье: одна коруна въ Полшѣ, которая маетъ быть кладена, черезъ посла Великого Государя Московского и иныхъ, на голову Короля Полского и Великого Князя Литовского; а другая коруна въ Москвѣ, которая маетъ быти кладена, черезъ посла Короля Полского и Великого Князя Литовского, на голову Великого Государя Московского и иныхъ.

А ижъ Короли Государи-Монархи, такъ яко и вси иншіе люди, смерти подлежащими сутъ; тогды, гдѣ бы Король Полскій и Великій Князь Литовскій, что изволь, Господи, вдаль отдалитъ! съ сего свѣта преставится, маютъ панове рада Коруны Полскія и Великого Княжства Литовского о смерти Государя своего ознаймити Великому Государю Московскому и всѣмъ станомъ Московскимъ и о обиранью нового Государя съ ними ся посовѣтовать и нарадити, не запрещаючи приступу сынови Короля его милости, жебы его народы Полскіе и Литовскіе иншіе, до того належачіе, за Короля и Государя волными голосы обрать хотѣли. На которое изволенье и ко обиранью Короля его милости и Великого Князя, отъ становъ Коруны Полскія и Великого Княжства Литовского положоною, маетъ ты-

же послы свои послать Великій Государь Московскій и иныхъ, съ которыми послы станы Коруны Полскія и Великого Княжства Литовского и иныхъ въ обиранью Государю ссылались и совѣтовали маютъ, ни уближаючи ни въ чемъ волныя ссылки и совѣту, которое здавна до сего часу Коруны Полскія и Великого Княжства Литовского уживало, которую себѣ и впередъ непорушимо въ цѣлости блюдутъ; а Король его милость и Великій Князь, ново отъ становъ Корунныхъ и Великого Княжства Литовского обранные, поприсегаючи права и волности Коруны Полское и Великого Княжства Литовского, тотъ часъ тотъ союзъ и соединенье, вѣчную пріязнь и докончанье, межъ Государствы помененымъ постановленое, поприсягнути маетъ и моцно и крѣпко и нерушимо держати повиненъ будетъ.

При обиранью и корунацыи Короля его милости Полского и Великого Князя Литовского маетъ бывати посолъ Государя Московского и иныхъ и, по уложенью Коруны Полскія, черезъ Арцыбискупа и Бискупы Коруны Полское и Великого Княжства Литовского, на голову Короля корунованого маетъ тежъ посолъ Государя Московского и иныхъ класть другую коруну, особно на то устроеную.

Естьли бы сына Короля его милости Великого Князя, Государя нашего, чего, Боже, сохра-

ни! въ животѣ не стало; тогды не загорожаютъ себѣ станы Коруны Полское и Великого Княжства Литовского обрашь за Пана Государя Володимерского, Московского и иныхъ, которые, поприсягнувши права и волности народомъ Коруны Полскія и Великого Княжства Литовского и оставши Государемъ, доброволно обранымъ, державствующимъ двѣмя Государствами такъ славнымъ, широкимъ и великимъ, маетъ два года мѣшкати въ Полшѣ и въ Литвѣ для оправованья справъ Полскихъ и Литовскихъ, а годъ въ Москвѣ для оправованья справъ Московскихъ способомъ такимъ, якимъ згодне намовленъ и постановленъ будетъ.

Естьли бы тежъ, што, Пане Боже, яко надолжей отдалити изволь! случится Государю Московскому умрети, а сына Великимъ Государемъ и Великимъ Княземъ по себѣ оставитъ; тогды сынъ его милости тое соединенье вѣчное поприсягнути и держати нерушимо маетъ, ведже на поднесеніе его на тыя Государства маетъ за извѣщеніемъ Король его милость и Великій Князь, Государь нашъ, послать послы свои, передъ которыми Государь его милость Московскій и иныхъ тое соединеніе, межъ народами тыми постановеное, поприсягнути и крѣпко держати маетъ и повиненъ будетъ.

При коруноваьи или збраньи Государя на тыя Государства Володимерское, Московское и

иныхъ маетъ посолъ Короля его милости и Великого Князя, Государя нашего, класть на голову Государскую коруну, на що нарочно здѣланую.

Естьли бы, ошъ чего, Пане Боже, сохраниши изволь! по Государю и Великому Князю Московскому и иныхъ сыновъ не зостałось; тогды Король Полской и Великій Князь Лишовскій, Рускій, Прускій, Лифлянскій и иныхъ маетъ быши Государемъ Володимерскимъ, Московскимъ и иныхъ.

На шыя спашьи надобе дашь вскорѣ ошвѣшъ великимъ посломъ Московскимъ, будушъ и другія спашьи ошъ насъ даны до укрѣпленья и задержанья любви, брашства и вѣчного покою межъ нашими обѣма народами; а о всѣхъ шыхъ спашьяхъ будемъ ся уговаривашь въ любви побрашерску, шолкожъ великимъ посломъ Московскимъ, брашьи нашей, на всѣ шакія спашьи, кошорыми ся шошъ шеперешній покой вѣчный поспановленный маетъ нерушимо и крѣпко задержашь, надобе позволяшь и самымъ, чшобы разумѣли къ шому на обѣ спороны належачего написапи и намъ послашь: а мы о всемъ шомъ тошовы съ ними умовляшь и, за помочью Божіею, будемъ совершашь завшрее, въ понедѣльникъ, съѣхався съ собою.

Выписано изъ Стат. Списка Польскаго Двора, N0 13, стран. 196 — 520.

NO IX.

Запись Польскихъ Пословъ, Воеводы Плоцкаго Яна Казиміра Красинскаго съ товарищи, данная на съѣздѣ подъ Вильною Россійскимъ Посламъ, Боярину Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и прочимъ, при посредствѣ Цесарскихъ Пословъ Аллегретта и Лорбаха: о высылкѣ на Сеймъ въ Польшу Россійскаго Посольства, для избранія Государя Царя Алексѣя Михайловича *Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ; о прекращеніи военныхъ между обоими Государствами дѣйствій и о незамиреніи съ Шведами безъ взаимнаго согласія.*

1656 Октября 24. / н. с. Ноября 3.

Za posrzednictwem naiasnieysze° y niezwycięzone° Ferdinanda trzeciego, z Bozey łaski Cesarza Je° Mći Chrzescianskie°, wielkich y połnomocnych posłow iasnie wielmoznych Je° Mći pana don Allegreti de Allegretis y Je° Mći pa-

За посредствомъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго Фердинанда третьяго, Божіею милостію Цесаря его милости Христіанскаго, великихъ и полномочныхъ пословъ ясневельможныхъ его милости пана донъ Аллегрета де Аллегреписа и его милости Ягана Ди-

na Jana Theodora à Lorbach, Je° Cesarskiey Mći Consiliarzow, naiasnieysze° y Wielkie° Hospodara Jana Kazimierza, z Bozey łaski Krola Polskiego y Wielkie° Xiązęcia Litewskie° y innych, Je° Krolewskie° Weliczestwa wielcy y połnomocni posłowie commissarze: iasnie wielmozni Jan Kazimierz na Krasnym Krasinski, Woiewoda Płocki, Starosta Łomzinski y Przasnyski, Krzystoph Zawisza na Baksztach, Marszałek wielki Wielkie° Xztwa Litewskie°, Starosta Minski y Bracławski, w Bogu wielebny Xiądz Jan Dowgiało Zawisza, nominat Biskup Wilenski, Referendarz y Pisarz Wielkie° Xtwa Littewskie°, Proboszcz Trocki y Oszmianski, wielmozni Cyprian Paweł Brzostowski, Referendarz Wiel° Xa Litt°, Starosta Subocki y Oranski, Stanisław Sarbiewski Starosta Grabowiecki y Korytnicki, za roskazaniem Krolewskie° Weliczestwa,

трика фонъ Лорбаха, Его Цесарскія милости думныхъ людей, наяснѣйшаго и Великаго Государя Яна Казимера, Божіею милостію Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго и иныхъ, Его Королевскаго Величества великіе и полномочные послы комисары: ясневельможный Янъ Казимеръ на Красномъ Красинскій, воевода Плоцкій, староста Ломжинскій и Преснинскій; Христопъ Завиша на Бакштахъ, маршалокъ великій Великаго Княжства Литовскаго, староста Минскій, Брацлавскій; въ Бозѣ велебный Ксендзъ Янъ Довгяло Завиша, номинатъ Бискупъ Виленскій, референдарь и писарь Великаго Княжства Литовскаго, пробощь Троцкій и Ошмянскій; вельможный Кипріанъ Павелъ Бростовскій, референдарь Великаго Княжства Литовскаго, староста Субоцкій и Оранскій; Станиславъ Сарбѣевскій, староста Грабовицкій и Корытницкій,

ziezdzalismy się Bozą miłoscią Wielkie° Hospodara Cara y Wielkie° Kniazia Alexiia Michayłowicza, wszytkiey Wielkiey y Małey y Białey Rusi Samoderzca, y mnogich Hospodarstw y ziem wostocznych y zapadnich y siwernych Oyczyca, Dziedzica y Naslidnika, Hp̃dra y Obłaadatela, Je° Carskie° Weliczestwa z wielkimi y połnomocnymi posłami z wielkimi hospodynami: z Bliznim Boiarzynem y Namiestnikiem Astarachanskim z Kniaziem Nikitą Iwanowiczem Odoiewskim, z Okolniczym y Namiestnikiem Rezanskim z Kniaziem Iwanem Iwanowiczem Łobanowym - Rostowskim, z Okolniczym y Namiestnikiem Ałatarskim z Wasilem Alexandrowiczem Czohłokowym, z hospodynami Diakami z Harasimem Semenowym synem Dochturowym y z Euphimiiem Juriewym, pod miastem Wilenskim y mowilismy, iakoby mie-

по указу Королевскаго Величества, съѣзжалися есмя Божіею милостію Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника, Государя и Облаадателя, Его Царскаго Величества съ великими и полномочными послы, съ великими господами: съ ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ Астараханскимъ со Княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, съ окольничимъ и намѣстникомъ Рязанскимъ со Княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ - Ростовскимъ, съ окольничимъ и намѣстникомъ Алатарскимъ съ Васильемъ Александровичемъ Чоглоковымъ, съ господами дьяками съ Герасимомъ Семеновымъ сыномъ Дохтуровымъ и съ Еѳимомъ Юрьевымъ, у мѣста Вильны и говорили есмя,

dzy obiema Wielkimi Hdrami naszemi Krolewskim Weliczestwem y Carskim Weliczestwem uczynic braterską przyiazn y miłosc y wieczne dokonczenie, a miedzy ich obiema wielkimi Hospodarstwami zgodę y nierozerwany pokoy; oni zaś Carskie° Wel^{a} wielcy y połnomocni posłowie mowili z nami Krolew° Wel^{a} wielkimi posłami commissarzmi o electiey na Koronę Polską y Wielkie Xztwo Littskie Wielkiego Hdra swego Je° Carskie° Weliczestwa za zywota Je° Krol^{a} Wel^{a}, szczęsliwie nam panuiącego: a ze to dzieło, za niektoremi niemnogiemi przyczynami, na ten czas do skutku przysc nie mogło. Dla tego my Krol^{a} Wel^{a} wielcy y połnomocni posłowie commissarze postanowili z Carskie° Wel^{a} wielkimi y połnomocnymi posłami odroczenie dla umowienia y dokonczenia tey sprawy, zeby przysłał do naiaskакъ бы межъ обоими Великими Государи нашими Королевскимъ Величествомъ иЦарскимъ Величествомъ учинишь братскую дружбу и любовь и вѣчное докончанье, а межъ ихъ обоихъ великихъ Государствъ миръ и неразорванный покой; а они Царскаго Величества великіе и полномочные послы говорили съ нами Королевскаго Величества великими послы комисары о обраньи на Коруну Польскую и Великое Княжство Литовское Государя своего Его Царскаго Величества, при животѣ Его Королевскаго Величества щастливо намъ государствующаго: но то дѣло, за нѣкоторыми немногими причинами, нынѣ совершитися не могло. И мы Королевскаго Величества великіе и полномочные послы комисары постановили съ Царскаго Величества великими и полномочными послы отсрочку для договора и докончанья того дѣла, чтобъ прислалъ до наяснѣйшаго и Велика-

nieysze° y Wiel° Hd̄ra nasze° Je° Krol° Wel° Wielki Hp̄dr Je° Carskie Wel° swoich Carskie° Wel° wielkich y połnomocnych posłow na Seym Korony Polskiey y Wiel° X^a Litt° , o ktorym, iako złozony będzie, Je° Krol^ie Wel° hramotą swoią przez gonca Carskie° Wel° oznaymi. A poki u Krol° Wel° przez PP. Rad y Urzędnikow y wszytkiey Rz̄ptey Korony Polskiey y Wiel° X^a Litt° z Carskie° Wel° wielkimi y połnomocnymi posłami dohowor na Seymie uczyni y skonczy się, poty miedzy Krolewskim Wel^m y Carskim Wel^m woyskom byc zatrzymanym, y zołnierstwu y woynie nie byc, y zadnych zaczepek z obu stron nie czynic, y o wszem przeciw spolnemu nieprzyiacielowi Szwedskiemu Krolowi y Xiązęciu Pruskiemu, iesli się Krolewskiemu Wel^m y Rz̄ptey nie upokorzy y Szwedskiemu Krolowi

го Государя нашего Его Королевскаго Величества Великій Государь Его Царское Величество своихъ Царскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ на сеймъ Коруны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго, о которомъ, какъ сложенъ будетъ, Его Королевское Величество грамотою своею черезъ гонца Царскому Величеству объявитъ. А покамѣста у Королевскаго Величества черезъ пановъ радъ и урядниковъ и всею рѣчью посполитою Коруны Польской и Великаго Княжства Литовскаго съ Царскаго Величества великими и полномочными послы договоръ на сеймѣ учинится и скончится, и до тѣхъ мѣстъ межъ Королевскимъ Величествомъ и Царскимъ Величествомъ войскамъ быть задержанымъ, и рати и войнѣ не быть и жадныхъ зацѣпокъ съ обѣихъ сторонъ не чинить, но противъ общему непріятелю Свейскому Коро-

przeciwko Krolewskiᵉ Welª y Carskiemu Welª będzie pomagac, z obu stron woiowac y s tymże Krolem Szwedskim oboiey stronie nie zgadzac się. Wszystkim zamkom, miastom, włosciom y mieyscom niezawoiowanym, osobliwie Bychowowi, y innym wszystkim tak Koronnym, iako y Wielᵉ Xª Littᵉ żadne zaczepki y naiazdy od Carskieᵉ Welª woyska y żołnierzow, ani od Kozakow Zaporozskich czynione byc nie maią: tymże sposobem Krolewskieᵉ Welª woyska y żołnierze niiakich zaczepek zamkom, miastom y włosciom, w dzierzeniu Carskieᵉ Welª do uczynienia pokoiu będącym, czynic nie maią; woysku iednak Krolewskieᵉ Welª przeciwko nieprzyiacielowi Krolowi Szwedskiemu y Xiążęciu Pruskiemu przez włości y mieysca zawoiowane wolne przeyście ma byc, bez szkody iednak y wybierania stacij. A wyzey pomienio-

ню и Князю Прускому, буде Королевскому Величеству и рѣчи-посполитой не покорится и Свейскому Королю прошивъ Королевскаго Величества и Царскаго Величества помогать будетъ, съ обѣихъ сторонъ воевать и съ тѣмъ же Королемъ Свейскимъ обѣимъ сторонамъ не миришься. Всѣмъ городамъ и мѣстамъ и волостямъ и мѣстцамъ незаоеваннымъ, особливо Быхову, и инымъ всѣмъ такъ Коруннымъ, какъ и Великаго Княжства Литовскаго никакія зацѣпки и наѣзды отъ Царскаго Величества войска и ратныхъ людей, ани отъ казаковъ Запорожскихъ чинены быть не имѣютъ: тѣмъ же обычаемъ Королевскаго Величества войска и ратные люди никакихъ зацѣпокъ замкамъ, мѣстамъ и волостямъ, подъ властію Царскаго Величества до учиненья покоя будучимъ, чинить не имѣютъ; а войску Королевскаго Величества про-

nym Carskie° Wel[a] wielkim y połnomocnym posłom do Krolewskie° Wel[a] przyiachac y nazad odiachac ze wszytkiemi ludzmi dobrowolnie, bez wszelakiego zatrzymania y zaczepki. A o titułach Krolewskie° Weliczestwa y Carskiego Weliczestwa, tak wielkich, iako y małych, na tymże przyszłym Seymie Carskiego Weliczestwa wielcy y połnomocni posłowie rozmowę y dokonczenie uczynią; a teraznieysze tituły napisane w tych zapisach oboim Wielkim Hospodarom w nadzieię z wyszopisanego pokoiu y oboich wielkich Hospodarstw wiecznego ziednoczenia. A na potwierdzenie tego naszego postanowienia, my Krolewskie° Wel[a] wielcy y połnomocni posłowie commissarze ten zapis napisali y ręce swoie y pieczęci przyłozyli. Pisan pod miastem Wilenskim, roku od Narodzenia Syna Bozego tysiąc

шивъ непріятеля Короля Свейскаго и Князя Прускаго черезъ волости и мѣста завоеванныя вольный переходъ имѣетъ быть, безъ шкодъ однакожъ и выбиранья спацей. А вышеименованнымъ Царскаго Величества великимъ и полномочнымъ посламъ къ Королевскому Величеству пріѣхать и назадъ отъѣхать со всѣми людьми добровольно, безо всякаго задержанья и зацѣпки. А о титлѣ Королевскаго Величества и Царскаго Величества, такъ великія, какъ и малыя, на томъ же пришломъ соймѣ Царскаго Величества великіе и полномочные послы договоръ и совершенье учинятъ; а нынѣшнія титлы написаны въ тѣхъ записяхъ, обоимъ Великимъ Государямъ въ надежду вышеописаннаго покоя и обоихъ великихъ Государствъ вѣчнаго соединенія. А на утвержденье того нашего постановленья, мы Королевскаго Величества великіе и полномочные по-

szesc set pięćdziesiąt szostego, miesiąca Novembra trzeciego dnia według nowego Kalendarza.

слы комисары сію записъ написали и руки свои и печати приложили. Писанъ подъ городомъ Вильною, лѣта отъ Нароженія Сына Божія ахнѕ, мѣсяца Ноября ѓ дня по новому календарю.

Здѣсь, въ подлинникѣ, слѣдуютъ своеручныя Польскихъ Пословъ подписи:

Jan Kazimierz na Krasnym Krasinski, Woiewoda Płocki, Lomz., Prasn. Sta., Posel y Commissarz Je° K. M. y Rpt.

Янъ Казимеръ на Красномъ Красинскій, воевода Плоцкій, Ломжинскій и Празницкій староста, посолъ и комисаръ Его Королевскія милости и рѣчи посполитой.

Krzisztoph Zawisza na Baksztach, Marszalek wielki W° X^a L°, Minski, Brasławski Starosta, Commissarz y Posel Je° K. M. i Rzeczi pospolitei.

Хришпопъ Завиша на Бакшпахъ, маршалокъ великій Великаго Княжства Литовскаго, Минскій и Бряцлавскій старосша, комисаръ и посолъ Его Королевскія милости и рѣчи посполитой.

Jan Dowiało Zawisza, nominat Biskup Wilenski, Referendarz, Pisarz WXL, Proboscz Trocki y Osmianski, Poseł, Commissarz Je° K. M. y Rp̃tey.

Янъ Довгяло Завиша, номинашъ Бискупъ Виленскій, референдарь и писарь Великаго Княжства Литовскаго, пробощъ Троцкій, Ошмянскій, по-

	солъ и комисаръ Его Королевскія милости и рѣчи посполитой.
Cyprian Paweł Brzostowski, Referendarz W° X^a Litt., Subocki y Oranski Starosta, Poseł y Commissarz J. K. M.y Rzp̃tey.	Кипріанъ Павелъ Бростовскій, референдарь Великаго Княжства Литовскаго, Субоцкій и Оранскій староста, посолъ и комисаръ Его Королевскія милости и рѣчи посполитой.
Stanisław Sarbiewski, Starosta Grabowiecki, Korytnicki, Commissarz Je° K. M. y Rzp̃ltey.	Станиславъ Сарбѣвскій, староста Грабовицкій и Корытницкій, комисаръ Его Королевскія милости и рѣчи посполитой.

Къ сей Записи приложено подъ кустодіею пять восковыхъ печатей.

Подлинникъ хранится въ Архивѣ между Польскими трактатами подъ N0 96 мъ; переводъ же выписанъ изъ Стат. Списка Польскаго Двора, N0 88, стран. 185—195.

N0 X.

Списокъ Грамоты Царя Алексѣя Михайловича *изъ Полоцка, отъ 31-го Октября 1656 года, въ Москву къ Боярамъ: объ отправленіи въ Соборной Церкви и во всѣхъ Храмахъ молебствія, за одержанныя въ Лифляндіи побѣды надъ Шведами и за постановленіе на Посольскомъ съѣздѣ подъ Вильною договора, касательно избранія Государя преемникомъ Престола Польскаго, и о возвѣщеніи сего радостнаго произшествія народу.*

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, боярину нашему Князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи. Прося у Бога милости и у пречистыя Богородицы и у Московскихъ чудотворцевъ и у всѣхъ святыхъ помощи, ходили мы Великій Государь Наше Царское Величество съ своими ратными людьми на недруга своего на Шведскаго Короля, мстить неправды его; и, милостію Божіею и пречистыя Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ помощію, мы Великій Государь Свейскаго Короля шесть городовъ: Диноборкъ, Куконаусъ, Новгородокъ, Кастергавье, Кесъ, Юрьевъ Ливонской, да у Риги большой валъ и другой валъ же взяли. И къ намъ Великому Государю прислалъ подъ Ригу Бранде-

бургской Курфирстъ пословъ своихъ, чтобъ намъ Великому Государю съ Свейскимъ Королемъ миръ учинить; и мы Великій Государь Наше Царское Величество отъ Риги отступили и пришли въ Полотескъ. Октября въ 15 день писали къ намъ Великому Государю Нашего Царскаго Величества великіе и полномочные послы, ближній бояринъ и намѣстникъ Астараханской Князь Никита Ивановичь Одоевской съ товарищи, что милостію Божіею, а нашимъ Государскимъ и сына нашего благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи щастіемъ, а отца нашего и богомольца великаго государя свяшѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи молитвами, они Нашего Царскаго Величества великіе и полномочные послы Королевскаго Величества съ послы на съѣздѣ договорились и записьми укрѣпились, и обрали на Королевство Полское и Великое Княжство Литовское насъ Великаго Государя. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли послать къ Архіепископу, и велѣли ему съ Архимандриты и съ Игумены и съ протопопы и попы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ быть въ соборную церковь; да въ соборную церковь велѣлибъ есте быти дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и головамъ стрѣлецкимъ, и гостямъ, и гостиныя сотни торговымъ людемъ и посадскимъ лутчимъ людемъ. А какъ тѣ всѣ люди въ соборную церковь сойдутся, и вы бъ Архіепископу и всему о-

священному собору и всякихъ чиновъ людемъ про то сказали и сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ въ слухъ, чтобъ всякихъ чиновъ людемъ о томъ было вѣдомо, и велѣлибъ есте въ соборной и Апостольской церкви и во всѣхъ церквахъ молебствовать, и о нашемъ Государскомъ, и Царицы нашея благовѣрныя и Великія Княгини Марьи Ильиничны, и сына нашего благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и сестръ нашихъ Государскихъ благовѣрныхъ Царевенъ: благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Ирины Михайловны, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Анны Михайловны, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Татьяны Михайловны, и дщерей нашихъ Государскихъ благовѣрныхъ Царевенъ: благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Евдокіи Алексѣевны, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Марѳы Алексѣевны, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Анны Алексѣевны многолѣтномъ здоровьи и о Христолюбивомъ воинствѣ Бога молить. А съ сею нашею Государскою грамотою посланъ къ вамъ стольникъ нашъ Григорій Максимовъ сынъ Стрѣтневъ, и выбъ велѣли ему Григорью быть на Москвѣ до нашего указу. Писана на нашемъ стану въ Полоцкѣ, лѣта зрѯе, Октября въ ла день.

Грамота сія выписана изъ Розрядныхъ Записокъ 1656 года.

NO XI.

Переводъ Рѣчи, говоренной по Польски на аудіенціи Царю и обранному Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Алексѣю Михайловичу *Польскимъ Посланникомъ, Подчашимъ Полоцкимъ и Дворяниномъ Королевскимъ, Яномъ Корсакомъ, присланнымъ со съѣзда изъ-подъ Вильны отъ Цесарскихъ и Польскихъ полномочныхъ Пословъ.*

1656, Ноября 21.

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и Облаадатель, обранный Король Польскій и Великій Князь Литовскій, наяснѣйшій, милостивый Царь Государь, Государь нашъ милостивый! Посредники и послы Цесаря его милости Христіанскаго нижайшій поклонъ престолу Вашей Царской милости, Государю нашему милостивому, отдаютъ, здоровья добраго отъ Господа Бога и счастли-

ваго государствованія на долгія лѣта пріятно желаютъ престолу Вашей Царской милости, Государю нашему милостивому, при которыхъ послы Его Королевской милости, Пана нашего милостиваго, и рѣчи посполитой Вашей Царской милости нижайшія услуги свои престолу Вашей Царской милости отдаютъ и отъ Господа Бога здоровья добраго, счастливаго государствованія въ долгія и незамѣренныя лѣта пріятнымъ доброхотѣніемъ желаютъ.

Понеже по воли Божіей, за счастливымъ государствованіемъ Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, народъ нашъ подъ высокую и благоговѣйную руку Вашей Царской милости Богъ поддаетъ; за что не только Божію престолу благодарствуя, но и вѣрное подданство Вашей Царской милости ихъ милость панове послы Его Королевской милости, именемъ рѣчи посполитой, чрезъ меня обѣщаютъ, надежны того суть, что Ваша Царская милость, Государь нашъ милостивый, выслушавъ съ посольства ихъ милостей пановъ комисарей и пословъ полномочныхъ Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, на тѣ высаженные договоры о вѣчной и неразорванной покой и соединеніе Государствъ подъ высокую (руку) Вашей Царской милости и обраніе счастливе на Королевство Польское и надъ народомъ нашимъ государствованье, всѣ розницы, которыябъ при счастливой вложенной корунѣ на

благоговѣйную главу Вашей Царской милости заступать имѣли на близко-наступаючемъ счасливомъ соймѣ, уже еси отъ ихъ милостей нановъ комисарей полномочныхъ и съ листа посредниковъ увѣдомленъ, приносятъ тогда чрезъ меня и чрезъ листъ свой Цесаря его милости Христіанскаго посредники и рѣчи посполитой комисары Его Королевской милости, Пана моего милостиваго, нижайшее прошеніе до престола Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, покорне бьючи челомъ, чтобъ еси Ваша Царская милость, Государь нашъ милостивый, съ высокія благоговѣйныя милости Цесаря его милости Христіанскаго и прошивъ Его Королевской милости рѣчи посполитой указалъ залогомъ своимъ, хотя по Березыню, уступить предъ соймомъ, какъ бы Его Королевская милость и рѣчь посполитая надеждою пришлаго жалованья противъ Его Королевской милости и народу нашему пріохочены были тѣмъ жалованьемъ Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, какъ бы есмя за достоинство Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, и вкупѣ единакими гласы съ братіею нашею, завоеванную шу коруну, которую Богъ на благоговѣйную главу Вашей Царской милости полагаетъ, единакими гласы съ Коруною Польскою и Княжствомъ Литовскимъ счасливе взложили. Вѣмъ убо, пресвѣтлѣйшій, милостивый Царю Государь, Государь нашъ милостивый! когда бы въ томъ жалованья

Вашей Царской милости, Государя нашего милостиваго, не было, имѣлобъ то благоговѣйное дѣло тотъ соймъ пришлый счастливый вельми затрудниш, когда бы есмя съ Княжства Литовскаго пословъ не имѣли съ полною мочью, противъ правъ и извычаю давняго съ Коруною Польскою и съ Княжствомъ Литовскимъ слученую.

Пресвѣтлѣйшій Царю, милостивый Государь, Государь нашъ милостивый! Понеже то благоговѣйное дѣло емлеш свой конецъ изъ воли и призрѣнія Божія, и счастливе Коруна Польская и Княжство Литовское подъ высокую руку престолу Вашей Царской милости приходиш, его милость панъ маршалокъ, яко сенаторъ могожъ Княжства Литовскаго, отдаетъ Вашей Царской милости, Государю нашему милостивому, нижайшія свои услуги и подданство престолу Вашей Царской милости, Государю нашему милостивому; Господа Бога молитъ о томъ, Онъ, по благодати Своей святой, долго и благополучне въ добромъ здоровьи и счастливомъ государствованіи хранить изволилъ.

Выписано изъ дѣлъ Польскаго Двора, 1656 года, No 38.

No XII.

Переводъ Статей, предложенныхъ въ Посольскомъ приказѣ Ближнему Боярину Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову и Окольничему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву отъ Польскихъ и Литовскихъ Вельможъ чрезъ Посланника, Писаря Троцкаго, Августина Погожево-Константиновича: о избраніи въ Польскіе Короли Царевича Ѳеодора Алексѣевича, — *и отвѣты на тѣ Статьи съ Россійской стороны.*

1674, Февраля 14.

Помышленія, для которыхъ годилось бы Его Царскому Величеству вниши въ приступленіе о сынѣ своемъ на Королевство Польское.

Давно тѣ обои народы языкомъ, нравы, строемъ себѣ подобны, въ вѣрѣ мало что разны, на единой суще землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ междо собою будущее, присемъ имѣя сосѣдей отъ большія части общихъ, и пользы едины могли бы быши стѣною непреодолѣемою Христіанству, силѣ бусур-

манской не точію страхованіемъ, но и пагубою, отъ всѣхъ сосѣдей и Государей Христіанскихъ въ ненарушенномъ покоѣ, почтеніе и честь, шѣмъ паче, естьли бы между собою не токмо покой, но и союзъ вѣчный учинили, и то бы нынѣ удобнѣе быти могло способомъ нижеописаннымъ:

Имѣетъ Его Царское Величество, при цвѣтущемъ вѣцѣ своемъ, особно благословеніе Божіе въ наслѣдіи, для котораго хотя довольно пространные суть отеческаго Государства рубежи; однако не умалило бы, но и паче приможило Его Царскому Величеству славы и чести, естьли бы Его Царскаго Величества сынове во очесѣхъ родителя своего могли быти окрестныхъ Государствъ Монархами укоронованными, яко нынѣ на прилогъ, егда во время осиротѣнія Польскія Коруны большій сынъ Его Царскаго Величества соизволилъ соединити способами пристойными о Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ съ толико многими належащими соединенными Княжствы и странами.

И того ради воспоминается большій сынъ Его Царскаго Величества, понеже Его Царское Величество, еще будучи въ добромъ вѣцѣ, можетъ многолѣтно Государства себѣ отъ Господа Бога врученныя счастливо правити и устрояти, и юнѣйшаго сына во исполненіе лѣтъ государ-

ствованія достойныхъ воспитати на дѣдичныя свои Государствa, а шѣмъ временемъ напѣшитъ очи и сердце свое, зря на укоронованнаго во очесѣхъ своихъ въчислѣ Великихъ Государей Христіанскихъ сына; шакожъ другой странѣ права и звычаи отчины нашія, особно нынѣшнихъ временъ страны шребуютъ Государя, а буде еще несовершенныя лѣта къ государствованію имѣющаго, и тако хотя къ скорому достиженію сбдиженныя.

Дѣла шѣхъ соединеній сицевы могутъ быти: съ домомъ Ракускимъ Цесаря его милости, съ которымъ отъ толико многихъ лѣтъ Его Царскому Величеству утвержденная дружба, симъ паче умножашися бы могли чрезъ пріятіе въ брачный чинъ Королевина Величества, нынѣ во вдовствѣ будущія.

Утвержденія въ вѣчныя времена перемирья и надѣянія междо Цесаремъ Римскимъ, Королевствомъ Польскимъ и Государствы Рускими, а оттуда какъ подалось Корунѣ съ Великимъ Княжствомъ Литовскимъ, соединеннымъ отъ древнихъ счастливостей, и обогащеніе чрезъ вольные и безопасные торговые промыслы.

Сосѣдамъ всѣмъ страхованіе, а особно Турку, который со всѣми шѣми Монархи рубежи имать, и частократно особственно единою того второе инаго нашествуетъ и прошивъ договоровъ обиду шворитъ.

Отвореніе пути къ распространенію шѣхъ всѣхъ Государствъ, безъ взаимныя междо собою обиды и ненависти, скорую помощь въ приключеніяхъ надежда щастливаго наслѣдія Королевства ихъ милостей, которыхъ (хотя вольная есть всегда въ томъ народѣ элекція), однакожъ нѣсть такого прилога, дабы не имѣли быти когда почтенны коруною, съ которою и въ кляшторахъ Королевскихъ сыновъ изообрѣтали и изъ нихъ на прилѣжное прошеніе ко Апостольскому престолу на отеческій престолъ возводили; могло же бы наступити когда-ниесть увольненіе Греческихъ и Словенскихъ народовъ Христіанскихъ изъ бусурманскія неволи, которые издавна защищенія Христіанскаго желаютъ симъ же способомъ, также и счастливаго пособствія надъ непріятелемъ и одолѣнія.

Съ другія страны есть на что оглядатися, понеже егда Его Царское Величество оставитъ сей прилучай угодный, чтобъ Поляки не обрали Государя изъ какого дому, Государствамъ Рускимъ противнаго, на примѣръ Французскаго, который, для прибыли Корунѣ Французской, не могль бы тихомирно и надежно дружбы какъ дому Ракускому, также Его Царскому Величеству додержати, понеже Коруна Французская имѣетъ свои дружбы и союзы съ Турскими Салтаны и частократно чинитъ нашествія; егда съ Турками воюютъ, имѣетъ же свои союзы и любовь съ Королевствомъ Свейскимъ, котораго

прибыли обоимъ тѣмъ Государству Рускому и Польскому вредительны сутъ, а имѣли бы нелож-ное своимъ успѣваніемъ отъ Коруны Французскія, а паче отъ Короля его милости, который бы съ того способа той Корунѣ былъ обранъ.

А естьли дѣло есть къ склоненію годно и аще та склонность о Царевичевѣ Величествѣ мо-жетъ пріидти къ совершенію, или никаковыхъ ради трудностей и противностей, отвѣщаваю, что то никотораго изъ Монарховъ не досади-тельствовало, нижѣ обезчестишъ, что будетъ кан-дидатомъ, нижѣ то Королевство, которое есть въ рукѣхъ Божіихъ, и вольные въ правѣ своемъ къ сохраненію онаго рѣчи посполитой; а какъ еще дойдутъ договоры удобные и привабу имѣю-щіе, веліе есть надѣяніе въ милосердіи Божіи, что сіе удобно исправитися можетъ.

Сихъ же малое число:

Божіею милостію Ве-ликаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ Го-сударствъ и земель вос-точныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣ-дича и наслѣдника и Го-

сударя и Облаадателя, Его Царскаго Величества ближняго боярина и намѣстника Тверскаго Князь Юрьи Алексѣевича Долгоруково, окольничаго и намѣстника Серпуховскаго Артемона Сергѣевича Матвѣева, да дьяковъ думнаго Григорья Карнова сына Богданова съ шоварищи, ясневельможнаго Михаила Казимера Пацы, воеводы Виленскаго, гетмана Великаго Княжства Литовскаго, присланному Августину Костяншиновичу на его словесное предложеніе и на поданныя письма ответъ.

Будучи у насъ Его Царскаго Величества ближняго боярина и думныхъ людей, прошеніе и желательство ясневельможнаго гетмана объявилъ о избраніи на Коруну Польскую и Великое Княжство Литовское нынѣ Государя и подалъ спашьи, а въ спашьяхъ написано:

ã.

Право, егоже вамъ миновати невозможно; понеже и звычай, отъ вѣковъ содержащій, хощетъ имѣти Короля Каполика.

На ã.

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику и Государю и Обладателю, не только для Коруны Польской и Великаго Княжства Литовскаго вѣры благочестивой православной Христіанской Греческаго закона оставишь, но и для всего Свѣта невозможно; а по желанію вашему, быти Государемъ на Корунѣ Польской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ изволяешъ въ своей благочестивой истинной православной Христіанской Вѣрѣ Греческаго закона самъ своею Государскою особою, а сына своего благовѣрнаго Государя Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и

Бѣлыя Россіи, какъ словесное прошеніе твое было, отпустить на Коруну Польскую и Великое Княжство Литовское Государемъ не соизволяетъ.

ѣ.

Пріятіе въ брачный законъ Королевина Величества, отъ рѣчи посполитой всякими довольствы наполненныя Государыни, лѣпотою едва во Европѣ уравненныя, ошкуда и союзъ съ домомъ Цесарскимъ.

На ѣ.

Присовокупленію брачному Государыни вашей Королевы быти не съ кѣмъ, понеже Великій Государь нашъ Его Царское Величество, по вашему прошенью и челобитью, быти на Корунѣ Польской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ Государемъ самъ изволяетъ; а Государынѣ вашей Королевѣ быти въ то время въ Корунѣ Польской, или въ Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, въ которомъ городѣ пристойно, и какъ о томъ можетъ учинится договоръ между Царскаго Величества послы и Коруны Польскія и Княжства Литовскаго коммисары, которые для того договора высланы быти имѣютъ.

ѓ.

Привращеніе странъ, чрезъ войну Его Царскаго Величества устуупленныхъ до перемирныхъ лѣтъ; понеже ни стыдится, дабы Царское Величество наяснѣйшему сыну своему вручилъ, прилучаемъ жалости на умоленіе сего Государства, въ немъ же бы королевствовалъ.

На ѓ.

Какъ Великій Государь нашъ Его Царское Величество, по волѣ всемогущаго Бога, а по вашему челобитью и прошенію, Государемъ и Великимъ Княземъ на Корунѣ Польской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ учинится, и тогда и всѣ Государства и Княжства въ началѣ Россійскаго Царствія, такоже Коруны Польскія и Княжства Литовскаго будутъ подъ Его Царскаго Величества владѣніемъ, и рубежей раздѣлять не для чего; а права ваши и вольности содержаны будутъ такъ, какъ при Государѣхъ вашихъ Королѣхъ Польскихъ и Великихъ Князѣхъ Литовскихъ напередъ сего содержаны и нынѣ состоятся. А при вѣнчаніи или при короноваціи учинить сенатыремъ Коруны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго духовнымъ и свѣтскимъ и всей рѣчи

посполитой предъ святымъ Евангеліемъ обѣщаніе во всякой къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству въ вѣрной службѣ и въ послушаніи, какъ должность по правамъ вашимъ Государямъ своимъ повиноватися и послушаніе отдавать. А въ уряды ваши и въ маетности Великій Государь нашъ Его Царское Величество самъ вступатися никогда не будетъ и никому не велитъ, и Его Царскаго Величества боярамъ и думнымъ людямъ и сто́льникамъ и стряпчимъ и инымъ Его Царскаго Величества рапнымъ и всякимъ служилымъ людямъ раздавать не учнутъ.

ѓ.

На ѓ.

Обѣщаніе общихъ силъ противъ непріятеля Креста святаго, на вспоможеніе шоеже войны, которая зѣло изубожила Польшу, каковы казны на вспоможеніе коли-

Великій Государь нашъ Его Царское Величество какъ, по волѣ всемогущаго Бога, на Корунѣ Польской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ Государемъ учинится, и шог-

ко милліоновъ твердыхъ явно токмо самой рѣчи посполитой для добра оной данные, никому же особно обѣщавая, нижѐ дая; потому что пришедчи во особые торги, и большіе протори будутъ и малое ко исправленію какого добра надѣяніе, какъ новые прилоги научаютъ, что и протори погибаютъ, также и отъ того противности и ненависти раждаются.

да Коруну Польскую и Княжство Литовское оборонять ото всякихъ непріятелей, естьли покажутся, своими Царскаго Величества ратными людьми укажетъ, не вымогая изъ скарбовъ Корунныхъ и Литовскихъ никакихъ на своихъ Царскаго Величества ратныхъ людей податей; а Коруннымъ и Литовскимъ войскамъ, какъ коннымъ, такъ и пѣшимъ, быть въ помочи Его Царскаго Величества ратнымъ людямъ противъ всякаго непріятеля ровнымъ числомъ на Корунныхъ и Княжства Литовскаго проторѣхъ, для того, что Великій Государь Его Царское Величество никакихъ поборовъ и податей, которые сбирывались въ казну Королевскаго Величества съ его экономій, въ свою Царскаго Величества казну сбирать не изволитъ, а укажетъ раздавать тѣ всякіе поборы и подати Коруннымъ и Великаго Княжства Ли-

шовскаго рапнымъ людямъ по ихъ правамъ. А чшобъ нынѣ на вспоможеніе Корунѣ Польской и Княжсшву Лишовскому прошивъ непріяшелей объявишь Его Царскаго Величесшва изъ казны милліоны, и шого учинишь не доведешся, для шого, чшо Его Царское Величесшво усшупаешъ шѣхъ доходовъ, которые сбирывались въ казну Королевскаго Величесшва, а нынѣ будушъ шѣ доходы розданы войскамъ; да и для шого милліоновъ казны войскамъ Коруннымъ и Лишовскимъ объявишь не довлѣешъ, понеже Великій Государь нашъ Его Царское Величесшво, и не учиняся на Корунѣ Польской и Великомъ Княжсшвѣ Лишовскомъ Государемъ и Великимъ Княземъ, шой Корунѣ Польской и Великому Княжсшву Лишовскому, какъ при государсшвованіи браша своего высокославныя памяши наяснѣйшаго и Великаго Госуда-

ря вашего, тогда государствующаго Его Королевскаго Величества, такъ и нынѣ рѣчи посполитой Коруны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго помощь противъ наступающихъ непріятелей своими Царскаго Величества многочисленными ратными людьми чинишъ съ великими убытки своея Царскаго Величества казны. А что о вспоможеніи казныжъ, или милліоновъ, во удовольство самой рѣчи посполитой упоминаешь; понеже рѣчь посполитая никому того обѣщавая, ниже́ даяй тое склоненіе, токмо Его Царскому Величеству, гдѣ напомянуто и о объявленіи шоргу.

И Великій Государь нашъ Его Царское Величество, Государь Христіанскій, милосердый, по волѣ всемогущаго Бога владѣешъ своимъ Царскаго Величества великимъ Россійскимъ Го-

ё.

Паче же всего поступити съ тою рѣчью посполитою истинно и прямо, не отлагая въ скоромъ и явномъ даніи отвѣта, что быти можетъ, дабы тоскливая ожиданіемъ вѣдомости не уклонилась во ину страну; понеже нравъ той рѣчи посполитой, како въ себѣ никакихъ скрытостей не имать, такожъ взаимъ терпѣти ихъ не можетъ.

А естьли тѣ способы угодны будутъ, и такожъ отозвапися чрезъ сударствомъ и со многими покоряющимися земли и Государствы, которыя тѣ и иныя можетъ и впредь содержать по своему Государскому бодроопасному разуму, безъ происканія иныхъ Государствъ куплею, и оную торговлю рѣчь посполитая отставилибъ.

На ё.

Естьли рѣчи посполитой Коруны Польскія и Великаго Княжства Литовскаго надобно имѣти себѣ Государя премудра, благочестива, въ ратныхъ дѣлѣхъ искусна, многонародна и всякими годностьми во Европѣ цвѣтущаго, се есть Великаго Государя нашего Его Царское Величество: и онибъ о томъ прислали къ Его Царскому Величеству пословъ своихъ съ прошеніемъ того дѣла; а Его Царскаго Величества послы на ту элекцыю посланы будутъ

листы ко Князю Примасу и къ Сенату Корунмому и Лишовскому; а посемъ посольства великаго на элекцыю, съ подъемомъ Царскаго Величества казны, надобно и чтобъ посолъ для ошвѣта къ Москвѣ не описывался, но съ полною мочью посланъ быдъ. шакожде, какъ и иныхъ Великихъ Государей Христіанскихъ послы съ полною мочью, о которыхъ и иныхъ дѣлѣхъ, належащихъ ко обиранію Государскому, тѣ послы и договоръ чинить учнутъ. Писанъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта зрїв, Февраля въ дї день. ҂

Выписано изъ Стат. Списка Польскаго Двора, NO 165.

ОГЛАВЛЕНІЕ

VI ЧАСТИ ТРУДОВЪ.

Стран.

I. Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи, соч. *А. Ѳ. Малиновскаго.* - - - - - 3

II. О словѣ Гривна, соч. *Г-на Профессора Эрдмана.* - - - - 107

III. Замѣчанія о Черниговской Гривнѣ, соч. *Кіевскаго Митрополита Евгенія.* - - - - - - - - - 121

IV. О селѣ Ликургѣ, соч. *М. Я. Діева.* 124

V. Свѣдѣнія объ увезенной въ 1612 году Поляками изъ Москвы Царской Коронѣ, соч. *А. Ѳ. Малиновскаго.* - - - - - - - - - 131

VI. Краткое обозрѣніе древнихъ ходячихъ монетъ, подъ названіемъ Кунъ, бывшихъ въ употребленіи въ Россіи, соч. *П. П. Бекетова.* - - 136

VII. Нѣсколько словъ за Святополка, соч. *М. П. Погодина.* - - - - - 165

VIII. Біографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи Канцлерѣ, Боярине Аѳанасіѣ Лаврентьевичѣ Ордынѣ-Нащокинѣ, соч. *А. Ѳ. Малиновскаго.* 172

IX. Дипломатическое приложеніе. - - 193

I

18639

АѳАНАСІЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ

ОРДЫНЪ-НАЩОКИНЪ.

Вся книга!

Принадлежит ко

тонтину Лутоли

Государственн

Лучшая

Г. М. Кавал

на Кой Изо

Кострин

Княжене

Пышечело

Л. Жбин

Бого

3 2044 022 473 060

3 2044 022 473 060

3 2044 022 473 060

3 2044 022 473 060

3 2044 022 473 060